

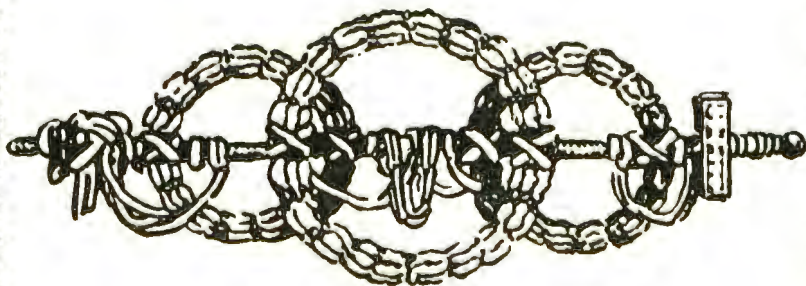
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

П. А. НИВЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ВОЙНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА, ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВЪ.
1912.

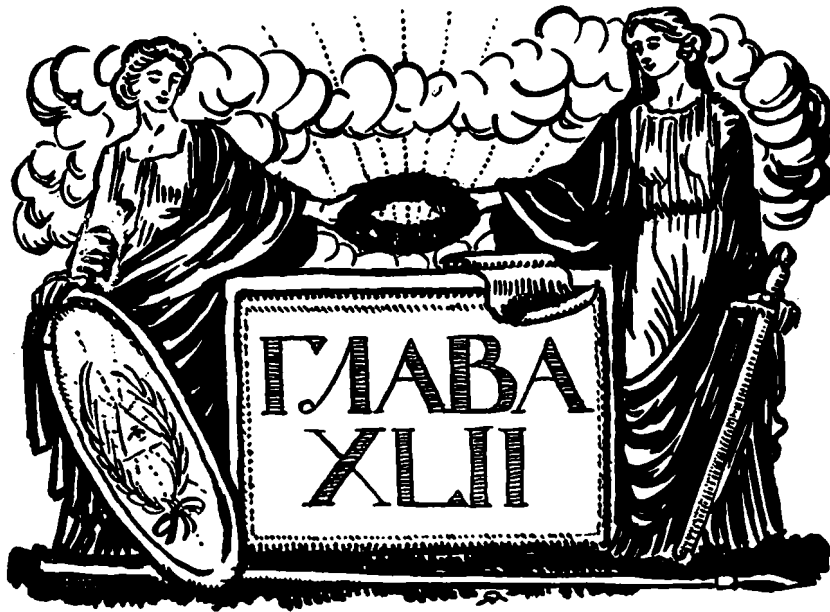
18 12 ГОДЪ

19 12 ГОДЪ

Императоръ Александръ I.

Состояніе „великой арміи“ послѣ боевъ подѣ Краснымъ. Отступленіе ея къ Оршѣ. Мѣры Наполеона по возстановленію порядка въ арміи. Извѣстія о положеніи дѣлъ въ тылу.

Остановка французовъ въ Оршѣ. Преслѣдованіе ихъ Кутузовымъ.

Послѣ боевъ подѣ Краснымъ, главныя силы французской арміи, лишившись въ этихъ бояхъ почти всей своей артиллеріи и значительной части обозовъ, можно сказать, почти совершенно перестали существовать въ качествѣ организованной военной силы. Духъ ея былъ окончательно потрясенъ; одна гвардія Наполеона еще сохранила нѣкоторое подобіе сплоченности...

Во время трехдневныхъ боевъ подѣ Краснымъ, Наполеону пришлось непосредственно соприкоснуться съ войсками, и онъ ужаснулся тому разстройству, въ которомъ они оказывались. Необходимо было принять немедленно самыя рѣшительныя и энергичныя мѣры, чтобы хоть сколько нибудь пріостановить то

быстрое разложене, которое могло совершенно уничтожить армию въ какихъ нибудь нѣсколькихъ дней, даже безъ содѣйствія непріятеля.

При продолженіи безостановочнаго и крайне бѣдственнаго отступленія, начинавшаго уже походить на бѣгство, рассчитывать на возстановленіе порядка не было никакой возможности. Съ другой стороны, всякое замедленіе, а тѣмъ паче — приостановка отступательнаго движенія, грозили столкновеніемъ съ настѣдавшимъ противникомъ, который имѣлъ на своей сторонѣ всѣ преимущества къ тому, чтобы, въ случаѣ столкновенія съ нимъ, одержать полную побѣду...

Пользуясь мѣстомъ расположенія Орши на правомъ берегу Днѣпра, Наполеонъ рѣшился, поставивъ эту преграду между собою и русскими, дать здѣсь своимъ до нельзя истомленнымъ людямъ хоть нѣкоторую передышку.

Къ счастью для него, послѣ довольно сильныхъ морозовъ первыхъ дней ноября — наступила оттепель, замедлившая замерзаніе рѣкъ. Хотя движеніе по грязной дорогѣ и было чрезвычайно утомительно, но все же войска Наполеона нѣсколько оправились и отдохнули отъ тѣхъ страданій, которыя имъ причиняли холода.

Чтобы ободрить людей личнымъ примѣромъ, Наполеонъ нѣсколько разъ выходилъ изъ своей кареты и шелъ пѣшкомъ впереди своихъ гвардейцевъ.

Въ пять часовъ дня 7 ноября Наполеонъ прибылъ въ Дубровну, гдѣ найденъ былъ небольшой магазинъ. Кромѣ того, въ Могилевской губерніи селенія уже не были оставлены жителями, такъ что въ нихъ находились, все-таки, нѣкоторыя средства пропитанія.

Встревоженный степенью разстройства, котораго достигла армія, и опасаясь общаго упадка дисциплины, Наполеонъ рѣшилъ произвести нравственное воздѣйствіе на свою гвардію, на которую онъ привыкъ смотрѣть, какъ на послѣднюю и надежную свою опору въ критическія минуты.

На переходѣ изъ Дубровны въ Оршу онъ остановилъ старую гвардію, приказавъ пѣхотѣ построить каре и, войдя въ его средину, обратился къ своимъ любимымъ „старымъ ворчунамъ“ (vieux grognards) съ такою рѣчью:

„Гренадеры моей гвардіи! Вы видите разстройство арміи; многіе изъ солдатъ, въ бѣдственномъ ослѣпленіи, побросали оружіе. Если вы послѣдуете такому пагубному примѣру, то намъ болѣе не остается никакой надежды.

„Отъ васъ зависитъ спасеніе арміи; вы оправдаете мнѣніе, которое я имѣлъ о васъ.

„Недостаточно того, чтобы офицеры заботились о сохраненіи строгой дисциплины; вы сами должны смотрѣть взаимно другъ за другомъ и наказывать тѣхъ, которые оставляютъ ряды свои“.

Рѣчь эта встрѣчена была восторженными восклицаніями „vive l'empereur“ и хоть немного ободрила павшій духъ воиновъ.

Но все же положеніе остатковъ арміи было отчаянное. Общее число способныхъ носить оружіе, включая сюда и безлошадныхъ кавалеристовъ, не превышало теперь двадцати пяти тысячъ чело-вѣкъ! Но и изъ нихъ многіе настолько исхудали, обросли боро-дой, почти ослѣпли отъ дыма бивачныхъ костровъ, что не узна-вали другъ друга и совершенно утратили бодрость духа и физи-ческія силы; они только изъ послѣдняго, чисто инстинктивнаго чувства чести не бросали своихъ ружей, дѣйствовать которыми едва ли смогли бы.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, начиная съ Дубровны, стали при-ходить извѣстія одно другого печальнѣе.

Маршалъ Викторъ доносилъ изъ Черей о неудачѣ его по-пытки отгѣснить Витгенштейна за Двину. Это извѣстіе было не-пріятно, но, собственно говоря, уже не имѣло теперь особо-грознаго значенія, такъ какъ Наполеонъ добивался отгѣсненія Витгенштейна тогда еще, когда подумывалъ объ остановкѣ на зимнихъ квартирахъ на линіи Витебскъ—Могилевъ, что уже давно имъ было оставлено. Но все-таки, неудача Виктора дѣлала воз-можнымъ дальнѣйшее наступленіе Витгенштейна, которое могло постепенно сдѣлаться все болѣе и болѣе опаснымъ.

Зато извѣстіе, полученное отъ Брониковскаго, о занятіи Чичаговымъ Минска было гораздо болѣе тревожно. Минскъ на-ходился на прямомъ пути отступленія французской арміи и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ базисныхъ пунктовъ по количеству и размѣрамъ своихъ магазиновъ и складовъ. Захватъ его русскими свидѣтельствовалъ о томъ, что въ ихъ распоряженіи здѣсь были значительныя силы.

*

Затѣмъ — близость Минска къ Борисову возбуждала опасеніе (какъ мы уже знаемъ — вскорѣ оправдавшееся) за предмостное Борисовское укрѣпленіе и защищаемую имъ переправу черезъ Березину.

Вотъ почему Наполеонъ, получивъ эти извѣстія, прежде всего былъ озабоченъ принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы обезпечить эту переправу и для этой цѣли стянуть къ Борисову какъ можно больше силъ.

Отсюда то и возникли распоряженія, въ силу которыхъ направлена была къ Борисову дивизія Домбровскаго, судьба которой намъ уже извѣстна. Но Наполеонъ не ограничился этимъ и послалъ приказаніе Удино отдѣлиться со своимъ корпусомъ отъ Виктора и двинуться кратчайшимъ путемъ къ Борисову.

Наполеонъ рассчитывалъ, усиливъ Домбровскаго войсками Удино, а въ случаѣ нужды притянувъ и Виктора, не только не допустить русскихъ овладѣть Борисовымъ, но еще и нанести этими соединенными силами пораженіе Чичагову и снова вырвать у него изъ рукъ Минскъ. Такой результатъ, по его мнѣнію, могъ совершенно видоизмѣнить положеніе вещей на театрѣ войны и дать возможность французамъ, пріостановивъ дальнѣйшее наступленіе, удержаться въ районѣ къ западу отъ Березины и провести въ немъ остатокъ зимы, послѣ чего, весною слѣдующаго года, оправившись и пополнившись, возобновить кампанію.

Рѣшаясь направить ударъ противъ Чичагова, приходилось значительно ослабить заслонъ, оставляемый со стороны Витгенштейна.

Крайне интересны тѣ указанія, которыя даны были Наполеономъ Виктору для наилучшаго выполненія этого плана.

Викторъ долженъ былъ занять такое расположеніе, которое одновременно прикрывало бы пути на Оршу, Борисовъ и Вильну. Уходъ корпуса Удино надлежало во что бы то ни стало скрыть отъ противника и затѣмъ ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго направленія французской арміи. Викторъ долженъ былъ дѣйствовать такъ, чтобы заставить Витгенштейна думать, что противъ него направляется со всѣми силами самъ Наполеонъ, а въ дѣйствительности играть роль *боноваго авангарда* арміи, прикрывая ея движеніе между Оршей и Борисовымъ.

Въ предписаніяхъ, данныхъ Удино и Виктору, Наполеонъ выражалъ твердую вѣру въ удачный исходъ всѣхъ этихъ своихъ предположеній, но это, очевидно, для того, чтобы оказать надлежащее моральное воздѣйствіе на этихъ маршаловъ. Въ дѣйствительности, онъ повидимому, самъ мало надѣялся на успѣхъ; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ, отправленномъ одновременно съ этими предписаніями герцогу Бассано (Марэ) въ Вильну, онъ прямо высказывалъ, что, въ случаѣ превосходства силъ Чичагова, придется, вѣроятно, повернуть съ арміей на Вилейку, куда и предписывалъ двинуть ей навстрѣчу транспорты съ продовольствіемъ. Другое распоряженіе, показывающее, что Наполеонъ мало вѣрилъ въ возможность удержать за собою мѣстность къ западу отъ Березины, заключалось въ предписаніи немедленно распорядиться отправкою въ Данцигъ осаднаго парка.

Приближеніе Чичагова заставило Наполеона сократить елико возможно свое пребываніе въ Оршѣ; но, несмотря на всю свою непродолжительность, оно принесло большую пользу изстрадавшимся остаткамъ арміи.

Головныя части корпусовъ, сражавшихся подъ [Краснымъ], начали прибывать въ Оршу 6 ноября. Жюно, слѣдовавшій, какъ извѣстно, въ головѣ арміи съ остатками вестфальскаго корпуса, получилъ еще ранѣе предписаніе занять предмостныя укрѣпленія на лѣвомъ берегу [Днѣпра, установить правильную организацію раздачи запасовъ изъ продовольственныхъ магазиновъ, а засимъ — принять мѣры для водворенія въ свои ряды людей, самовольно ихъ покинувшихъ, при чемъ онъ облеченъ былъ правомъ предавать военному суду и разстрѣливать всѣхъ, уличенныхъ въ грабежѣ.

Для задержанія безоружныхъ и направленія ихъ въ свои части, Жюно распорядился занять мосты черезъ Днѣпръ командами жандармовъ; но мѣра эта никакого успѣха не имѣла. Масса голодныхъ, оборванныхъ и доведенныхъ до отчаянія людей быстро скопилась у входовъ на мосты, послѣ чего силою своего напора прорвалась черезъ нихъ. Городъ, какъ было и въ Смоленскѣ, наполнился беспорядочною разнокалиберною толпою людей, потерявшихъ всякую дисциплину, удержать которыхъ съ цѣлью водворенія среди нихъ хотя какого нибудь порядка — не было ни малѣйшей возможности.

На улицахъ города и во всѣхъ корпусахъ, по мѣрѣ ихъ прихода, устроено было чтеніе прокламацій, которыми войска призывались къ порядку, а безоружные — къ возвращенію въ ряды своихъ полковъ. Но это былъ поистинѣ „голосъ вопіющаго въ пустынѣ“. Прокламаціи равнодушно выслушивались толпами безоружныхъ солдатъ, для которыхъ угроза преданіемъ военно-полевому суду за бродяжничество являлась пустымъ звукомъ. Число покинувшихъ ряды и бросившихъ оружіе въ данную минуту превосходило количество оставшихся въ строю, такъ что меньшей половиной арміи пришлось бы разстрѣливать ббльшую.

Единственная мѣра, которую до нѣкоторой степени удалось осуществить, — это правильная раздача запасовъ изъ магазиновъ тѣмъ людямъ, которые остались въ строю.

Хотя она и не привела къ возвращенію въ свои части людей, ранѣе бросившихъ ряды, но зато удержала въ нихъ остальныхъ и приостановила быстрое таяніе остатковъ арміи.

Послѣдніе подверглись въ Оршѣ новой организаціи, болѣе отвѣчавшей слабому численному ея составу.

Такъ, корпусъ Даву, въ составъ котораго включенъ былъ гарнизонъ Орши, переформированъ былъ въ *три батальона*. Остатки корпуса вице-короля были сведены въ два батальона, корпуса Жюно — въ одинъ батальонъ.

По приказанію Наполеона, знамена и орлы были сняты съ древковъ и отвѣтственность за ихъ сохраненіе возложена на полковыхъ командировъ.

Почти полное отсутствіе артиллеріи сильно беспокоило Наполеона. Еще на пути къ Оршѣ онъ далъ приказаніе маршалу Виктору выдѣлить тридцать орудій и, тотчасъ же по соединеніи съ главною арміей, передать ихъ ей.

Кромѣ того, въ Оршѣ оказался артиллерійскій паркъ; въ немъ было 36 орудій. Это дало возможность сформировать шесть батарей, которыя и были распределены по корпусамъ вице-короля, Нея и Даву, въ каждой по двѣ шести-орудійныхъ батареи. Боевые же припасы были пополнены изъ находящихся въ Оршѣ складовъ.

Чтобы усилить запряжку въ артиллеріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшить несоразмѣрное количество обозовъ, Наполеонъ отдалъ приказъ сжечь всѣ лишнія повозки, а лошадей отдать подъ орудія.

Сожжєніє знаменъ.

Съ карлны А. Коссагы

Съ тою же цѣлью сожжены были два понтонныхъ парка, оставленныхъ въ Оршѣ еще при движеніи къ Москвѣ. Это дало до 600 крѣпкихъ, не изнуренныхъ лошадей. Но въ послѣдствіи радикальная мѣра эта оказалась для арміи губительной, такъ какъ, при существованіи понтоновъ, переправа черезъ Березину, несомнѣнно, была бы менѣе бѣдственна для арміи.

Имѣются свидѣтельства, что Наполеонъ былъ увѣренъ, что тяжелые понтоны не въ состояніи слѣдовать за арміей, почему и распорядился ихъ уничтоженіемъ, сохранивъ лишь все необходимое для сооруженія моста на козлахъ.

Конницы почти совершенно не осталось въ арміи. Изъ остатковъ прежнихъ четырехъ кавалерійскихъ резервныхъ корпусовъ Мюрата сформированъ былъ одинъ эскадронъ въ пятьсотъ коней, который названъ былъ „священнымъ“. Задачей его была охрانا особы императора.

Въ этомъ эскадронѣ оберъ-офицеры заняли мѣста рядовыхъ, полковники служили унтеръ-офицерами, а генералы командовали взводами.

8 ноября около полудня Наполеонъ выступилъ изъ Орши, оставивъ въ городѣ еще на нѣкоторое время вице-короля и Даву, въ надеждѣ на возможное присоединеніе Нея.

Дѣйствительно, въ тотъ же день, какъ извѣстно, Ней правымъ берегомъ Днѣпра подошелъ къ Оршѣ съ остатками своего корпуса. Послѣднія французскія войска очистили Оршу 9 ноября и положили между собою и Кутузовымъ серьезную преграду рѣки Днѣпра, уничтоживъ на ней переправы.

* * *

Предѣлы успѣховъ, одержанныхъ нашею арміей въ бояхъ подъ Краснымъ, не были сразу оцѣнены Кутузовымъ. Поэтому 5 ноября вечеромъ, получивъ свѣдѣнія о приближеніи со стороны Смоленска корпуса Нея, фельдмаршалъ, усиливъ войска Милорадовича, оставшіяся на позиціи за Лосьминскимъ оврагомъ, самъ съ главными силами остался въ селѣ Добромъ, а для преслѣдованія французской арміи въ западномъ направленіи назначены были только:

Генераль Бороздинъ съ шестью казачьими полками по дорогѣ на Дубровну.

Отрядъ графа Ожаровскаго, продолжавшій двигаться южнѣ большой дороги, и отрядъ барона Розена (три полка пѣхоты съ артиллеріей), двигавшійся слѣдомъ за Бороздинымъ.

Всѣ эти войска начали преслѣдованіе съ разсвѣтомъ 6 ноября.

Бороздинъ у мѣстечка Ляды нагналъ арьергардъ французовъ, вынудилъ его очистить подоженное со всѣхъ концовъ мѣстечко и, захвативъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ и пять пушекъ, остановился на ночлегѣ у д. Большія Колотовки.

Ожаровскій остановился южнѣ большой дороги въ двухъ верстахъ, въ селѣ Михалиновѣ; но казаки его въ ночь на 7-е число перехватили отступавшихъ отъ Лядъ французовъ и овладѣли 4 орудіями и шестьюстами плѣнными.

Что же касается Розена, то онъ, задерживаемый испорченными переправами, дошелъ до Лядъ только къ вечеру.

Пораженіе Нея и доходившія до Кутузова, въ теченіе дня 6 ноября, донесенія о тысячахъ взятыхъ плѣнныхъ, выяснили фельдмаршалу, какъ истинные размѣры успѣховъ, одержанныхъ нами подъ Краснымъ, такъ и состояніе непріятели.

Было очевидно, что ударъ французской арміи нанесенъ весьма тяжкій, такъ что разстройство и убыль ея дошли до чрезвычайной степени.

Но тѣмъ не менѣе 7 ноября Кутузовъ съ главными силами продолжалъ оставаться въ ближайшихъ окрестностяхъ Краснаго, чтобы дать своимъ истомленнымъ непрерывнымъ преслѣдованіемъ людямъ основательный отдыхъ.

Отступавшую французскую армію неотступно преслѣдовали только казаки и партизаны, продолжавшіе висѣть у нея на флангахъ и беспокоить ее на каждомъ шагу.

Ермоловъ выпросилъ у Кутузова разрѣшеніе принять въ командованіе отрядъ барона Розена, который былъ нѣсколько при этомъ усиленъ.

Но Кутузовъ, зная Ермолова за одного изъ горячихъ сторонниковъ рѣшительнаго, энергическаго образа дѣйствій, ограничилъ нѣсколько его свободу тѣмъ, что разрѣшилъ ему переправляться черезъ Днѣпръ только въ томъ случаѣ, если Платову съ его казаками (продолжавшему отъ самаго Смоленска идти правымъ берегомъ рѣки Днѣпра) понадобится поддержка.

„Ручаясь за точность исполненія— говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ—, „я перекрестился, но долженъ признаться, что „тогда же рѣшился поступить иначе“.

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ послано было предписание Платову держаться правѣе французской арміи и дѣйствовать ей не только во флангъ, но стараться задерживать ее, „предупреждая въ головѣ колонны“.

Въ то же время Свѣтлѣйшій извѣстилъ о результатахъ красненскихъ сраженій главныхъ исполнителей плана Императора Александра, т. е. Чичагова и Витгенштейна, снабдивъ эти извѣщенія своими указаніями.

Чичагову онъ отъ 6 ноября писалъ такъ:

„Вчерашній день понесъ непріятель новое и жестокое поражение при Красномъ. Увѣдомляю васъ, что разстройство, въ которое онъ приведенъ былъ, почти невѣроятно; самъ Наполеонъ „ускакалъ со свитою своею, оставя войско свое на жертву войнамъ нашимъ. Поспѣшайте В. Вп. къ общему содѣйствію, и „тогда гибель Наполеона неизбѣжна. Весьма необходимо открыть „скорое сношеніе между вашею и главною арміею черезъ Копысь, Староселье, Цезержинъ, Штелевичи, Черный Усовъ, село „Уши, что на Березинѣ, Гроднянка, Смолевичи и Минскъ.

„По симъ обстоятельствамъ содѣйствіе всѣхъ нашихъ силъ „можетъ нанести неизбѣжную гибель Наполеону“.

Витгенштейну Кутузовъ писалъ 7 ноября и высказывалъ ему то же убѣжденіе, что „одно центральное дѣйствіе нашихъ армій „на остальные непріятельскія силы съ помощью Божіею угрожаетъ Наполеону новымъ пораженіемъ и совершеннымъ истребленіемъ силъ его“.

Кутузовъ извѣщалъ Витгенштейна, что на правомъ берегу Днѣпра дѣйствуютъ казаки Платова и отрядъ ген.-ад. Голенищева-Кутузова; что „съ лѣвой стороны котируютъ непріятеля три партизана“ и что „армія идетъ фланговымъ маршемъ къ Копысю, „гдѣ, по переправѣ черезъ Днѣпръ, возьметъ направленіе, сообразное движенію непріятельской арміи“.

Далѣе Кутузовъ рекомендовалъ Витгенштейну „дѣйствія, на правый флангъ непріятеля“, указывая, что эти дѣйствія будутъ поддержаны Платовымъ и ген.-ад. Кутузовымъ.

Но все же фельдмаршалъ справедливо опасался того, что перехватъ Чичаговымъ путей отступленія Наполеона къ Березинѣ можетъ заставить послѣдняго пойти на соединеніе съ Викторомъ и С. Сиромъ, а затѣмъ попытаться совокупными силами проложить себѣ путь въ Литву.

Поэтому Кутузовъ, въ помянутомъ предписаніи предостерегалъ Витгенштейна отъ возможности такой комбинаціи и указывалъ ему, что „тогда корпусъ Вашего Сіятельства безъ сомнѣнія... *„найдетъ крѣпкую безопасную позицію или на время можетъ отступить за Двину“*“.

Обращаемъ особое вниманіе на это предписаніе Кутузова Витгенштейну, несомнѣнно, навѣянное тѣмъ Высочайшимъ рескриптомъ, который мы приводили выше, и въ которомъ Императоръ Александръ обращалъ вниманіе фельдмаршала на положеніе Витгенштейна и на возможность опаснаго противъ него сосредоточенія ббльшей части непріятельскихъ силъ...

Такъ какъ этотъ рескриптъ полученъ былъ Кутузовымъ какъ разъ 7 ноября въ селѣ Доброумъ, откуда тѣмъ же числомъ помѣчено и помянутое предписаніе Витгенштейну, то связь между этими двумя документами очевидна.

Въ этомъ указаніи, безъ сомнѣнія, содержится ключъ къ объясненію всего образа дѣйствій Витгенштейна во время послѣдующихъ операцій на Березинѣ.

7 ноября, въ день прибытія въ Оршу главной квартиры Наполеона, расположеніе отдѣльныхъ частей арміи Кутузова было слѣдующее:

Главныя ея силы были еще въ окрестностяхъ города Краснаго, имѣя главную квартиру въ селѣ Доброумъ.

Авангардъ Ермолова (12 бат. съ артиллеріей, 8 эск. и три полка казаковъ) стягивался въ Лядахъ.

Платовъ преслѣдовалъ остатки корпуса Нея по правому берегу Днѣпра отъ Гуסיнаго къ Дубровнѣ.

Партизаны держались лѣвѣе большой дороги: Сеславинъ (около 500 коней при 4 орудіяхъ, въ составъ которыхъ вошла и партія Фигнера)—между Дубровной и Оршей, Давыдовъ (760 коней)—въ Лапенкахъ и графъ Ожаровскій (19-й егерскій полкъ, Маріупольскіе гусары и 4 полка казаковъ съ 4 пушками)—въ Михалиновѣ.

Конный отрядъ ген.-ад. Голенищева-Кутузова (6 казачьихъ полковъ, Изюмскіе гусары и 2 орудія), шедшій отъ самой Москвы усиленнымъ маршемъ, дошелъ до Бабиновичей.

Предполагая, что Наполеонъ изберетъ дальнѣйшее направленіе своего отступленія на Минскъ, Кутузовъ намѣтилъ своимъ главнымъ силамъ дальнѣйшее движеніе на Копысь.

Этимъ вполне сохранялись всѣ выгоды параллельнаго преслѣдованія. Кромѣ того, если бы Наполеонъ, найдя путь на Минскъ прегражденнымъ Чичаговымъ, вздумалъ бы, вмѣсто движенія сѣвернѣе, на сближеніе съ Викторомъ, искать выхода южнѣе, черезъ Игумень или Бобруйскъ, онъ могъ быть преду-прежденъ и на этомъ направленіи.

Зато обратно, если бы Наполеонъ дѣйствительно обратился противъ Витгенштейна, то направленіе на Копысь было невыгодно, какъ удалявшее армію отъ него.

Ясно поэтому, до какой степени важно было Кутузову точно знать истинное направленіе отступленія Наполеона послѣ перехода имъ Днѣпра, на что онъ и обращалъ вниманіе своихъ передовыхъ войскъ.

9 ноября главныя силы Кутузова достигли Лапенокъ, сдѣлавъ въ два перехода до пятидесяти верстъ.

Платовъ по правому берегу Днѣпра дошелъ до Орши, удостовѣрившись, что французская армія отступаетъ въ направленіи на Коханово, и захватилъ въ очищенномъ французскимъ арьергардомъ и пылавшемъ городѣ 26 орудій и довольно много повозокъ и имущества. Что же касается авангарда Ермолова, то онъ дошелъ до Дубровны и здѣсь узналъ, что французы уничтожили въ Оршѣ мосты.

Тогда Ермоловъ рѣшилъ переправиться въ Дубровнѣ, исправивъ имѣвшійся здѣсь, но поврежденный и чрезвычайно жидкій мостъ.

Скоро сообщеніе между обоими берегами сдѣлалось возможнымъ и, дабы какъ можно быстрѣе оказать поддержку Платову, Ермоловъ приступилъ къ переправѣ безотлагательно.

Пѣхота перешла безъ затрудненій. Орудія были перетасканы по толстымъ доскамъ, настаннымъ вдоль моста. Лошадей переправили, спутывая имъ ноги и перетаскивая за хвостъ по доскамъ; казачьихъ же пустили вплавь.

Еще не отошла переправа, какъ тронувшійся по Днѣпру ледъ разрушилъ мостъ и обозы, съ частью патронныхъ ящиковъ.

Тѣмъ временемъ партизаны наши выслѣдили на пути изъ Мстиславля въ Оршу сильное депо французской конницы; въ немъ было 173 офицера и болѣе 3.000 нижнихъ чиновъ, а также 732 лошади.

При томъ состояніи, въ которомъ находилась французская армія, присоединеніе къ ней даже и этого количества сравнительно свѣжихъ людей и лошадей, особенно кавалеристовъ, было весьма нежелательно. Не имѣя конницы, Наполеонъ, въ сущности, лишень былъ развѣдки, ему приходилось полагаться единственно на донесенія шпіоновъ, преимущественно евреевъ. Ясно, что именно въ данный моментъ кампаніи, когда готовилась захлопнуться ловушка, задуманная Императоромъ Александромъ, свѣжій, хотя бы и небольшой отрядъ конницы, могъ оказать Наполеону огромную помощь.

Поэтому наши партизаны, Давыдовъ и Сеславинъ, слѣдили неотступно за этимъ депо, и 9 ноября Давыдовъ настигъ его у Копыся, въ самый моментъ переправы черезъ Днѣпръ, и частью разсѣялъ, частью забралъ въ плѣнъ.

Такимъ образомъ 9 ноября, почти одновременно, передовые наши отряды заняли линію Днѣпра (Платовъ и Бороздинъ—у Орши, Давыдовъ и Сеславинъ—у Копыся, Ермоловъ—у Дубровны, Ожаровскій—у Шклова).

На слѣдующій день главныя силы Кутузова остались на дневкѣ у села Лепенки, а Милорадовичъ съ авангардомъ пошелъ къ Копысю, гдѣ и приступилъ къ устройству переправы.

Фельдмаршалу, при быстротѣ преслѣдованія, не позволявшей нашимъ обозамъ и транспортамъ догонять войска, приходилось заботиться объ обезпеченіи продовольствія арміи. Поэтому Кутузовъ приказалъ Ожаровскому, при содѣйствіи Давыдова, овладѣть Могилевымъ, въ которомъ было сосредоточено много разнаго рода запасовъ. Кромѣ того, въ этомъ городѣ введено было французское управленіе, это былъ крупный административный центръ; поэтому захватъ его въ наши руки долженъ былъ произвести надлежащее впечатлѣніе на мѣстное населеніе.

Ожаровскій двумя колоннами двинулся на мѣстечко Княжицы и, узнавъ по пути отъ бѣжавшихъ изъ города жителей, что неприятельскій гарнизонъ намѣренъ сжечь его, посадилъ часть своихъ егерей на-конь и, прискакавъ съ ними конницей къ Могилеву, разсѣялъ пораженнаго неожиданностью непріятеля. Было захвачено въ плѣнъ болѣе ста человекъ, и въ наше распоряженіе поступили обширные склады муки, послѣ чего немедленно приступлено было къ выпечкѣ хлѣба и сухарей.

Получивъ вышеприведенное донесеніе Платова о направленіи отступленія французовъ, указывавшее на неминуемость ихъ столкновенія съ Чичаговымъ, Кутузовъ рѣшилъ предупредить адмирала, для чего и послалъ къ нему флигель-адъютанта Орлова. Въ предписаніи, врученномъ послѣднему, сообщалось о направленіи, данномъ передовымъ отрядамъ къ арміи, при чемъ было добавлено:

„Легко можетъ быть, что Наполеонъ, видя невозможность „очистить себѣ путь чрезъ Борисовъ къ Минску, повернетъ отъ „Толочина или Бобра на Погостъ и Игумень, захочетъ пробраться „на Вольту, для чего не излишне было бы наблюдать его парти- „занами, дабы заранѣе быть извѣщенными о его движеніи и тѣмъ „его предупредить“.

При этомъ Кутузовъ высказывалъ увѣренность, что „если „графъ Витгенштейнъ, будучи удержанъ Викторомъ и С. Сиромъ, „не былъ бы въ состояніи содѣйствовать вамъ въ пораженіи не- „пріятеля, то вы, соединясь съ ген.-ад. Эртелемъ и ген.-м. Ли- „дерсомъ, довольно сильны будете разбить бѣгущаго и тѣсни- „маго отъ меня непріятеля, который почти безъ артиллеріи и ка- „валеріи“.

Одновременно съ отправкой Орлова, Кутузовъ распорядился, чтобы Ермоловъ соображалъ свои дѣйствія съ дѣйствіями Платова, будучи всегда наготовѣ поддержать послѣдняго; Милорадовичу велѣно было переходить Днѣпръ у Копыся и, черезъ Староселье и Толочинъ, выйти на большую дорогу, присоединить къ себѣ Ермолова и преслѣдовать противника съ тыла.

Самъ фельдмаршалъ рѣшилъ продолжать параллельное преслѣдованіе, не переставая грозить противнику съ юга, и потому намѣренъ былъ взять направленіе отъ Копыся на Нижнее Березино.

Всѣмъ партизанамъ тоже указано дѣйствовать съ южной стороны.

Таковы были распоряженія Кутузова на порогѣ той тяжелой драмы, которая, какъ послѣдній актъ перенесенныхъ злосчастнымъ непріателемъ испытаній, разыгралась на берегахъ Березины.

Изъ нихъ, между прочимъ, видно, что фельдмаршалъ рассчитывалъ навѣрное на увеличеніе силъ Чичагова войсками Эртеля и Лидерса и считалъ поэтому армію адмирала достаточно сильной, чтобы даже въ одиночку справиться съ остатками „великой арміи“.

Не этимъ ли, между прочимъ, объясняется и та медленность движенія главныхъ силъ Кутузова къ Березинѣ, за которую его обыкновенно осуждаютъ? Вѣдь о томъ, что Эртель не присоединился къ Чичагову, Свѣтлѣйшій узналъ лишь по окончаніи операціи на Березинѣ...

* * *

Итакъ, планъ Императора Александра былъ близокъ къ осуществленію. Но противникъ имѣлъ во главѣ горсти своихъ войскъ всемірный военный геній, и этотъ геній, въ тискахъ самаго ужаснаго, самаго неимовѣрнаго на войнѣ положенія, вспыхнулъ яркимъ свѣточемъ прежней славы и, цѣною гибели послѣднихъ остатковъ арміи, избавилъ самого себя на этотъ разъ отъ позорнаго плѣна.

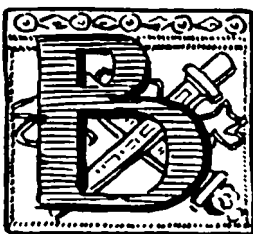

Выступление Наполеона изъ Орши.

Положеніе сторонъ къ вечеру 10 ноября. Условія мѣстности. Что предстояло выполнитьъ Наполеону? Мѣры, принятыя имъ для подготовки переправы черезъ Березину.

Расположеніе Чичагова по занятіи имъ линіи рѣки Березины. Наступленіе авангарда графа Палена и бой при Лошницѣ 11 ноября. Его значеніе.

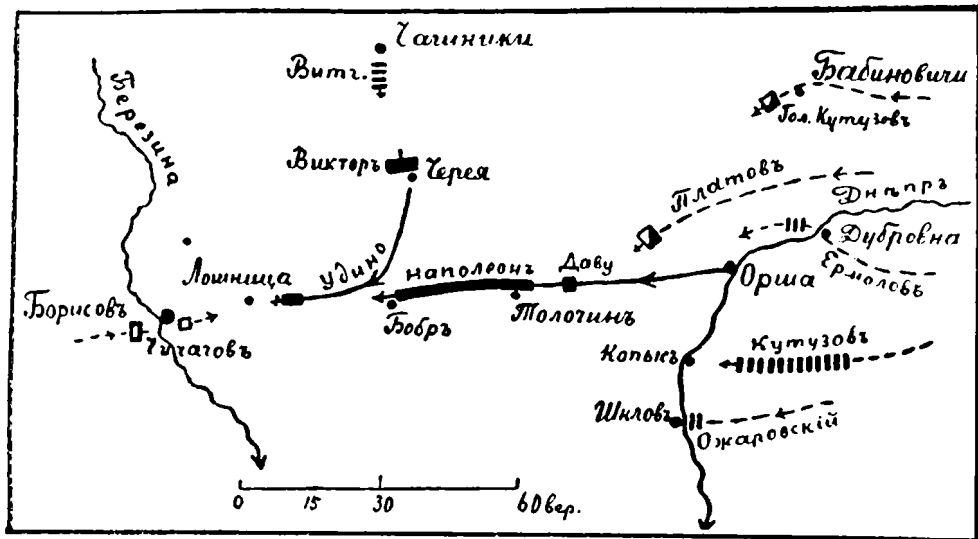

ь Оршѣ, кромѣ небольшого Оршинскаго гарнизона, къ „великой арміи“ присоединились только остатки кавалерійскаго депо, разсѣяннаго нашими партизанами, да шедшій навстрѣчу Домбровскій, съ тѣмъ, что уцѣлѣло отъ бывшаго гарнизона города Могилева.

9 ноября корпусъ Удино, которому приказано было отдѣлиться отъ Виктора и выйти на большую дорогу впереди „великой арміи“, выполнилъ это и расположился у Бобра. Викторъ остался у Черен, имѣя впереди себя Витгенштейна у Чашниковъ.

Главная квартира Наполеона въ этотъ день дошла до села Коханова, отстоявшаго отъ Орши въ тридцати пяти и отъ Борисова— въ ста верстахъ.

Схема положенія сторонъ 10—12 ноября.

Наступившая послѣ красненскихъ сраженій оттепель продолжалась. Французы, вынужденные теперь постоянно располагаться бивакомъ, если и перестали страдать отъ холода, то терпѣли отъ сырости и отъ глазныхъ болѣзней, развившихся отъ дыма бивачныхъ костровъ. Хотя въ Могилевской губерніи населеніе не разоряло своихъ селеній и не покидало ихъ, такъ что можно было достать кое какіе запасы, но нечего было и думать о правильномъ ихъ распредѣленіи.

Упадокъ духа въ войскахъ былъ неописуемый; многіе были поражены безуміемъ; другіе искали сами смерти, какъ избавительницы отъ страданій.

Таково было положеніе остатковъ полчищъ Наполеона, когда, по прибытіи 10 ноября въ Толочинъ, получена была отъ Удино грозная вѣсть о взятіи русскими войсками Борисова.

Единственный мостъ на Березинѣ былъ захваченъ; средствъ же для быстраго устройства переправы гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ не было, такъ какъ понтоны были только что уничтожены въ Оршѣ, чтобы освободить свѣжихъ лошадей подъ артиллерию.

Правда, маршалъ Удино доносилъ о намѣреніи своемъ попытаться снова отобрать Борисовъ у русскихъ; но рассчитывать на успѣхъ такого намѣренія было трудно.

Такимъ образомъ, планъ Императора Александра близился къ осуществленію.

Наполеонъ, съ остатками своихъ главныхъ силъ, находясь у Толочина, уже былъ стратегически (т. е. на театрѣ войны) окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Путь его отступленія былъ перехваченъ тридцатитысячною арміею Чичагова. Сорокатысячныя силы Витгенштейна грозили съ сѣвера, придерживаемыя только на время слабѣйшимъ корпусомъ Виктора. Главная масса войскъ Кутузова переправлялась у Копыся, а у Шклова—отрядъ Ожаровскаго, съ цѣлью помѣшать движенію Наполеона въ южномъ или юго-западномъ направленіи.

У Дубровны переходилъ Днѣпръ Ермоловъ, насѣдая съ тыла. Съ сѣверо-востока слѣшили казаки Платова и отрядъ Голенищева-Кутузова...

Донесеніе отъ Удино о захватѣ Борисова русскими впервые повергло Наполеона, сохранившаго до сихъ поръ полное спокойствіе среди всѣхъ ужасовъ бѣдственнаго отступленія, въ замѣтное волненіе.

„Il est donc décidé, que nous ne ferons que des sottises!“ (Такъ видно рѣшено, что мы будемъ дѣлать однѣ глупости!) воскликнулъ онъ въ раздраженіи...

Чтобы болѣе уяснить то положеніе, въ которомъ оказалась французская армія съ потерей Борисовскаго предмостнаго укрѣпленія и переправы, необходимо остановиться на условіяхъ мѣстности того района, въ которомъ сосредоточивались теперь военныя дѣйствія.

По переходѣ Наполеономъ Днѣпра, центръ тяжести этихъ дѣйствій переносился въ районъ между рѣками: Западной Двиной съ сѣвера, Уллой и Березиной съ запада и Днѣпромъ съ востока.

Въ этихъ предѣлахъ мѣстность отличалась вообще характеромъ закрытымъ и пересѣченнымъ, изобилуя лѣсами и болотами, особенно въ южной своей части. Ближе къ Западной Двинѣ, черезъ Сенно и Лепель, пролегла цѣпь невысокихъ холмовъ—водораздѣлъ между истоками рѣкъ Березины и Уллы.

Объ онѣ, какъ извѣстно, сближаясь между собою этими истоками, преграждали всѣ пути отступленія французовъ изъ Россіи, почему эта линія и была намѣчена Императоромъ Александромъ для выполненія его плана.

Между Березиной и Уллой существовало соединеніе при помощи нѣсколькихъ каналовъ и озеръ, такъ что объ рѣки образовали одну сплошную, неразрывную преграду.

Березина, въ верхнемъ своемъ теченіи, имѣла ширину не особенно большую, до Веселова не превышавшую двадцати двухъ сажень. Но ниже рѣка постепенно уширялась и у мѣстечка Нижнее Березино доходила до пятидесяти сажень. Глубина всюду была солидная, и броды имѣлись только въ немногихъ определенныхъ мѣстахъ. Долина рѣки обладала значительной шириной, представляя собою почти сплошныя болота, окаймленная полосой лѣсовъ.

Число путей, подходившихъ къ рѣкѣ, особенно съ востока, было крайне ограничено, и вообще Березина представляла значительныя препятствія для своего преодоленія. Наболѣе сравнительно доступнымъ для переправы ея участкомъ былъ промежутокъ между Веселовымъ и Борисовымъ, гдѣ сильно суживалась долина рѣки.

Рѣка Улла была значительно доступнѣе Березины. Хотя она обладала достаточной глубиной, такъ что въ бродѣ не была проходима, но ширина ея была незначительна, отъ 10 до 20 сажень, и долина сухая и узкая.

Значительнымъ неудобствомъ для обороны линіи Березины и Уллы противъ непріятели, двигающагося съ восточной стороны, являлось то обстоятельство, что вдоль праваго ихъ берега не было удобныхъ путей сообщенія. Передвиженіе войскъ отъ Борисова, положимъ, къ линіи рѣки Уллы можно было выполнить не иначе, какъ двигая ихъ кружнымъ путемъ черезъ Докшицы.

Болѣе благоприятныя условія въ отношеніи сообщеній были на другомъ, лѣвомъ берегу Березины, особенно выше Борисова, между Борисовымъ, Лепелемъ и Чашниками.

Отсюда ясно, что оборона рѣки Березины для Чичагова указанными свойствами мѣстности затруднялась; наоборотъ, Наполеону легче было маневрировать и вводить въ заблужденіе своихъ противниковъ.

Главными путями отступления для французской армии от Смоленска могли служить те же две дороги, которыми она уже пользовалась минувшим летом при наступлении. Одна шла через Оршу, Борисовъ и Минскъ и, будучи нѣсколько короче, являлась лучше обеспеченной продовольственными запасами. Кромѣ того, выходя изъ Смоленска, Наполеонъ уже зналъ о потерѣ французами Витебска и объ угрожающемъ положеніи, занятомъ Витгенштейномъ на линіи рѣки Уллы; поэтому онъ рѣшилъ идти по направленію на Борисовъ, надѣясь легче справиться съ Чичаговымъ и предпочитая не сворачивать съ кратчайшаго пути изъ ненавистой Россіи...

Такимъ образомъ, получилось курьезное явленіе. У насъ всего болѣе опасались, начиная съ Императора Александра, поворота Наполеона всѣми силами противъ Витгенштейна, и это опасеніе, какъ увидимъ ниже, все время тяготѣло надъ дѣйствіями „героя Петрополя“ и связывало ихъ по рукамъ и ногамъ. Наполеонъ же, наоборотъ, старается всячески уклониться отъ столкновенія съ Витгенштейномъ, считая его для себя болѣе опаснымъ противникомъ, чѣмъ Чичаговъ...

Путь, по которому слѣдовала теперь французская армія, на всемъ протяженіи отъ Бобра до Минска пролегала почти сплошь по лѣсному дефиле и у Борисова пересѣкался Березиной. Кромѣ Борисовской, ближайшія мостовыя переправы имѣлись: къ сѣверу — въ Веселовѣ и къ югу — въ мѣстечкѣ Нижнемъ Березинѣ.

Чтобы попасть къ Веселову, нужно было свернуть съ большой дороги, или на Кострицу, или же вдоль самаго берега рѣки Березины. Послѣ переправы черезъ послѣднюю, дорога эта направлялась на Зембинъ, по длинной и трудно проходимой тѣснинѣ, образуемой мостами и гатями на болотистой рѣчкѣ Гайнѣ.

У Молодечны путь этотъ выходилъ на большую дорогу изъ Минска въ Вильну.

Чтобы попасть къ Нижнему Березину, нужно было разставаться съ большой дорогой у самаго Бобра. Послѣ переправы дорога черезъ Игумень выводила къ Минску.

10 ноября, въ день полученія Наполеономъ извѣстія о потерѣ Борисовскаго тетъ-де-пона, главныя его силы, будучи у Толочина, находились на половинномъ разстояніи между Днѣпромъ и Березиной. Удино, превратившійся теперь въ авангардъ арміи, нахо-

*

дился у Лошницы, въ двухъ переходахъ впереди. Присоединивъ къ себѣ остатки дивизіи Домбровскаго, онъ имѣлъ до десяти тысячъ, сравнительно болѣе свѣжихъ войскъ, не обремененныхъ массою безоружныхъ.

Точно также находившійся въ 2—3 переходахъ къ сѣверу отъ пути слѣдованія Наполеона у Черей двѣнадцатитысячный корпусъ Виктора, игравшій, въ сущности, роль бокового авангарда, былъ по качеству и духу своему значительно выше изможденныхъ бѣдствіями отступленія остатковъ „великой арміи“.

Такимъ образомъ, первый ударъ противника, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, должны были принять на себя войска, „въ качественномъ отношеніи являвшіяся въ данную минуту лучшими“.

Операція, предстоявшая Наполеону, являлась исключительно трудною.

Онъ долженъ былъ совершить переправу, которая одновременно была *наступательной* — по отношенію къ войскамъ Чичагова и *отступательной* — по отношенію къ остальнымъ нашимъ силамъ (Кутузова и Витгенштейна).

Подъ ружьемъ у Наполеона, считая въ томъ числѣ также и свѣжіе корпуса Виктора и Удино, было въ эту минуту не болѣе 36 тысячъ человекъ, обремененныхъ пятидесятитысячною толпою безоружныхъ и огромными, громоздкими обозами; артиллерія была въ самомъ ничтожномъ количествѣ и въ жалкомъ состояніи; конница существовала только по названію; средствъ для переправы не было, ибо понтоны были сожжены въ Оршѣ.

О Березинѣ, какъ преградѣ, имѣлись преувеличенныя свѣдѣнія; трудность совершенія переправы усугублялась тѣмъ, что вслѣдствіе оттепели на рѣкѣ тронулся ледъ...

Положеніе, въ которомъ очутилась французская армія, было близко къ критическому. Единственная надежда могла быть на одно: что при значительности разстояній, могутъ быть тренія въ отношеніи установленія связи и должнаго согласованія въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ русскихъ армій и что этимъ удастся во-время воспользоваться.

Получивъ донесеніе о потерѣ Борисова, Наполеонъ одобрилъ намѣреніе Удино продолжать движеніе впередъ и атаковать въ Борисовѣ русскихъ.

Предполагая однако, что, даже въ случаѣ успѣха Удино, мостъ въ Борисовѣ будетъ, вѣроятно, уничтоженъ Чичаговымъ при отступленіи, Наполеонъ обратилъ вниманіе Удино на необходимость въ этомъ случаѣ безотлагательно форсировать рѣку гдѣ либо выше или ниже Борисова, наведя мосты и обезпечивъ ихъ укрѣпленіями.

Давая эти указанія Удино, Наполеонъ приказалъ Бертье закончить ихъ словами, что „Императоръ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ рассчитываетъ на усердіе и привязанность Удино къ его особѣ“.

Сдѣлавъ эти предварительныя распоряженія, которыя предоставляли Удино полную свободу дѣйствій, ставя ему единственную цѣль: захвата гдѣ либо черезъ Березину переправы, Наполеонъ позаботился о томъ, чтобы собрать болѣе точныя свѣдѣнія о той преградѣ, которую предстояло форсировать.

Свѣдѣнія эти показали, что наиболѣе легкимъ для переправы оказывался участокъ Березины въ ея верховьяхъ, близъ соединенія съ Уллою; наоборотъ, ниже Борисова, переправа была бы крайне трудна, какъ по ширинѣ самой рѣки, такъ и по свойствамъ ея топкихъ и лѣсистыхъ береговъ.

Можно было съ большою увѣренностью предполагать, что, захвативъ Борисовскую переправу, Чичаговъ держитъ свои главныя силы вблизи этого города; поэтому, даже въ случаѣ удачи предприятия Удино, переправа всей арміи близъ Борисова представляла почти неодолимая затрудненія и имѣла весьма мало шансовъ на успѣхъ.

Выборъ переправы на нижнемъ теченіи Березины, кромѣ технической трудности ея выполнения, вѣроятнѣе всего привелъ бы къ столкновенію Наполеона съ превосходными силами Кутузова.

Надобно сказать, что, не имѣя почти вовсе конницы, Наполеонъ оставался совершенно безъ свѣдѣній относительно положенія главныхъ силъ русской арміи: онъ не зналъ, ни о направленіи, ею взятомъ, ни о степени ея удаленія.

Ему приходилось ограничиваться одними лишь предположеніями.

Наполеонъ полагалъ, вполнѣ естественно, что Кутузовъ по прежнему продолжаетъ настойчиво его преслѣдовать, двигаясь южнѣе по параллельному пути и угрожая правому флангу. Оче-

видно, что переправа въ нижнемъ теченіи Березины, вызывая неизбежную пріостановку, должна была навлечь на Наполеона (при такомъ его предположеніи) главную массу русскихъ войскъ.

Генералы Додъ и Жомини (впослѣдствіи перешедшій въ русскую службу, создавшій нашу военную академію, извѣстный военный мыслитель) были приглашены къ Наполеону, какъ близко знакомые съ мѣстными условіями того раіона, въ которомъ сосредоточивались теперь дѣйствія французовъ.

Первый изъ нихъ былъ начальникомъ инженеровъ корпуса Удино, а второй — комендантомъ Орши.

Додъ предлагалъ двинуться къ верховьямъ Березины, гдѣ свойства ея, какъ ничтожной преграды, были ему хорошо извѣстны, ибо войска II корпуса неоднократно переходили еѣ тамъ въ бродъ. Съ присоединеніемъ Удино и Виктора, армія, по мнѣнію Дода, могла опрокинуть Витгенштейна и открыть себѣ путь на Глубокое—Вильну.

Но Наполеонъ отвергъ этотъ планъ. Онъ находилъ, что мѣстность въ раіонѣ верхней Березины, пересѣченная множествомъ озеръ и болотъ, дастъ возможность Витгенштейну задержать французскую армію, а тѣмъ временемъ Кутузовъ можетъ соединиться съ Чичаговымъ и, пользуясь кратчайшимъ разстояніемъ, предупредить ее въ Вильнѣ.

Жомини находилъ одинаково невыгоднымъ, какъ движеніе къ верхней, такъ и къ нижней Березинѣ. Онъ указывалъ на то, что при томъ разстройствѣ, до котораго дошла армія, каждый лишній шагъ для нея сопряженъ съ тяжелыми испытаніями и потерями.

Поэтому онъ предложилъ искать переправы нѣсколько выше Борисова, послѣ чего взять направленіе на Зембинъ—Молодечно—Вилейку. Это нѣсколько сокращало путь на Вильно; къ тому же, указываемое направленіе не было совершенно опустошено войсками.

Предложеніе Жомини было поддержано Мюратомъ и вице-королемъ, присутствовавшими на совѣщаніи.

Наполеонъ, выслушавъ всѣ эти мнѣнія, въ душѣ не могъ не согласиться съ тѣмъ, что планъ, предложенный Жомини, наиболѣе соответствовалъ обстоятельствамъ. Онъ выводилъ къ Вильнѣ кратчайшимъ путемъ и въ то же время подавалъ нѣкоторую надежду на то, что удастся избѣжать столкновенія съ Кутузовымъ и Вит-

генштейномъ. Къ тому же и продовольствіе на этомъ пути было обезпечено, такъ какъ еще изъ Орши, какъ уже говорено было выше, сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ изъ Вильны транспортовъ съ запасами на Вилейку.

Наполеонъ не могъ не оцѣнить всѣхъ выгодъ предложенія Жомини, но не желалъ показать этого. Тяжело и трудно было великому полководцу, избалованному судьбой и привыкшему неизмѣнно побѣждать, чувствовать себя въ такомъ положеніи, когда цѣлью приходилось ставить себѣ не пораженіе противника, а оборотъ — уклоненіе отъ боя съ нимъ.

Поэтому Наполеонъ съ одушевленіемъ принялся излагать другой планъ, долженствовавшій блестящимъ ударомъ окончить всю кампанію. Планъ этотъ, понятно, не могъ быть осуществлень, да (какъ мы видѣли уже) Наполеонъ въ дѣйствительности и не думалъ о его осуществленіи; но ему нужно было повліять на воображеніе своихъ сподвижниковъ, ободрить ихъ, поднять ихъ духъ и сдѣлать ихъ, а чрезъ нихъ и самыя войска, способными къ тому наивысшему напряженію энергіи, безъ котораго нечего было и разсчитывать выбраться изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ очутилась армія...

Какъ бы забывая о разстройствѣ и слабости послѣдней, Наполеонъ съ обычною своею горячностью сталъ развивать передъ своими слушателями соблазнительную картину.

Онъ выразилъ намѣреніе идти къ верховьямъ Березины, но не для того, чтобы облегчить себѣ переправу черезъ эту рѣку, а для того, чтобы, соединясь съ Викторомъ, обрушиться на Витгенштейна. Разбивъ послѣдняго и оттѣснивъ за Двину (въ чемъ Наполеонъ дѣлалъ видъ, что нимало не сомнѣвается), надлежало притянуть къ себѣ еще и корпусъ Макдональда, а затѣмъ уже продолжать отступленіе къ Вильнѣ.

Однако, Наполеонъ настолько сознавалъ невыполнимость этого плана при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась французская армія, что, изобразивъ въ яркихъ краскахъ тотъ блестящій результатъ, котораго можно было бы достигнуть, напавъ на Витгенштейна, великій полководецъ тутъ же высказалъ, что планъ этотъ не можетъ быть принятъ *вслѣдствіе общаго упадка духомъ*.

Совѣщаніе на этомъ кончилось, а отданныя вслѣдъ затѣмъ Наполеономъ распоряженія свидѣтельствовали, что онъ остановился на рѣшеніи, предложенномъ генераломъ Жомини.

Приказанія эти заключались въ предписаніяхъ:

а) маршалу Виктору занять дорогу изъ Лепеля въ Борисовъ, для чего онъ долженъ былъ перейти къ Баранамъ. Виктору вмѣнялось въ обязанность внимательно слѣдить за Витгенштейномъ и рѣшительно атаковать послѣдняго, если онъ двинется противъ Удино;

б) въ свою очередь маршалу Удино было предписано немедленно овладѣть бродомъ у Веселова, навести тамъ мосты и обезпечить ихъ на правомъ берегу засѣками и укрѣпленіями.

Кромѣ того, въ четыре часа утра 12 ноября начальникъ піонеровъ арміи генераль Эбле и начальникъ инженеровъ генераль Шасслу должны были какъ можно скорѣе выѣхать къ маршалу Удино въ Борисовъ (который, какъ рассчитывалъ Наполеонъ, будетъ вырванъ имъ изъ рукъ русскихъ) и тамъ приступить къ постройкѣ нѣсколькихъ мостовъ на Березинѣ. Въ помощь имъ посланъ былъ генераль Жомини. Всѣмъ понтонерамъ и минерамъ приказано было идти къ Березинѣ усиленнымъ маршемъ. Всѣ излишніе частные обозы и повозки велѣно было сжечь, а освободившихся лошадей отдать въ распоряженіе генерала Сорбье, подъ артиллерию. Никто изъ офицеровъ, до чина полковника включительно, не смѣлъ имѣть болѣе одной повозки...

* * *

Успѣхъ, одержанный графомъ Ламбертомъ 9 ноября, какъ извѣстно, не ограничился овладѣніемъ укрѣпленіями на правомъ берегу Березины у Борисова.

На плечахъ отступавшихъ поляковъ наши егеря перешли мостъ и овладѣли городомъ, находившимся на противоположномъ берегу, а конница преслѣдовала бѣгущихъ до наступленія темноты.

Пришедшій къ Борисову вечеромъ того же дня корпусъ Ланжерона расположился на лѣвомъ же берегу рѣки, прикрывая собою захваченную переправу.

Графъ Ланжеронъ, тотчасъ же по прибытіи, не только донесъ Чичагову, объ одержанной побѣдѣ и о захватѣ Борисова, но и даль знать объ этомъ графу Витгенштейну.

Генералъ - лейтенантъ
О. Ф. Кноррингъ.

10 ноября къ Борисову стянулись уже всѣ силы Чичагова, при чемъ большая часть артиллеріи и обозовъ *перешла* рѣку и расположилась въ городѣ и вблизи него.

Такое распоряженіе со стороны Чичагова нельзя не признать крайне рискованнымъ.

Дѣло въ томъ, что по плану Императора Александра, Чичаговъ, прибывъ на Березину, долженъ былъ захватить Борисовъ и устроить здѣсь укрѣпленный лагерь, удерживая въ своихъ рукахъ также и лѣсныя тѣснины по пути отъ Борисова къ Бобру.

Тутъ надлежало ему образовать рядъ укрѣпленныхъ позицій, которыя на каждомъ шагу оказывали бы сопротивление отступающей французской арміи и задерживали бы её. Эта задержка, замедляя движеніе французовъ, подвергала ихъ неизбѣжной участи быть настигнутыми Кутузовымъ.

Но, во-первыхъ, Чичаговъ прибылъ къ Березинѣ и овладѣлъ Борисовской переправой позже, чѣмъ предполагалось, тогда, когда Наполеонъ находился всего въ 2—3 переходахъ отъ рѣки. Слѣдовательно, ему не оставалось достаточно *времени*, чтобы привести въ исполненіе вышеупомянутыя предположенія.

Во-вторыхъ, самая численность арміи Чичагова оказывалась гораздо слабѣе, чѣмъ было предположено по плану Императора Александра.

Необходимость выдѣленія противъ Шварценберга заслона Сакена, неприсоединеніе Эртеля и, наконецъ, оставленіе небольшого гарнизона Кнорринга въ Минскѣ, уменьшили эту численность до тридцати съ небольшимъ тысячъ человекъ (20.000 пѣхоты и 11.000 конницы съ 178 орудіями).

О приближеніи главныхъ силъ французской арміи къ Борисову, Чичагову было извѣстно еще 9 ноября изъ перехваченныхъ двухъ польскихъ писемъ. Изъ нихъ было видно, что 12 числа въ Борисовъ ожидался Викторъ, а 14 самъ Наполеонъ.

На своевременное установленіе прочной связи съ войсками Витгенштейна рассчитывать было нельзя, такъ какъ послѣднему, какъ извѣстно, не удалось отрѣзать французскія войска, бывшія на Двинѣ, отъ главныхъ силъ Наполеона, такъ что и корпусъ Удино, и корпусъ Виктора, находились теперь между войсками Чичагова и Витгенштейна, разъединяя ихъ.

Переходя на ту сторону Березины и рѣшаясь на дальнѣйшее движеніе къ Бобру, Чичаговъ рисковалъ напороться не только на корпуса Удино и Виктора, но, быть можетъ, и на всю французскую армію; въ случаѣ неудачнаго исхода этой встрѣчи, онъ подвергался опасности быть прижатымъ къ рѣкѣ, на которой у него надежно обезпеченныхъ переправъ не было.

Болѣе осторожнымъ рѣшеніемъ со стороны Чичагова было бы занять Борисовъ только авангардомъ, укрѣпивъ восточную окраину города и отнюдь не переводя тяжестей и обозовъ на лѣвый берегъ рѣки.

Затѣмъ, — и самое главное — нужно было воспользоваться захватомъ переправы прежде всего для сбора болѣе точныхъ свѣдѣній о противникѣ и для установленія какъ можно скорѣе связи съ Витгенштейномъ, хотя бы кружнымъ путемъ.

Нельзя сказать, чтобы Чичаговъ не понималъ всей важности выясненія, насколько въ дѣйствительности удалена французская армія, а также и необходимости согласовать свои дѣйствія съ арміей „героя Петрополя“. Какъ только имъ было получено донесеніе о захватѣ Борисова и обнаружилось (изъ помянутыхъ перехваченныхъ писемъ), что Наполеонъ приближается къ Березинѣ, адмиралъ тотчасъ же далъ графу Ламберту такое предписаніе:

„Прилагая у сего два перехваченныхъ польскихъ письма и „рапортъ полковника Луковкина для соображенія Вашего Сіятельства и полагая, что въ настоящемъ положеніи Вашемъ не имѣете „Вы большой надобности въ кавалеріи, предписываю Вамъ по „извѣстіямъ симъ стараться развѣдать обстоятельно объ арміи Наполеона...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Чичаговъ распорядился высылкой разъѣздовъ для установленія связи съ Витгенштейномъ.

Однако, распоряженія эти не были въ полной мѣрѣ выполнены, благодаря вторженію всесильнаго на войнѣ случая.

Насколько значеніе случайностей на войнѣ велико, видно изъ того, что одинъ изъ великихъ полководцевъ, прусскій король Фридрихъ Великій, выражался не иначе, какъ „Его Величество Случай“, а Наполеонъ считалъ, что всякое военное предпріятіе хорошо соображено, если $\frac{2}{3}$ въ немъ отнесены на долю расчета, а $\frac{1}{3}$ на долю случая.

Графъ Ланжеронъ.

Въ данный моментъ неблагопріятная для насъ случайность заключалась въ томъ, что при атакѣ Борисовскихъ укрѣпленій начальникъ авангарда Чичагова, талантливый и энергичный графъ Ламбертъ, былъ настолько тяжело раненъ, что вынужденъ былъ сложить съ себя командованіе авангардомъ.

Съ этой минуты правильное несеніе авангардной службы, можно сказать, прекратилось. Графъ Ланжеронъ, оказавшійся здѣсь старшимъ, перевелъ свой корпусъ на лѣвый берегъ Березины и, извѣстивъ, какъ мы знаемъ, Витгенштейна объ одержанномъ успѣхѣ — что весьма похвально — не озаботился мѣрами развѣдки къ сторонѣ Бобра, — что могло имѣть самыя печальныя послѣдствія.

10 ноября, по прибытіи самого Чичагова въ Борисовъ, начальникомъ авангарда былъ, вмѣсто Ламберта, назначенъ графъ Паленъ 2-й, и ему приказано было, съ разсвѣтомъ 11 числа, выступить на Лошницу.

Достовѣрныхъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія французской арміи, кромѣ помянутыхъ двухъ перехваченныхъ писемъ, — не имѣлось.

Повидимому, Чичаговъ мало довѣрялъ этимъ свѣдѣніямъ. Онъ рассчитывалъ (какъ и писалъ впослѣдствіи Кутузову) достигнуть Бобра ранѣ Наполеона и полагалъ, что такое его движеніе, угрожая тылу Виктора, вынудитъ послѣдняго отойти, и, такимъ образомъ, адмиралу откроется возможность войти въ связь или даже соединиться съ Витгенштейномъ.

Однако, почему то Чичаговъ упустилъ изъ виду, предпринимая такое движеніе, настоять на широкой развѣдкѣ впереди себя конницей, хотя, какъ мы видѣли, самъ же требовалъ того отъ Ламберта.

Одновременно съ этимъ, адмиралъ распорядился, чтобы всѣ переправы черезъ Березину на пространствѣ между Веселовымъ и Нижнимъ Березино, кромѣ Борисовскаго моста, были уничтожены. Отъ устройства укрѣпленнаго лагеря въ Борисовѣ, по недостатку времени и трудности работъ въ замерзшей землѣ, пришлось отказаться и ограничиться оставленіемъ въ Борисовѣ, для обезпеченія переправы, небольшого отряда.

11 ноября передъ разсвѣтомъ авангардъ графа Палена выступилъ изъ Борисова. Сдѣлавъ половину перехода до Лошницы, онъ остановился на привалѣ. О близости противника настолько

мало помышляли, что впередъ, къ мѣсту предположеннаго ночлега у Лошницы, посланы были для выбора бивака квартирьеры, какъ это дѣлается при значительномъ удаленіи непріятеля.

Вотъ эти то квартирьеры, съ приданнымъ къ нимъ небольшимъ прикрытіемъ, обнаружили передъ самой деревней Лошницей цѣпь сторожевыхъ непріятельскихъ постовъ. На одинъ изъ этихъ постовъ было сдѣлано нападеніе, при чемъ захваченные плѣнные показали, что они принадлежатъ къ корпусу Удино, а что за ними въ одномъ переходѣ — вся армія Наполеона.

Графъ Паленъ тотчасъ же послалъ Чичагову соответствующее донесеніе, въ которомъ, указывая на слабость своего авангарда и на составъ его преимущественно изъ конницы, дѣйствія которой затруднялись лѣсистою мѣстностью, просилъ о присылкѣ подкрѣпленій.

Тѣмъ не менѣе, снявшись съ привала, Паленъ продолжалъ движеніе на Лошницу. Силы Палена не превышали двухъ тысячъ восьмисотъ человекъ, тогда какъ въ авангардѣ Удино было болѣе трехъ съ половиною тысячъ, за которыми слѣдомъ шли остальные силы его корпуса.

Авангардъ Удино также двинулся отъ Лошницы къ Борисову и, пройдя всего три версты отъ мѣста ночлега, уже имѣлъ донесеніе о томъ, что навстрѣчу ему движется русская колонна изъ трехъ родовъ войскъ.

Мѣстность предоставляла французамъ значительныя выгоды, которыми Удино воспользовался весьма искусно.

Между Неманицею и Лошницею дорога пролежала черезъ обширный лѣсъ, образуя на этомъ протяженіи почти непрерывную лѣсную тѣснину, въ которой нельзя было развернуться и дѣйствовать широкимъ фронтомъ.

Приближаясь же къ Лошницѣ, дорога выходила изъ лѣсу и, въ небольшомъ разстояніи отъ его опушки, пересѣкала отдѣльный небольшой перелѣсокъ.

Этотъ перелѣсокъ Удино занялъ своею пѣхотою, скрывъ за нимъ конницу, а артиллерію выставилъ на позицію такъ, чтобы обстрѣливать ея подступы къ нему.

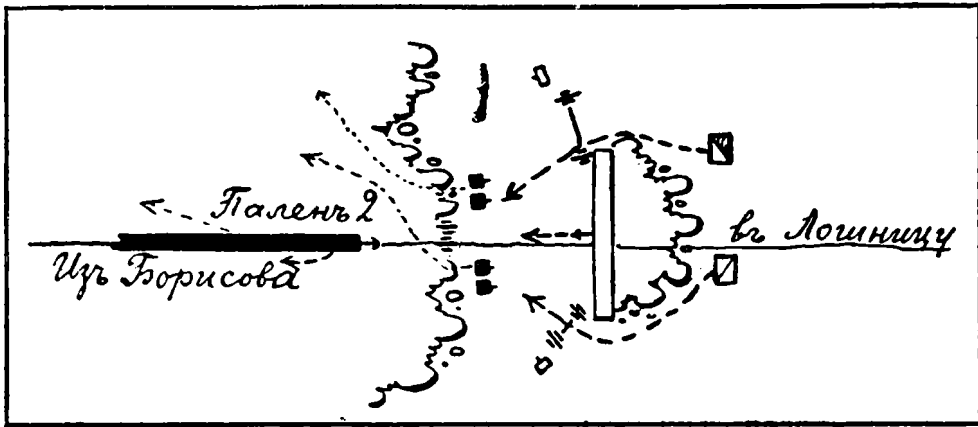
Какъ только голова Паленовскаго авангарда показалась изъ лѣсу, ее встрѣтили сильнымъ перекрестнымъ огнемъ ружейнымъ и артиллерійскимъ. Всякая попытка Палена выйти изъ лѣса на

Генераль-отъ-кавалеріи
Графъ П. П. Палень 2-й.

открытое мѣсто терпѣла неудачу, хотя онъ и подкрѣплялъ ихъ своею артиллеріей; но послѣдняя успѣла дать съ своей позиціи едва нѣсколько выстрѣловъ, какъ была подавлена огнемъ болѣе выгодно расположенныхъ и превосходныхъ въ числѣ французскихъ орудій.

Схема боя у Лошницы 11 ноября.

Видя, что передъ нимъ находятся силы болѣе многочисленныя, къ тому же — пользующіяся преимуществами болѣе удобной позиціи, Палень рѣшилъ отступать. Прежде всего онъ вывелъ изъ дѣла и вытянулъ на дорогу свою артиллерію, за нею — конницу. Пѣхота, оставаясь въ колоннахъ впереди лѣса, прикрывала отступление.

Замѣтивъ, что русскіе уходятъ, Удино приказалъ своимъ войскамъ энергично броситься впередъ. Конница его, не обращая вниманія на жестокой огонь нашей пѣхоты, бросилась отчаянно на нее и заставила искать укрытія въ лѣсу; затѣмъ французскіе кирасиры и конно-егеря, пользуясь открывшейся дорогой, ринулись по пятамъ за поспѣшно отступавшими конницей и артиллеріей нашего авангарда.

Они настигли ихъ и начали преслѣдовать по направленію къ Борисову, пользуясь тѣмъ, что дорога не давала нигдѣ возможности развернуться, и появились передъ городомъ почти одновременно съ ними.

Въ Борисовъ уже пришло донесеніе о встрѣчѣ авангарда Палена съ непріятелемъ, но тамъ не могли помышлять о столь быстромъ появленіи противника.

Когда получилось означенное донесеніе, Чичаговъ готовился къ выступленію вслѣдъ за авангардомъ, ожидая лишь возвращенія части своей конницы, высланной на фуражировку. Первое донесеніе, присланное Паленомъ, извѣщало только о столкновеніи съ противникомъ, но уже и это извѣстіе заставило Чичагова опасаться, не придется ли ему очистить лѣвый берегъ.

Поэтому онъ приказалъ приготовить мостъ къ уничтоженію и приступить къ усиленію позиціи на правомъ берегу. Однако, не думая, что опасность такъ близка, онъ не послалъ Палену подкрѣпленій и упустилъ тотчасъ же приказать перевезти обозы и тяжести на правый берегъ рѣки. Все это по прежнему осталось на старыхъ мѣстахъ и даже спокойно приступлено было къ варкѣ пищи.

Но спокойствіе это длилось недолго. Уже въ первомъ часу дня прискакалъ отъ Палена новый ординарецъ, извѣстившій о томъ, что авангардъ въ разстройствѣ отступаетъ и что противникъ преслѣдуетъ его по пятамъ.

Чичаговъ могъ принять одно изъ двухъ рѣшеній, либо перевести сейчасъ же остальные войска арміи на лѣвый берегъ и принять бой съ Удино или, наоборотъ, убрать все на правый берегъ.

Казалось бы первое рѣшеніе, какъ болѣе смѣлое и обезпечивающее за собою надежное сохраненіе за собою захваченной переправы, было бы въ данномъ случаѣ и болѣе правильнымъ. Чичаговъ, со своими тридцатью тысячами, могъ все-таки рассчитывать удержаться впереди Борисовской переправы въ оборонительномъ бою, если бы, конечно, онъ имѣлъ правильныя свѣдѣнія о состояніи и силахъ французской арміи.

Но, во-первыхъ, такихъ свѣдѣній ни у него, ни у кого либо изъ нашихъ военачальниковъ, не было.

Теперь, по прошествіи ста лѣтъ, когда исторія этихъ событій неоднократно разслѣдована, кажется на первый взглядъ удивительнымъ, какъ это двадцать разъ не воспользовались жалкимъ и безпомощнымъ состояніемъ французской арміи и не истребили одновременнымъ дружнымъ усиленіемъ ея остатки...

Не говоря уже о трудности, безъ тѣхъ техническихъ средствъ сношеній, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, согласовать между собою дѣйствія отдѣльныхъ войсковыхъ группъ, съ разныхъ сторонъ приближающихся къ противнику, необходимо принять во вниманіе, не говоря уже о нежеланіи Кутузова рисковать арміей, неточность нашихъ свѣдѣній о численности и состояніи непріятеля.

Затѣмъ, — и самое главное, — надо всегда помнить то огромное обаяніе полководческой славы Наполеона, которое магически дѣйствовало на его противниковъ, хотя русскіе военачальники того времени, помнившіе еще свѣжій отзвукъ побѣдъ Суворова и вѣка Екатерины и, по большей части, сами принимавшіе въ нихъ непосредственное участіе, значительно менѣе поддавались этому вліянію. Но все же каждый изъ нихъ въ отдѣльности не особенно охотно принялъ бы на свой рискъ и страхъ столкновеніе съ самимъ Наполеономъ одинъ на одинъ.

Вотъ почему, вѣроятно, и Чичаговъ предпочелъ подь Борисовымъ избрать болѣе осторожное рѣшеніе — уклониться отъ столкновенія на лѣвомъ берегу рѣки, жертвуя тѣми огромными преимуществами, которыя предоставляла намъ возможность, обладая переправой въ Борисовѣ, оборонять ее *активно*.

Чичаговъ опасался, что, въ случаѣ неудачнаго исхода боя на лѣвомъ берегу, ему придется отступать подь натискомъ превосходныхъ (какъ онъ думалъ) силъ черезъ единственную мостовую переправу, что, конечно, было связано съ немалымъ рискомъ.

Но выполненіе намѣренія очистить лѣвый берегъ Березины также было сопряжено съ большими затрудненіями, въ виду ошибочной переброски на этотъ берегъ не только артиллеріи, но еще и обозовъ.

Чичаговъ поручилъ начальнику 18-й пѣхотной дивизіи князю Щербатову удерживать окраину города Борисова, пока наша артиллерія и тяжести не перейдутъ на тотъ берегъ.

Вообще надо сказать, что мѣстность, прилегающая непосредственно къ Борисову съ востока, была весьма невыгодна для обороны противъ непріятеля, наступавшаго со стороны Орши. Но все-таки, если бы даже у Наполеона дѣйствительно было, какъ

увѣряли плѣнные, сто тысячъ человѣкъ, то онъ не могъ бы быстро развернуть ихъ, такъ какъ, чтобы вытянуть колонны изъ длинныхъ лѣсныхъ дефиле, нужно было время.

Поэтому, при условіи высылки къ сторонѣ противника соотвѣтствующаго арьергарда и принятія имъ боевого расположенія, не было никакой нужды суетиться съ отступленіемъ, и имѣлась полная возможность произвести таковое въ полномъ порядкѣ.

На бѣду случилось иное. Не было установлено должнаго порядка переправы, не было отвѣтственнаго лица, облеченнаго должною властью и обладающаго надлежащею твердостью воли, для надзора за правильнымъ выполненіемъ этого порядка.

Какъ только пришло распоряженіе объ отступленіи, части и обозы, расположенные въ городѣ и близъ его, въ суматохѣ начали спѣшить какъ можно быстрѣе перебраться на ту сторону. Кое какъ сѣдлали и запрягали лошадей, и безъ всякаго порядка все устремилось къ мосту, у котораго, конечно, образовалось огромное столпленіе. Мостъ оказался загражденъ артиллеріей, обозами, маркитантскими повозками и лошадьми, такъ что, когда адмираль Чичаговъ сталъ со своимъ штабомъ протискиваться черезъ мостъ, то, чтобъ очистить ему дорогу (какъ свидѣтельствуется въ своихъ запискахъ очевидецъ), сталкивали съ моста въ воду лошадей и повозки.

Тѣмъ временемъ князь Щербатовъ расположился на окраинѣ города, на позиціи, фронтъ которой былъ прикрытъ болотистою рѣчкой Схю. Еще не успѣли его войска занять назначенныя имъ мѣста, какъ конница и конная артиллерія нашего авангарда въ полномъ разстройствѣ показалась, преслѣдуемая французскою кавалеріей.

Только части бѣглецовъ удалось попасть на плотину черезъ Сху, защищаемую нашей батареей; остальные бросились черезъ бродъ и указали дорогу непріятелю. Польскіе уланы, слѣдомъ за которыми спѣшила пѣхота головной бригады Удино, быстро, по пятамъ за ними, перешли на тотъ берегъ Схи и обошли лѣвый флангъ Щербатова.

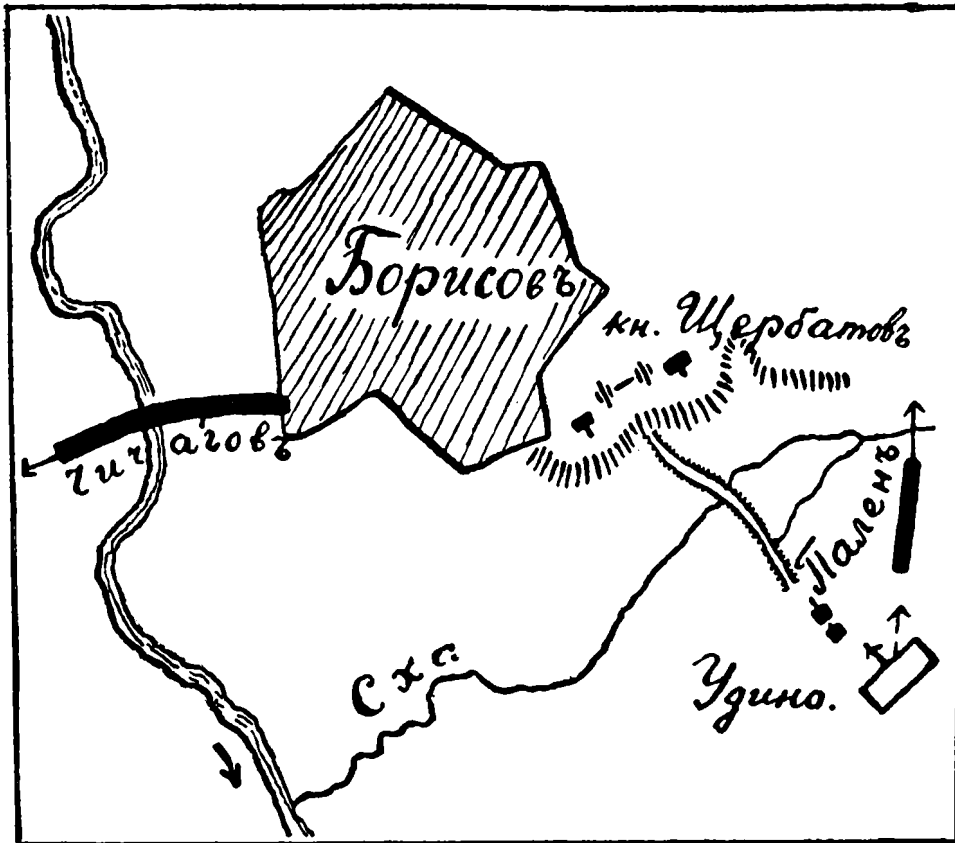
Это заставило князя Щербатова (какъ подтверждаетъ онъ самъ въ своихъ запискахъ) отказаться отъ дальнѣйшей обороны

**Генераль-лейтенантъ
Князь А. Г. Щербатовъ 1-й.**

на занятой позиціи и приказать войскамъ отходить черезъ Березинскій мостъ, что онъ и успѣлъ выполнить съ большимъ трудомъ.

Схема боя у г. Борисова.

Борисовъ былъ захваченъ французами. Самъ маршалъ Удино, прибывъ вслѣдъ за своею конницей въ Борисовъ, немедленно приказалъ генералу Кастексу съ его бригадой, помня военное правило: „порывъ не терпитъ перерыва“, атаковать мостъ черезъ Березину и овладѣть имъ. Спѣшнные французскіе конные егеря устремились бѣгомъ черезъ мостъ, но картечный огонь съ того берега изъ нашихъ орудій, занимавшихъ предмостное укрѣпленіе, привелъ ихъ въ смятеніе, а батальонъ нашъ, ударившій въ штыки, опрокинулъ въ безпорядкѣ тѣхъ, которые остались въ цѣлости.

Тотчасъ же ближайшая къ правому берегу рѣки половина моста была сожжена, и такимъ образомъ французы, въ свою очередь, лишены были возможности заручиться готовою переправой.

Потеря, понесенная авангардомъ Палена въ дѣлѣ у Лошницы, простиралась до тысячи человѣкъ.

Но, мало этого, въ руки французовъ достались брошенные въ городѣ и не успѣвшіе переправиться наши раненые въ дѣлѣ 9 ноября, много полковыхъ обозовъ и частныхъ экипажей, въ томъ числѣ фургоны, принадлежавшія Чичагову, съ его столовымъ сервизомъ.

Егерскіе полки авангарда, отступившіе въ лѣсъ и отрѣзанные быстрымъ движеніемъ Удино, должны были лѣсомъ и болотами пробиться къ рѣкѣ Схѣ, черезъ которую перешли частью въ бродъ, частью по жердямъ, связаннымъ офицерскими шарфами, послѣ чего добрались до мызы Старого Борисова. Здѣсь къ нимъ присоединились фуражиры, и эта смѣшанная отъ разныхъ полковъ команда, добравшись въ крайнемъ утомленіи до деревни Студенки, здѣсь, при помощи одной лодки и нѣсколькихъ казачьихъ лошадей, перебравшись черезъ Березину и на другой день присоединилась къ своимъ войскамъ.

* * *

Потеря Борисова и отступление Чичагова на правый берегъ рѣки имѣли весьма невыгодное для насъ значеніе.

Адмиралъ былъ обреченъ отнынѣ на пассивную оборону занимаемой имъ преграды, т. е. на оборону „въ слѣпую“; онъ могъ только гадательно предупреждать замыслы противника относительно выбора мѣста для наступательной переправы и весьма легко могъ быть введенъ въ заблужденіе такимъ искусникомъ, какъ Наполеонъ.

Кромѣ того, возможность поддержанія для адмирала связи съ остальными нашими группами, Витгенштейномъ и Кутузовымъ, была почти совершенно утрачена. Отдѣленный отъ нихъ преградой рѣки Березины, лѣвымъ берегомъ которой овладѣли войска Наполеона, Чичаговъ долженъ былъ исключительно на своихъ плечахъ вынести всю тяжесть отвѣтственности за то, чтобы не пропустить остатки французской арміи черезъ эту преграду.

Павелъ Васильевичъ Чичаговъ.

Съ гравированнаго портрета Геинце.

Такимъ образомъ, положеніе Чичагова значительно затруднилось, а шансы Наполеона на возможность избѣжать окончательнаго окруженія и плѣна возросли.

Несомнѣнно, что неудачный исходъ для 11 ноября зависѣлъ во многомъ отъ ошибокъ нашего начальника авангарда, а также отъ безпечности Чичагова, не переведшаго заранѣе тяжести и обозы на правый берегъ рѣки. Къ счастью, новый аррьергардъ князя Щербатова дѣйствовалъ настолько правильно и искусно, что позволилъ избѣжать вполнѣ возможной при данныхъ условіяхъ крупной катастрофы.

Неудача 11 ноября произвела на адмирала Чичагова самое неблагоприятное нравственное впечатлѣніе. Она поколебала его увѣренность въ себѣ и отразилась на всѣхъ его послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

Современники сильно упрекали Чичагова за исходъ операцій на Березинѣ и неудачи его, начиная съ рокового дня 11-го числа, приписывали, обыкновенно, недостаточному знанію имъ, какъ флотоводцемъ, условій веденія сухопутной войны.

Въ извѣстной баснѣ своей „Щука и котъ“ нашъ баснописецъ-сатирикъ Крыловъ изобразилъ его подъ видомъ „зубастой щуки“, которой

. . . въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло...

А „хвостъ“, отъѣденный щукѣ мышами въ амбарѣ, — это и есть тѣ обозы, включая собственный багажъ адмирала, которые достались неприятелю въ Борисовѣ...

Впослѣдствіи мы увидимъ, что такое огульное осужденіе адмирала несправедливо и, сравнительно съ другими участниками Березенской операціи, онъ оказывается даже менѣе всѣхъ отвѣственнымъ въ постигшей насъ неудачѣ.

* * *

Что касается дѣйствій Удино, то о нихъ необходимо отозваться съ полной похвалою. Онъ совершенно правильно оцѣнивъ значеніе Борисова и, искусно воспользовавшись свойствами мѣстности и нашими ошибками, достигъ желаннаго успѣха.

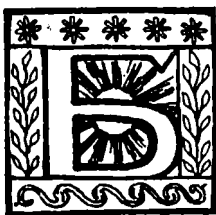
*

Стратегическое положеніе Наполеона, благодаря этому, рѣзко измѣнилось въ лучшую сторону. Онъ уже имѣлъ возможность серьезно рассчитывать если не на полный успѣхъ, то хотя на спасеніе изъ готовившейся ему западни. Понятно, такой выходъ былъ доступенъ только такому какъ, онъ, военному гению, способному напречь свою волю до наивысшей степени и возбудить до неимо-вѣрнаго напряженія энергію и духъ еще сохранившихъ подобіе порядка остатковъ своихъ войскъ.

Положеніе Витгенштейна и Виктора послѣ боя при Смоленцахъ. Уходъ Удино къ Борисову. Оттѣсненіе Витгенштейномъ Виктора по направленію на Лошницу; дѣла при Узнацкѣ и у Батуръ 11-го и 12-го ноября. Свѣдѣнія, полученныя Витгенштейномъ и принятое имъ рѣшеніе.

ой при Смоленцахъ почти не измѣнилъ взаимнаго положенія обѣихъ сторонъ. Соединенныя силы Виктора и Удино послѣ боя отошли обратно къ Черѣ, оставивъ арьергардъ у Лукомли; Витгенштейнъ же продолжалъ удерживать линію рѣки Уллы, при чемъ авангардъ его былъ выдвинутъ къ Чашникамъ, а пяти тысячный отрядъ Властова занималъ Лепель.

Послѣ боя 2 ноября обѣ стороны нѣсколько дней оставались неподвижными.

Викторъ, вообще имѣвшій преувеличенныя свѣдѣнія о силахъ Витгенштейна, уклонялся отъ рѣшительныхъ дѣйствій, а неудача наступленія, предпринятаго имъ только вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Наполеона, еще болѣе утвердила его въ этомъ убѣжденіи.

Въ свою очередь Витгенштейнъ, отразивъ покушеніе противника, считалъ покамѣсть этотъ результатъ достаточнымъ. Онъ находилъ, что рѣшительное наступленіе противъ Виктора могло лишить его пріобрѣтенныхъ выгодъ.

Находясь у Чашниковъ въ центральномъ положеніи, онъ рассчитывалъ, что, если главныя силы Наполеона направятся противъ него, то онъ успѣетъ своевременно заградить имъ путь на сильныхъ позиціяхъ при Чашникахъ, Бочейковѣ или Лепелѣ. Продолженіе наступленія, при неимѣніи покамѣсть свѣдѣній о Чичаговѣ и при условіи расположенія у Глубокаго остатковъ баварской дивизіи Вреде, являлось дѣломъ довольно рискованнымъ, и, въ случаѣ неудачи, Витгенштейнъ могъ не только потерять линію рѣки Уллы, но даже подвергнуть опасности самый путь своего отступленія.

Какъ мы уже видѣли, Витгенштейна все время предостерегали свыше относительно вѣроятности движенія противъ него Наполеона съ главными силами непріятели. Кутузовъ, въ двухъ послѣдовательныхъ предписаніяхъ, высказывалъ это предположеніе и, представляя Витгенштейну дѣйствовать по обстоятельствамъ, разрѣшалъ ему даже въ крайнемъ случаѣ уйти за Двину.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Витгенштейнъ рѣшилъ остаться неподвижнымъ, внимательно наблюдая за Викторомъ, въ полной готовности двинуться за нимъ, въ случаѣ, если онъ вздумаетъ отступать.

8 ноября доставлено было въ Череею изъ главной квартиры Наполеона приказаніе, согласно котораго корпусъ Удино долженъ былъ отдѣлиться отъ корпуса Виктора и направиться усиленнымъ маршемъ на Борисовъ, становясь такимъ образомъ въ головѣ главныхъ силъ арміи.

Что же касается Виктора, то на него одного возлагалась теперь тяжелая обязанность служить заслономъ противъ Витгенштейна и сдерживать его превосходныя силы.

Ясно, что съ уходомъ Удино, роль Виктора сдѣлалась неизмѣримо труднѣе. Силы его уменьшились почти вдвое, а между тѣмъ отвѣтственная задача осталась неизмѣнной.

Французская армія, въ это время, какъ извѣстно, прибыла въ Оршу, и Викторъ долженъ былъ прикрывать ея движеніе между Днѣпромъ и Березиной. Но этимъ его задача не была ограни-

Генералъ - лейтенантъ
Графъ I. М. Бергъ.

чена. По приказанію Наполеона, Бертъе предварялъ его, что если императоръ, по овладѣніи Минскомъ, займетъ линію рѣки Березины, то корпусу Виктора можетъ быть дано приказаніе отойти боковымъ движеніемъ на мѣстечко Верхнее Березино и прикрывать дорогу на Вильно.

Уменьшенія своихъ силъ Виктору скрыть отъ Витгенштейна не удалось. 9 ноября передовые отряды послѣдняго уже раскрыли очищеніе французами Лукомли, откуда, какъ показывали мѣстные жители, они передвинулись черезъ Черёю на югъ. Взятые плѣнные сообщили о тревожныхъ слухахъ, распространившихся среди непріятельскихъ войскъ о томъ, что будто бы дорога на Борисовъ уже перехвачена русскими.

Получивъ донесеніе объ отступленіи французовъ, графъ Витгенштейнъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженія объ ихъ преслѣдованіи. Отряду Властова послано было приказаніе двинуться на Холопеничи; авангардъ направился къ Черёѣ, а на слѣдующій день, 10 ноября, за ними должны были двинуться и главныя силы, кромѣ резерва генерала Фока, временно задержаннаго на рѣкѣ Уллѣ.

Когда авангардъ приблизился 10 числа къ Черёѣ, то оказалось, что она занята французами. Авангардъ пріостановился на ночлегъ въ виду непріятельскихъ сторожевыхъ постовъ; колонны главныхъ силъ достигли: правая (корпусъ Штейнгеля) — Лукомли, а лѣвая (корпусъ Берга) — Мелешковичей; Властовъ дошелъ до Холопеничей.

Въ этотъ день Витгенштейну доставлены были свѣдѣнія, объяснившія ему причины отступленія французовъ.

Въ Холопеничи прибылъ высланный графомъ Ланжерономъ изъ Борисова офицерскій разъѣздъ есаула Дукмасова, который и доставилъ, наконецъ, важное и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое извѣстіе о прибытіи бывшей Дунайской арміи на Березину. Въ этомъ извѣщеніи графъ Ланжеронъ сообщалъ о рядѣ успѣховъ, одержанныхъ войсками Чичагова по пути отъ Бреста къ Борисову, а также нижеслѣдующимъ образомъ ориентировалъ Витгенштейна о противникѣ:

„Господинъ графъ. Два перехваченныхъ письма намъ сообщаютъ, что Наполеонъ сегодня 10-го долженъ быть въ Бобрѣ, въ трехъ переходахъ отсюда, и что Викторъ долженъ прибыть сюда

„въ Борисовъ, сегодня. Адмиралъ со всею арміею долженъ быть здѣсь въ три часа пополудни, и если я буду атакованъ ранѣе этого, то буду держаться до его прихода. Наполеонъ идетъ сюда отъ Орши, въ виду чего мы скоро надѣемся видѣть Ваше Сіятельство на правомъ флангѣ Наполеона; онъ прибудетъ сюда, или долженъ былъ прибыть, 12-го (24-го) или 13-го (25-го) числа; я не знаю, быть можетъ извѣстіе о нашихъ вчерашнихъ успѣхахъ измѣнитъ его планы“.

„Я осмѣливаюсь просить Васъ, генераль, спѣшить къ намъ. Я рассчитываю занять позицію впереди отсюда въ 5—6 верстахъ на маленькой рѣчкѣ. Я думаю, генераль, что Вы придете согласно Вашей записки адмиралу отъ 7-го числа, только что мною полученной“. (Подлинникъ на французскомъ языкѣ).

Такимъ образомъ Витгенштейну дѣйствительная обстановка становилась почти совершенно ясною; но онъ не могъ отсюда предвидѣть той ошибки, которая будетъ сдѣлана въ Борисовѣ и приведетъ къ потерѣ нами переправы 11-го числа.

Но эта обстановка рисовала положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ, какъ будто непріятель, находящійся передъ Витгенштейномъ, безостановочно отступаетъ къ Борисову. Въ дѣйствительности же задача, поставленная Наполеономъ корпусу Виктора, была совершенно другая. Онъ долженъ былъ убѣдить Витгенштейна, что главный ударъ готовится именно противъ него; другими словами, ему рекомендовался образъ дѣйствій смѣлый, даже дерзкій.

На самомъ дѣлѣ Викторъ не послѣдовалъ этимъ указаніямъ.

Онъ, наоборотъ, уклонялся отъ рѣшительныхъ дѣйствій даже и въ то время, когда съ нимъ былъ и корпусъ Удино, и, слѣдовательно, условія для того были еще благопріятныя.

Теперь же, когда силы его уменьшились почти вдвое, маршалъ намѣренъ былъ продолжать придерживаться прежней системы дѣйствій, т. е. уклоняться отъ боя до тѣхъ поръ, пока возможно.

Такъ какъ 10-го числа французская армія прибыла въ Толочинъ, то, соображаясь съ ея движеніями, Викторъ, въ ночь съ 10-го на 11-е очистилъ Черюю и продолжалъ отступленіе на Холопеничи, куда уже 10-го дошелъ, какъ мы знаемъ Властовъ.

На разсвѣтъ 11-го Витгенштейнъ занялъ Черему и здѣсь, изъ полученныхъ отъ конницы донесеній и показаній мѣстныхъ жителей, удостовѣрился относительно направленія отступленія Виктора на Холопеничи—Батуры.

Такое направленіе подвергало серьезной опасности отрядъ Властова, силы котораго не превышали пяти тысячъ человѣкъ.

Для преслѣдованія Виктора Витгенштейнъ двинулъ свой авангардъ, а резервъ Фока, направленный на Холопеничи, долженъ былъ оказать поддержку Властову, положеніе котораго, въ виду принятаго французами направленія, могло сдѣлаться опаснымъ.

Властовъ занялъ Холопеничи еще 10 ноября и выдвинулъ передовыя части по направленію къ Батурамъ. Онъ перегораживалъ, значить, путь отступленія Виктора, но силы его были вдвое меньше послѣдняго, такъ что легко можно было опасаться, что его не только отгѣснятъ, но и разобьютъ.

Однако, въ дѣйствительности дѣло разыгралось, по своему конечному результату, въ нашу пользу.

Первоначально, около полудня 11 ноября, непріятельскій авангардъ, направляясь къ Батурамъ, атаковалъ передовыя посты Властова и отгѣснилъ ихъ за деревню Узнацкъ, около которой возгорѣлся бой, продолжавшійся до наступленія темноты, который окончился тѣмъ, что Властовъ, не только удержался на своей позиціи, но даже взялъ у противника плѣнныхъ.

Въ своемъ донесеніи графу Витгенштейну объ этомъ боевомъ столкновеніи, Властовъ, между прочимъ, пишетъ, что, послѣ того, какъ аванпосты его были отгѣснены къ Узнацку, онъ поддержалъ ихъ батальономъ 23-го егерскаго полка съ двумя конными орудіями; прибывъ же лично къ мѣсту боя, бросилъ на наступавшихъ стрѣлковъ противника въ атаку во флангъ бывшіе у него два казачьихъ полка. Эта атака была встрѣчена непріятельской конницей, которая, однако, была опрокинута, послѣ чего пѣхота ихъ построилась въ каре. Французы, усиливъ свою конницу, снова повторили атаку и, сбивъ казаковъ, направили свой ударъ на орудія; но картечный огонь артиллеріи и отвѣтный ударъ прикрытія къ ней (два эскадрона Елисаветградскихъ и одинъ Изюмскихъ гусарь) опрокинули и совершенно разсѣяли эту конницу, такъ что разстроенные остатки ея въ полномъ безпорядкѣ скрылись въ лѣсу, побросавъ множество убитыхъ и раненыхъ.

Тогда наша кавалерія, увлеченная успѣхомъ, ринулась на французскую пѣхоту и, окруживъ ея каре, требовала сдачи; но французы, къ которымъ приближались подкрѣпленія, рѣшили сопротивляться. Чтобы не упустить времени, такъ какъ подходила цѣлая непріятельская дивизія, Властовъ быстро обстрѣлялъ каре картечью и атаковалъ французское каре всѣми силами своей конницы одновременно со всѣхъ сторонъ. „Не смотря на отчаянный „отпоръ непріятеля (пишетъ Властовъ) каре, въ виду цѣлой не- „пріятельской дивизіи, было смято и совершенно истреблено, „которое состояло изъ 500 человекъ по показанію командира „онаго“.

Свыше трехсотъ человекъ, въ томъ числѣ 27 офицеровъ, сдалось въ плѣнъ, а около двухсотъ съ тремя офицерами „на мѣстѣ положено“.

Приблизившіяся подкрѣпленія французовъ успѣли развернуться въ боевой порядокъ, но наступившая ночь не дала возможности продолжать бой.

Властовъ оставилъ у Узнаца свой авангардъ, а остальные силы опять отвелъ къ Холопеничамъ.

Молодецкое дѣло это имѣло весьма важное значеніе, такъ какъ рѣшимость Властова и активный характеръ веденія имъ боя, несмотря на слабость силъ, произвели на осторожнаго Виктора сильное впечатлѣніе и могущественно повліяли на принятое маршаломъ рѣшеніе въ отношеніи направленія дальнѣйшаго отступленія.

Дѣло въ томъ, что въ ночь съ 11 на 12 ноября Викторъ получилъ опять предписаніе Бертье, содержавшее въ себѣ новыя указанія Наполеона.

Указанія эти вытекали изъ принятаго теперь императоромъ рѣшенія форсировать переправу черезъ Березину у Веселова, выше Борисова. Но самое рѣшеніе это раскрыто Виктору не было; ему сообщалось только, что Удино находится у Борисова, что главная квартира французской арміи прибыла въ Бобръ, имѣя арьергардъ въ Толочинѣ; самому же Виктору предлагалось прикрывать Удино со стороны Витгенштейна и для этой цѣли перейти на Лепельскую дорогу къ Баранамъ, что приводило къ фланговому маршу, по отношенію къ Витгенштейну.

Если бы Бертъе ориентировалъ Виктора въ полной мѣрѣ относительно принятаго Наполеономъ плана, то дѣйствія маршала, вѣроятно, болѣе соотвѣтствовали бы видамъ великаго полководца.

Теперь же требованіе идти на Бараны вынуждало его предварительно очистить себѣ путь отъ преграждавшаго его отряда Властова, для чего приходилось ввязываться въ наступательный бой; образъ же дѣйствій Властова наканунѣ вселялъ преувеличенное представленіе о его силахъ и заставлялъ Виктора думать, что сопротивленіе будетъ упорное, бой затяжной... А тѣмъ временемъ съ тыла можетъ показаться самъ Витгенштейнъ съ превосходными силами.

Независимо этого, самая опасность движенія на Бараны не оправдывалась въ глазахъ Виктора (не знавшаго, что, въ силу намѣченнаго для переправы пункта, Наполеонъ долженъ будетъ сблизиться съ нимъ) никакими ощутительными выгодами.

Имѣя противъ себя русскихъ у Холопеничъ (западнѣе) и со стороны Черей (сѣвернѣе) и соображаясь съ положеніемъ Удино у Борисова и предполагаемымъ движеніемъ Наполеона на Борисовъ же, Викторъ рассчитывалъ съ полнымъ основаніемъ, что направленіе на Лошницу, избавляя его отъ риска, лучше обезпечиваетъ достиженіе поставленной ему цѣли.

Въ глазахъ Наполеона это рѣшеніе Виктора, открывавшее Витгенштейну возможность атаковать во флангъ французскую армію, при переправѣ ея черезъ Березину выше Борисова, было равносильно чуть не преступленію и навлекло на маршала сильное неудовольствіе императора.

Но, по странной ироніи судьбы, въ дѣйствительности эта, якобы, ошибка Виктора, зависѣвшая, въ сущности, отъ ошибки самого Наполеона, не раскрывшаго ему какъ слѣдуетъ своихъ картъ, — оказалась для французовъ благодѣтельной.

Вмѣсто того, чтобы открыть Витгенштейну глаза на возможность рѣшительно воспрепятствовать переправѣ Наполеона, она, наоборотъ, совершенно сбила „героя Петрополя“ съ толку и ввела его въ полное заблужденіе.

У Витгенштейна и раньше еще господствовало убѣжденіе въ томъ, что французы будутъ искать переправы ниже Борисова, на направленіи Могилевъ—Бобруйскъ. Имѣя теперь свѣдѣнія о томъ,

что Борисовъ занятъ Чичаговымъ, и видя, что Викторъ все время уклоняется отъ рѣшительнаго боя съ нимъ и отступаетъ въ южномъ направленіи, Витгенштейнъ долженъ былъ совершенно естественно придти къ заключенію, что Наполеонъ повернулъ въ направленіи на Бобруйскъ и будетъ искать переправы на нижнемъ теченіи Березины.

Объ этихъ своихъ предположеніяхъ Витгенштейнъ тотчасъ же представилъ Кутузову вмѣстѣ съ донесеніемъ о своихъ дѣйствіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доносилъ Чичагову.

Послѣднему онъ писалъ такъ: „не могу достовѣрно донести „Вашему Высокопревосходительству о намѣреніи большой непріятельской арміи, хотя и говорятъ, что она слѣдуетъ къ Борисову, „но мнѣ по всему кажется, что она поворотила къ Бобруйску, ибо „въ такомъ случаѣ маршалъ Викторъ не преминулъ бы держаться въ Черѣ, дабы прикрывать маршъ войска“.

Извѣщеніе это имѣло весьма важное значеніе, ибо оно, въ свою очередь, ввело въ заблужденіе адмирала, тѣмъ паче, что онъ, будучи теперь отброшенъ на правый берегъ рѣки, не имѣлъ ни возможности, ни средствъ получать непосредственныя свѣдѣнія о противникѣ.

По занятіи Черей, Витгенштейнъ окончательно удостовѣрился въ раздѣленіи силъ противика, при чемъ, по показаніямъ, какъ мѣстныхъ жителей, такъ и плѣнныхъ, единогласно выходило, что на Батуры отступилъ только одинъ Викторъ, а Удино пошелъ *на свиданіе съ Наполеономъ*. Такія свѣдѣнія опять таки согласовались съ предположеніемъ объ уклоненіи главной массы непріятельскихъ силъ на югъ.

12 ноября Витгенштейнъ приказалъ своему авангарду настойчиво преслѣдовать арьергардъ Виктора, а для выясненія, что дѣлаетъ Удино, выслалъ летучій отрядъ на Бобръ.

Въ этотъ же день Викторъ стянулъ всѣ свои силы у Батуръ и, около полудня, продолжалъ свое отступленіе въ южномъ направленіи, оставивъ на окраинѣ лѣса арьергардъ, который долженъ былъ обезпечить втягиваніе артиллеріи и обозовъ въ лѣсную тѣснину.

Показавшійся со стороны Черей авангардъ Витгенштейна, обнаруживъ оставленный у Батуръ непріятельскій арьергардъ, тотчасъ же выдвинулъ артиллерію и повелъ атаку на оба его фланга.

Но выгодныя условія мѣстности позволили начальнику французскаго арьергарда, генералу Делетру, удержаться до тѣхъ поръ, пока изъ Холопеничъ не подошелъ на выстрѣлы Властовъ. Тогда Делетръ началъ отступать, преслѣдуемый конницей.

Къ ночи въ Холопеничи прибылъ съ главными силами самъ Витгенштейнъ.

Передъ выступленіемъ изъ Черей онъ получилъ отъ Чичагова извѣщеніе о дѣлѣ при Лошницѣ. При этомъ Чичаговъ писалъ, что встрѣченныя здѣсь войска, по словамъ плѣнныхъ, состояли изъ корпусовъ Виктора и Удино „которые, въ продолженіе нѣсколькихъ „дней дѣлавъ разныя фальшивыя движенія, обратились сюда“. Чичаговъ выражалъ надежду, что Витгенштейнъ „выступитъ вслѣдъ за „ними (т. е. за вышеупомянутыми корпусами) возможно поспѣшнѣ „и будетъ дѣйствовать имъ въ тылъ“; о себѣ же адмиралъ сообщалъ, что онъ „по худой позиціи Борисова и дабы не имѣть за „собою рѣки“, съ главными силами переходить на правую сторону „дабы удержать за собою переправу черезъ Березину“, Чичаговъ добавлялъ, что имѣетъ свѣдѣнія о приближеніи князя Шварценберга, „почему надобность соединенія вашего со мною еще „болѣе увеличивается“, и указывалъ, что если Витгенштейнъ подойдетъ лѣвымъ берегомъ, то соединеніе это могло бы быть обезпечено путемъ наброски понтоннаго моста.

Получивъ это извѣщеніе и видя передъ собою войска Виктора все время, Витгенштейнъ долженъ былъ заключить, что вышеприведенное предположеніе Чичагова ошибочно и что противъ него могъ быть только корпусъ Удино. Однако оказывалось, все-таки, что силы противъ Чичагова значительныя, иначе почему же онъ отказался бы отъ удержанія лѣваго берега Березины?

Само собою напрашивалось предположеніе, что силы Удино (которыя, какъ положительно зналъ Витгенштейнъ, не превышали десяти тысячъ) поддержаны еще какими то войсками, а это, опять таки, утверждало Витгенштейна въ его предположеніи объ уклоненіи Наполеона на югъ.

Уходъ Чичагова на лѣвый берегъ Березины крайне затруднялъ приведеніе въ исполненіе того желанія Чичагова, которое касалось „соединенія“ съ нимъ Витгенштейна и даже, хотя бы, простого установленія между ними связи въ цѣляхъ согласованія ихъ дѣйствій.

Съ другой стороны, съ отступленіемъ Виктора на югъ и приближеніемъ съ востока главной арміи Кутузова, можно было рассчитывать на то, чтобы войти въ связь съ нею и установить совмѣстныя дѣйствія.

Объ этомъ хлопоталъ и самъ Кутузовъ, который, извѣщая изъ Краснаго, отъ 6 ноября, Витгенштейна о понесенномъ здѣсь Наполеономъ пораженіи, прибавлялъ:

„По симъ обстоятельствамъ содѣйствіе всѣхъ нашихъ силъ „можетъ нанести неизбѣжную гибель Наполеону“.

Одновременно съ этимъ Ермоловъ доносилъ ему, что 11 ноября ночуетъ въ Погостѣ, на пути къ Коханову, и что Платовъ съ казаками далеко впереди; Ермоловъ просилъ Витгенштейна сообщить ему точное мѣсто своего нахождения.

Всѣ эти свѣдѣнія, пополняя одно другое, въ значительной степени способствовали уясненію обстановки.

Надо замѣтить, что самое положеніе Витгенштейна посрединѣ между арміями Чичагова и Кутузова создавало для него, въ смыслѣ ориентированія въ общемъ положеніи дѣлъ, сравнительно болѣе благопріятныя условія.

Утромъ 13 ноября Властовъ изготавился атаковать арьергардъ Виктора, но послѣдняго на разсвѣтъ уже не оказалось у Шавръ. Викторъ въ 2 часа утра поднялъ свой корпусъ и, продолжая намѣренно уклоняться отъ боя, снова отступилъ въ направленіи на Пошницу.

Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстно Витгенштейну, онъ тотчасъ же распорядился послать за Викторомъ по пятамъ конницу, подъ предводительствомъ полковника Гернгросса.

Самъ же Витгенштейнъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія за Викторомъ и сдѣлалъ распоряженія къ сосредоточенію всѣхъ силъ своихъ на Лепельской дорогѣ, у Барань. Его главныя силы двинулись къ этому пункту утромъ 13 ноября, а Властовъ направился туда же изъ Батуръ черезъ Холопеничи.

Принимая такое рѣшеніе, Витгенштейнъ руководствовался слѣдующими соображеніями.

Непрерывное отступленіе Виктора, въ его глазахъ, являлось лучшимъ доказательствомъ того, что Наполеонъ не ищетъ встрѣчи

съ нимъ, Витгенштейномъ, какъ этого прежде опасались и Кутузовъ, и самъ Императоръ Александръ; наоборотъ, онъ ищетъ переправы черезъ Березину и притомъ, по всѣмъ видимостямъ, въ нижнемъ ея теченіи и, во всякомъ случаѣ, ниже Борисова.

Съ другой стороны, остававшійся у Глубокаго баварскій корпусъ Вреде, все время пребывавшій въ полномъ бездѣйствіи, вдругъ проявилъ признаки жизни.

Баварцы двинулись изъ Глубокаго въ направленіи на Докшицы, т. е. по верховьямъ Березины. Это какъ будто указывало на намѣреніе оказать содѣйствіе попыткѣ Наполеона прорваться между Чичаговымъ и Витгенштейномъ. Въ то же время отъ Платова, преслѣдовавшаго по пятамъ главную французскую армію и находившагося наканунѣ впереди Толочина, получено увѣдомленіе, въ которомъ сообщалось между прочимъ, что направленіе отступленія Наполеона на Вилейку является наиболее вѣроятнымъ.

Въ виду такой двойственности указаній и потому сомнительности положенія дѣлъ, Витгенштейнъ и рѣшилъ расположиться въ Баранахъ, по дорогѣ изъ Лепеля въ Борисовъ.

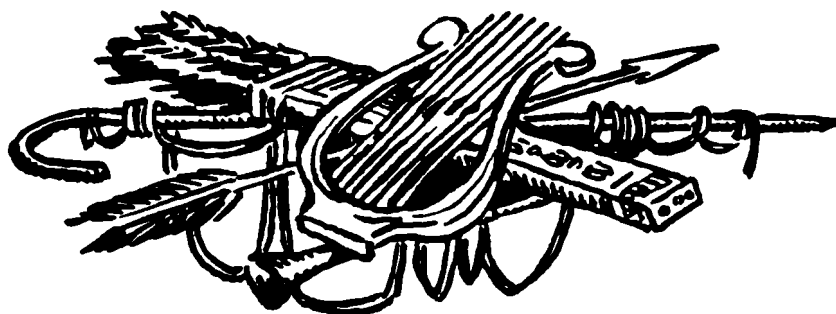
Такое расположеніе являлось чрезвычайно выгоднымъ, такъ какъ, находясь въ узлѣ путей и вблизи того участка Березины, который и оказался въ дѣйствительности избранъ французами для переправы, Витгенштейнъ могъ въ высшей степени затруднить Наполеону выполнение намѣченнаго плана переправы сѣвернѣе Борисова, такъ какъ Витгенштейнъ могъ предупредить его у Зембина и загородить дорогу на Докшицы—Вилейку. Если бы въ послѣднюю минуту оказалось, что Наполеонъ измѣнилъ свои намѣренія и повернулъ въ сѣверномъ направленіи, чтобы переправиться черезъ Уллу, то занятіе Лепельской дороги преграждало ему единственный путь, которымъ онъ въ данномъ случаѣ могъ бы воспользоваться. Наконецъ, если бы выяснилось, что Наполеонъ уклонился южнѣе Борисова и тамъ ищетъ переправы, то Витгенштейну оставалось бы только продолжать движеніе на югъ и, войдя въ связь съ Платовымъ, Ермоловымъ и Кутузовымъ, тѣснить противника съ тыла.

Принявъ разобранное рѣшеніе, Витгенштейнъ тотчасъ же увѣдомилъ о немъ Ермолова. Онъ писалъ ему, что занявъ Бараны 13 ноября, оттуда, „судя по направленію непріятели,

„можно будетъ двинуться на Зембинъ, чѣмъ пресѣку ему послѣдній путь къ Докшицамъ, или преслѣдовать его по дорогѣ къ „Лошницѣ“.

Въ этомъ же сношеніи Витгенштейнъ, принимая во вниманіе, что самъ преграждалъ тѣ пути, коими французы могли воспользоваться въ направленіи на сѣверъ, обращалъ вниманіе Ермолова на необходимость и возможность особенно внимательнаго наблюденія за путями, отходящими отъ большой дороги въ южномъ направленіи.

Принятое Витгенштейномъ 13 ноября рѣшеніе грозило совершенно разстроить всѣ соображенія Наполеона относительно форсированія Березины, намѣченныя къ этому времени, о которыхъ будетъ изложено въ слѣдующей главѣ.

Распоряженія Чичагова по оборонѣ Березины съ переходомъ его на правый берегъ рѣки. Развѣдки Удино и выборъ мѣста переправы у деревни Студенки. Распоряженія Наполеона для переправы. Дѣйствія Виктора.

Дѣйствія сторонъ по 13 ноября. Мѣры, принятыя французами для введенія Чичагова въ заблужденіе, и ихъ результатъ: передвиженіе Чичагова съ главными силами на югъ.

же было выяснено, что дѣло при Лошницѣ и необходимость очищенія лѣваго берега Березины значительно ухудшили положеніе Чичагова. Но хуже всего было то нравственное вліяніе, которое эти событія оказали на дотолѣ весьма рѣшительнаго и увѣреннаго въ себѣ адмирала.

Теперь его начали одолѣвать сомнѣнія и колебанія, тѣмъ болѣе, что противнику было весьма нетрудно, пользуясь закрытою мѣстностью, скрывать отъ насъ свои передвиженія на лѣвомъ берегу рѣки и выказывать только то, что было ему желательно въ цѣляхъ введенія адмирала въ обманъ.

Единственнымъ средствомъ имѣть свѣдѣнія о томъ, что дѣлаетъ противникъ, были шпіоны-евреи, — источникъ самый ненадежный, которымъ, какъ увидимъ ниже, также воспользовался непріятель, чтобы запутать насъ.

Первоначально Чичаговъ полагалъ, что Наполеонъ будетъ стремиться прорваться въ направленіи на Минскъ и, такимъ образомъ, будетъ искать переправы гдѣ либо у Борисова или на прилегающихъ къ нему участкахъ рѣки.

Сообразно съ этимъ отданы были и первоначальныя распоряженія адмирала по отступленіи его на правый берегъ Березины.

Исходя изъ указаннаго предположенія, Чичаговъ съ главными силами остался у предмостнаго Борисовскаго укрѣпленія, преграждая кратчайшій путь на Минскъ.

Для наблюденія и обороны рѣки выше Борисова была назначена дивизія Чаплица (5.000 чел.), которому приказано было перейти къ деревнѣ Брили (какъ разъ противъ брода у дер. Студенки) и занять дефиле у Зембина, по пути на Вилейку.

Другой боковой отрядъ, прежде бывшій подъ начальствомъ Луковкина, а теперь перешедшій въ командованіе графа Орурка, получилъ задачу занять мѣстечко Ушкевичи и противодействовать попыткамъ противника переправиться у мѣстечка Нижнее Березино. Орурку указано не ограничиваться пассивной обороной рѣки, а самому производить демонстраціи переправы, для чего въ его распоряженіе отряжена понтонная полурота. ☞

Войска Чаплица и Орурка заняли назначенныя имъ мѣста 12 ноября.

Чаплицъ расположился у Брили, въ 15 верстахъ всего отъ Борисова; авангардъ генерала Корнилова онъ выдвинулъ къ Веселову, а конница генерала Уманца заняла Зембинь.

Оруркъ расположилъ большую часть своей конницы для охраны рѣки между Борисовымъ и Гливномъ; одинъ казачій полкъ онъ выдѣлилъ къ Ушѣ, съ приказаніемъ постоянно освѣщать разъѣздами дорогу на Нижнее Березино; а самъ съ главными силами своими занялъ Гуры-Ушкевичи, всего въ семи верстахъ отъ Борисовскаго тетъ-де-пона.

Генераль-лейтенантъ
Графъ И. К. Оружиковъ 1-й.

Чичаговъ могъ ожидать переправы Наполеона или выше Борисова, для дальнѣйшаго слѣдованія на Вильну, или, наоборотъ, ниже Борисова, или вблизи его для слѣдованія на Минскъ. Направленіе на Минскъ особенно обращало на себя вниманіе Чичагова, — какъ вначалѣ Витгенштейна, — ибо это направленіе могло привести Наполеона къ соединенію съ свѣжими войсками корпусовъ Шварценберга и Ренье, а это составило бы въ общей сложности около 80 тысячъ — сила грозная въ рукахъ великаго полководца.

Тѣмъ не менѣе, вышеуказанное расположеніе Чичагова болѣе отвѣчало идеѣ прегражденія пути противнику на сѣверномъ, чѣмъ на южномъ направленіи. Въ самый день полученія извѣстія о переправѣ противника между Борисовымъ и Веселовымъ, или между Борисовымъ и Новоселками, къ угрожаемому пункту могла быть сосредоточена вся армія. Но, если бы противникъ сталъ искать переправы южнѣе, гдѣ либо у Нижняго Березина, то главныя силы Чичагова могли прибыть туда лишь въ концѣ второго дня, а вся армія стянуться только на третій день.

* * *

По овладѣніи Борисовымъ, Удино немедленно приступилъ къ развѣдкамъ въ цѣляхъ пріисканія болѣе удобныхъ мѣстъ для производства переправы черезъ рѣку.

Развѣдки и разспросы мѣстныхъ жителей указали на существованіе на Березинѣ трехъ бродовъ выше Борисова: у Стахова, Студенки и Веселова, и одного ниже Борисова — у деревни Ухолоды.

Кромѣ того, бродъ у Студенки былъ, совершенно случайно, провѣренъ самими французами слѣдующимъ образомъ.

Кавалерійская бригада Корбино, входившая въ составъ корпуса Удино, была временно отряжена вмѣстѣ съ баварскимъ корпусомъ Вреде къ Глубокому. Но теперь Удино послалъ этой бригадѣ приказаніе присоединиться къ нему. Корбино вышелъ 4 ноября изъ Глубокаго прямо на Борисовъ, но оказалось, что послѣдній занятъ русскими; тогда Корбино поднялся вверхъ по правому берегу Березины и началъ искать брода, который и былъ ему указанъ однимъ изъ мѣстныхъ жителей у деревни

*

Студенки. Корбино воспользовался этимъ бродомъ, перешель здѣсь Березину и, пройдя черезъ Лошницу къ Бобру, присоединился къ Удино, которому и донесъ подробно о найденномъ бродѣ. Маршалъ немедленно отправилъ его къ самому Наполеону.

Взвѣсивая условія переправы у Ухолодъ, Стахова, Студенки и Веселова, Удино отдавалъ всецѣло предпочтеніе избранію Студенки.

Пунктъ этотъ былъ болѣе отдаленъ отъ Борисова, чѣмъ Стаховъ и Ухолоды; поэтому можно было надѣяться встрѣтить здѣсь меньшее сопротивленіе; самая же мѣстность у Студенки, сравнительно съ Веселовымъ, давала болѣе матеріала для постройки мостовъ и позволяла лучше скрыть самыя работы и сосредоточеніе войскъ для переправы.

Самый бродъ, какъ только что провѣрено было переходомъ Корбино, не превосходилъ $3\frac{1}{2}$ футъ глубины и расположенъ былъ очень близко отъ большой дороги на Зембинь.

Остановившись 12 ноября окончательно на рѣшеніи избрать Студенку мѣстомъ переправы для главныхъ силъ своего корпуса, Удино распорядился принятіемъ демонстративныхъ мѣръ у Стахова и Ухолодъ, чтобы сбить съ толку противника, а къ Студенкѣ послалъ своего начальника артиллеріи, генерала Обри, для подготовительныхъ работъ по устройству переправы.

По прибытіи въ Студенку, Обри внимательно осмотрѣлъ мѣсто предполагаемой переправы. Ширина самой рѣки не превосходила здѣсь 10 сажень, но болотистые берега, покрытые водою, увеличивали эту ширину до 30—35 сажень. Произошло это вслѣдствіе прибыли воды, такъ что и глубина брода, обыкновенно не превышавшая $3\frac{1}{2}$ футовъ, теперь возросла. Чтобы не привлечь вниманія находившихся на томъ же берегу русскихъ къ дѣйствительному пункту переправы, французы не рѣшились произвести здѣсь промѣровъ.

Подступы къ рѣкѣ на лѣвомъ берегу не представляли затрудненій, но на правомъ берегу простиралось болото, доступное только во время сильныхъ морозовъ, черезъ которое пролегалъ гать.

Деревня Брили была уже занята русскою пѣхотой и конницей, а на окраинѣ ея видны были орудія.

Представляя маршалу Удино результаты своей развѣдки, Обри высказывалъ опасеніе, что русскіе, обнаруживъ своевременно наводку французами мостовъ, могутъ занять высоты праваго берега сильною артиллеріей и сдѣлаютъ переправу до крайности трудной, вслѣдствіе невозможности развернуть войска тотчасъ же послѣ переправы черезъ мосты, такъ какъ предварительно необходимо еще пройти по гати подъ сосредоточеннымъ непріятельскимъ огнемъ.

Одновременно съ этимъ донесеніемъ генерала Обри, Удино получилъ ложныя свѣдѣнія о присоединеніи къ Чичагову войскъ генерала Штейнгеля. Донесеніе это вызвано было замѣченнымъ еще вечеромъ 11 ноября передвиженіемъ какихъ то войскъ вдоль праваго берега рѣки отъ мѣстечка Верхнее Березино. Числительность этихъ войскъ опредѣлялась жителями въ 8—9 тысячъ человекъ. На самомъ дѣлѣ это были остатки авангарда Палена, которые, какъ мы знаемъ, къ вечеру 11 ноября собрались у деревни Брили.

Такимъ образомъ, случайное обстоятельство, — кружное передвиженіе уклонившихся въ сторону послѣ боя у Лошницы войскъ — утвердило маршала Удино въ ошибочномъ предположеніи о томъ, что къ Чичагову прибыли значительныя подкрѣпленія — и какъ разъ противъ пункта, намѣченнаго для переправы.

Повліяло это настолько, что Удино, уже сдѣлавшій распоряженія о передвиженіи ночью своего корпуса къ Студенкѣ, отмѣнилъ отданныя приказанія. Онъ находилъ теперь рискованнымъ переправляться только съ одними бывшими въ его распоряженіи войсками, не имѣя сзади непосредственно поддержки.

Поэтому онъ послалъ подробное обо всемъ донесеніе Наполеону, увѣдомляя, что будетъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній императора.

Наполеонъ узналъ о существованіи брода у Студенки прежде всего изъ доклада Корбино, котораго, какъ извѣстно, Удино послалъ въ главную квартиру и который прибылъ туда 11 ноября.

Докладъ Корбино убѣдилъ Наполеона въ преимуществахъ производства переправы именно у Студенки, а не у Веселова, и онъ тотчасъ же отправилъ Корбино обратно къ маршалу Удино для передачи приказаній: а) немедленно приступить къ работамъ по устройству мостовъ у Студенки, и б) для отвлеченія вниманія

противника въ противоположную сторону, организовать усиленные демонстраціи ниже Борисова. Чтобы придать этимъ демонстраціямъ болѣе правдоподобія, Удино уполномочивался распустить въ войскахъ слухъ, что переправа будетъ произведена на Нижней Березинѣ, а это, по расчетамъ Наполеона, должно было привлечь туда толпы безоружныхъ.

Чтобы облегчить какъ можно больше тѣ трудности, которыя долженъ былъ неминуемо встрѣтить Удино при наводкѣ мостовъ, и чтобы обезпечить ему возможную быстроту въ выполненіи этого важнаго дѣла, Наполеонъ предоставилъ въ его распоряженіе всѣхъ понтонеровъ и саперъ. 12 ноября съ разсвѣтомъ направились они изъ Бобра усиленнымъ маршемъ, съ генералами Эбле и Шаслу во главѣ, имѣя съ собою все, что уцѣлѣло изъ матеріальной части понтонныхъ парковъ, сожженныхъ въ Оршѣ.

Самой арміи оставалось до Березины только два перехода. Чтобы замедлить преслѣдованіе передовыхъ войскъ Кутузова, настигавшихъ его сзади, подгоняемыхъ энергіей Ермолова и Платова, и удержать ихъ какъ можно дальше отъ переправы, Наполеонъ послалъ приказаніе бывшимъ въ арьергардѣ Даву и вице-королю, чтобы они отступали какъ можно медленнѣе. Для поддержки ихъ въ Бобрѣ былъ оставленъ Ней, которому, кромѣ его собственныхъ войскъ, подчинены были войска Заіончека и тотъ польскій отрядъ, который только что прибылъ на присоединеніе къ арміи изъ Могилева.

Снова подтверждено было приказаніе, неоднократно отдававшееся и ранѣе, о сокращеніи елико возможно обозовъ. Артиллерійскимъ офицерамъ предоставлено было право по ихъ усмотрѣнію забирать обозныхъ лошадей, не исключая принадлежащихъ самому императору, лишь бы не оставлять ни одного орудія или ящика.

Еще 11 ноября, въ Бобрѣ, приказано было Наполеономъ принести къ нему орлы всѣхъ полковъ, и они сожжены въ присутствіи императора, чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ достаться неприятелю.

12 ноября, по прибытіи въ Лошницу, Наполеонъ получилъ упомянутое выше донесеніе Удино о пріостановкѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій для переправы у Студенки, въ виду предполагаемаго усиленія Чичагова войсками Штейнгеля. Прибывшій изъ

гвардіи подь начальствомъ маршала Мортъе. О необходимости какъ можно скорѣе овладѣть переправой снова при этомъ повторылось.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ, еще въ Лошницѣ, получилъ съ сѣвера извѣстія, показавшія ему, что положеніе на этомъ фронтѣ совершенно не отвѣчаетъ его соображеніямъ и расчетамъ.

Какъ только окончательно закрѣпилось рѣшеніе переправиться черезъ Березину выше Борисова, Наполеонъ, еще изъ Бобра, послалъ маршалу Виктору приказаніе передвинуться на дорогу Борисовъ—Лепель и прикрыть этотъ путь гдѣ либо у Баранъ. Наполеону было извѣстно, что съ 11 по 12 ноября Викторъ ночевалъ у Холопеничей; поэтому онъ имѣлъ основаніе рассчитывать, что это приказаніе его можетъ быть исполнено въ точности.

И вотъ, вдругъ появляется отъ Виктора донесеніе, что онъ отступаетъ къ Лошницѣ! Такое извѣстіе было полнымъ разочарованіемъ, такъ какъ избранное для переправы всей арміи мѣсто у Студенки обнажалось въ такомъ случаѣ для ударовъ съ сѣвера, со стороны графа Витгенштейна. Можно было съ полнымъ на то основаніемъ опасаться, что послѣдній, простымъ движеніемъ впередъ, можетъ занять по отношенію къ Удино настолько угрожающее положеніе, что успѣхъ переправы станетъ крайне сомнительнымъ.

Удаленіе Виктора отъ большой дороги подавало еще надежду на возможность успѣть исправить ошибочно взятое имъ направленіе.

Поэтому въ пять часовъ утра 13 ноября изъ главной квартиры Наполеона ему послано было приказаніе перейти съ главными силами своего корпуса на Лепельскую дорогу къ Кострицѣ, оставивъ арьергардъ на прежнемъ пути изъ Холопеничъ въ Лошницу, чтобы лучше прикрыть маршъ арміи по большой дорогѣ. Прибывъ въ Кострицу, Викторъ долженъ былъ войти въ связь съ Удино и освѣтить развѣдкой всю Лепельскую дорогу вплоть до Баранъ (уже, какъ извѣстно, занятыхъ Витгенштейномъ).

Въ случаѣ появленія противника съ сѣвера, Виктору вмѣнялось въ непремѣнную обязанность рѣшительно его атаковать.

Наполеонъ рассчитывалъ, что Викторъ займетъ Кострицу уже къ полудню 13-го числа; онъ предполагалъ произвести переправу у Студенки въ ночь съ 13 на 14 ноября и имѣлъ въ виду сосредоточить для этой цѣли корпуса Удино, Виктора и гвардію.

Даву съ арьергардомъ долженъ былъ удерживаться на большой дорогѣ до тѣхъ поръ, пока переправа не закончится; остальные войска—расположиться послѣдовательными эшелонами. Полевымъ жандармамъ отдано было строжайшее приказаніе не пропускать безоружныхъ, отсталыхъ и спѣшенныхъ кавалеристовъ далѣе деревни Неманицы и отнюдь не давать имъ приближаться къ Борису.

Дѣлая всѣ эти распоряженія, Наполеонъ, видимо, не терялъ надежды не только выйти благополучно изъ тисковъ, но даже, быть можетъ, закончить кампанію удачной операціей.

Но новое донесеніе Виктора, полученное, когда Наполеонъ съ гвардіей приближался къ Борису, разрушило послѣднія иллюзіи.

Оказалось, что Викторъ не дождался послѣдняго (упомянутого выше) предписанія перейти къ Кострицѣ и получилъ его на походѣ, когда не было уже возможности свернуть съ одной дороги на другую. Маршалъ продолжалъ держаться прежней системы уклоненія отъ боя и назначалъ своимъ войскамъ выступленіе съ бивака еще до разсвѣта.

Видя, что теперь выполнить требованіе Наполеона нѣтъ почти что никакой возможности, Викторъ рѣшился сохранить взятое имъ направленіе для отступленія, о чемъ и донесъ въ главную квартиру.

Раздраженіе Наполеона было чрезвычайно велико.

„Императоръ видитъ, — писалъ Бертье тотчасъ же Виктору — „что непріятель нѣсколько разъ давалъ вамъ прекрасный случай „разбить себя, но вы ни разу не съумѣли этимъ воспользоваться“.

Бѣда была непоправима. Если до сихъ поръ положеніе французской арміи могло считаться опаснымъ, то теперь оно дѣлалось прямо гибельнымъ.

Пунктъ, намѣченный для переправы, былъ совершенно обнаженъ со стороны Витгенштейна. Достаточно простого расчета расстояній и времени, чтобы убѣдиться, что онъ могъ захватить французскую армію при самомъ началіи ея перехода Березины...

Начинало темнѣть, когда Наполеонъ со старой гвардіей прибылъ въ Борисовъ. Проѣхавъ черезъ городъ, онъ остановился у разрушеннаго моста и внимательно осмотрѣлъ нашу позицію на томъ берегу рѣки. Затѣмъ, зайдя въ ближайшій домъ, онъ нѣсколько часовъ провелъ въ размысленіи надъ развернутой картой и уже поздно вечеромъ отправился ночевать на мызу Старый Борисовъ.

* * *

Тѣмъ временемъ II французскій корпусъ Удино уже стягивался скрытно къ Студенкѣ. Самую деревню заняла конница Корбино, большая часть которой укрылась въ ближайшемъ лѣсу, чтобы преждевременно не обнаружить своего присутствія.

Одновременно съ занятіемъ Студенки, предпринятъ былъ цѣлый рядъ весьма искусныхъ демонстративныхъ мѣръ, съ цѣлью сбить съ толку адмирала Чичагова.

Французы, прежде всего, обнаружили себя и къ сѣверу, и къ югу отъ Борисова въ разныхъ мѣстахъ по рѣкѣ, на протяженіи 30—40 верстъ. Кромѣ того, внизъ по рѣкѣ, къ Ухолодамъ (тоже удобное мѣсто для переправы, какъ мы знаемъ) былъ двинутъ батальонъ пѣхоты, увлекшій за собою толпу безоружныхъ, которые съ того берега, и при незнаніи дѣйствительнаго состоянія французской арміи, легко могли быть приняты за сильныя колонны войскъ.

Большая часть саперъ и понтонеръ съ генералами Эбле и Шасслу, послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха въ Борисовѣ, двинуты были къ Студенкѣ; но часть ихъ была выдѣлена къ Борисову и Ухолодамъ, гдѣ они *явно* рубили лѣсъ и производили обманныя приготовленія къ переправѣ.

Въ цѣляхъ введенія русскихъ въ заблужденіе примѣнена была еще такая уловка.

Начальникъ штаба Удино, генераль Лорансэ, потребовалъ къ себѣ нѣсколькихъ мѣстныхъ евреевъ, знакомыхъ съ окрестностями, и сталъ ихъ подробно спрашивать, какъ о бродѣ у Ухолодъ, такъ и о путяхъ, ведущихъ оттуда къ Минску (куда, кстати сказать, приближался съ 45 тысячами Шварценбергъ). Сдѣлавъ затѣмъ видъ, что онъ вполне удовлетворился полученными свѣдѣніями, онъ оставилъ часть евреевъ въ качествѣ проводниковъ, а остальныхъ отпустилъ, щедро наградивъ и взявъ обѣщаніе, что они соберутъ свѣдѣнія о русскихъ войскахъ, находящихся на правомъ берегу рѣки, и доставятъ эти свѣдѣнія въ Нижнее Березино, на встрѣчу французской арміи.

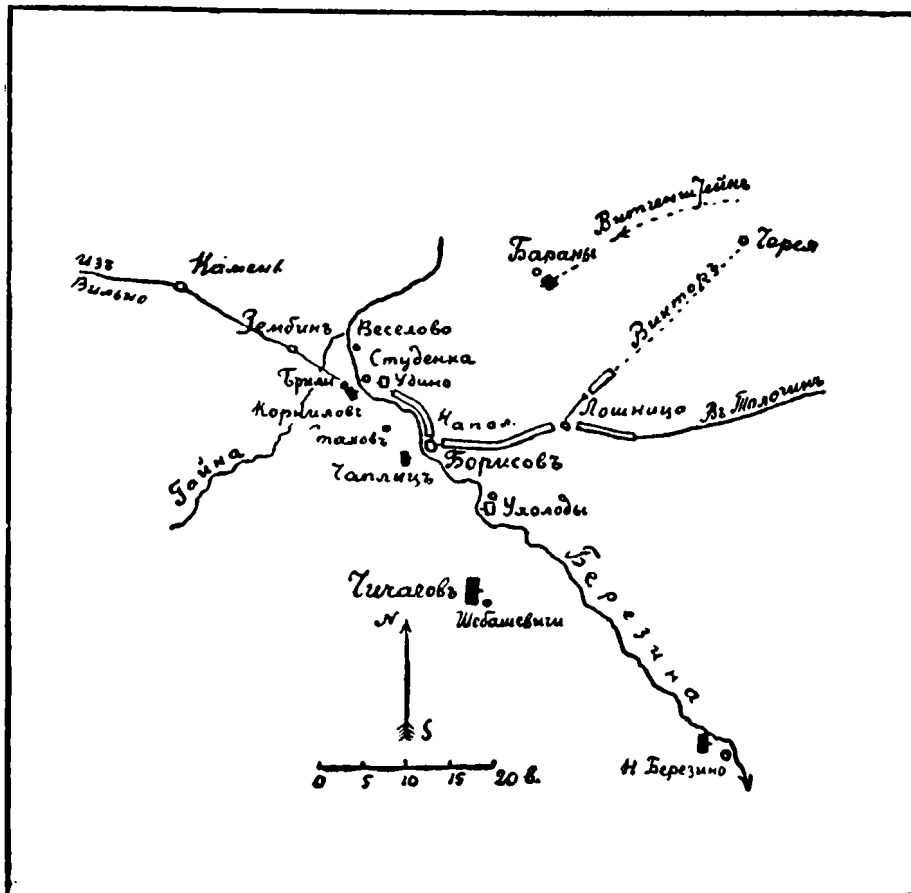
Зная натуру евреевъ, можно было быть увѣреннымъ, что все это будетъ сообщено Чичагову, что, конечно немедленно и случилось.

Всѣ эти демонстративныя мѣры произвели желаемое дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что они вполне согласовались съ извѣщеніями Витгенштейна, о которыхъ говорено было выше.

Витгенштейнъ, послѣ отступленія передъ нимъ Виктора отъ Черенъ къ югу, сообщая объ этомъ Чичагову, высказалъ, какъ мы знаемъ, одновременно предположеніе, что „французская армія повернула къ Бобруйску“, т. е. ищетъ переправы на нижнемъ теченіи Березины.

Мы знаемъ теперь, что направленіе, взятое Викторомъ для своего отступленія, было ошибочнымъ, шло въ разрѣзъ съ приказаніями и расчетами Наполеона и поставило французскую армію, въ концѣ концовъ, почти что на край гибели. Но этого не могли

Схема положенія 13 ноября.

знать ни Витгенштейнъ, ни Чичаговъ. Въ ихъ глазахъ не могло быть другого объясненія этому движенію кромѣ того, которое они ему дали.

Въ глазахъ Чичагова вѣроятность такого объясненія возрастала еще болѣе, когда онъ сопоставлялъ его съ другими, имѣвшимися у него, свѣдѣніями.

Во-первыхъ, французы, завладѣвъ лѣвымъ берегомъ Березины и Борисовымъ, нигдѣ еще не обнаруживали (до утра 13-го) приготовленій къ переправѣ въ его ближайшихъ окрестностяхъ. А между тѣмъ, по переѣваченнымъ имъ письмамъ, о которыхъ ранѣ упоминалось, выходило, что уже съ 12-го числа въ Борисовѣ долженъ былъ быть самъ Наполеонъ. Отсюда Чичаговъ дѣлалъ выводъ, что французы на Борисовъ не пошли, а двинулись южнѣе.

Съ другой стороны комендантъ Минска доносилъ, что въ Несвижѣ и Новомъ Сверженѣ появились передовые отряды Шварценберга, а въ Свислочи былъ обнаруженъ двухтысячный польскій отрядъ (остатки дивизіи Домбровскаго, оставленные для наблюденія за Бобруйскомъ).

Такое направленіе движенія австро-саксонцевъ, въ связи съ нахожденіемъ на нижней Березинѣ особаго отряда, какъ будто подтверждало намѣреніе Наполеона искать переправы на нижнемъ участкѣ рѣки.

* * *

Взвѣсивъ всѣ вышеприведенныя обстоятельства, адмиралъ Чичаговъ пришелъ къ окончательному убѣжденію въ вѣрности такого своего заключенія.

Вопреки мнѣнію генерала Сабанѣева, своего начальника штаба и нѣкоторыхъ другихъ своихъ сподвижниковъ, совѣтовавшихъ ожидать болѣе точнаго выясненія обстановки, Чичаговъ, со свойственною ему категоричностью, немедленно рѣшилъ перенести центръ тяжести своей обороны къ югу, усиливъ въ то же время и наблюденіе за нижнимъ участкомъ рѣки.

Принявъ такое рѣшеніе, адмиралъ безотлагательно началъ приводить его въ исполненіе.

**Генералъ - отъ - инфантеріи
Иванъ Васильевичъ Сабанѣвъ.**

Графу Орурку велѣно было, оставивъ посты, выставленные имъ на берегу рѣки у мѣстечка Гурь-Ушкевичъ, стянуть всѣ прочія свои силы и тотчасъ же, усиленнымъ маршемъ, двинуться на югъ, для занятія Нижняго Березина.

Сдѣлавъ трудный переходъ болѣе чѣмъ въ пятьдесятъ верстъ по засыпанной снѣгомъ дорогѣ, при чемъ большая часть пути совершена была ночью, графъ Оруркъ къ разсвѣту 14 ноября занялъ мѣстечко Нижнее Березино.

У Борисовскаго предмостнаго укрѣпленія былъ оставленъ только корпусъ графа Ланжерона (въ составѣ 15-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріей, Житомирскаго и Арзамасскаго драгунскихъ полковъ и 8 орудій), численностью всего отъ 4 до 5 тысячъ.

Самъ Чичаговъ со своими главными силами, въ которыхъ оставалось около 15—16 тысячъ и которыя являлись резервомъ всей обороны даннаго участка рѣки, выступилъ изъ Борисова 13-го послѣ полудня и уже къ вечеру того же дня прибылъ къ деревнѣ Шибашевичи (Забашевичи), въ одномъ усиленномъ переходѣ отъ Борисова (верстъ до 30).

Наконецъ, Чаплицу приказано было передвинуться къ Борисову, оставя у деревни Брили только слабый отрядъ Корнилова (2 батальона, 2 полка казаковъ и 4 орудія).

Такимъ образомъ, съ одной стороны—искусныя демонстративныя мѣры Удино, а съ другой—*случайность*, въ видѣ невѣрнаго направленія отступленія, взятаго маршаломъ Викторомъ,—привели къ тому, что Чичаговъ, оборонявшій преграду Березины, такъ видоизмѣнилъ группировку своихъ силъ, что переправѣ французовъ могъ противодѣйствовать только слабый отрядъ Корнилова.

Витгенштейнъ, ударамъ котораго мѣсто переправы было совершенно обнажено, пріостановился, введенный въ заблужденіе ошибочнымъ движеніемъ Виктора, которое оказалось для французовъ прямо таки спасительнымъ.

Главные силы Кутузова находились еще въ Копысѣ въ 100 верстахъ отъ мѣста переправы; только Платовъ, Ермоловъ и Милорадовичъ настигали хвостъ противника, но были еще не ближе Толочина...

* * *

Такова была группировка нашихъ силъ къ началу совершенія Наполеономъ одного изъ рискованнѣйшихъ предпріятій, когда либо замышлявшихся на войнѣ.

Группировка, для насъ, очевидно, весьма невыгодная, — хотя дѣло еще могло быть поправлено своевременнымъ вмѣшательствомъ Витгенштейна, — и чрезвычайно благопріятная для французевъ...

Въ томъ почти что безвыходномъ положеніи, въ которомъ они находились только что, неожиданно образовался какъ бы просвѣтъ, подающій серьезную надежду на возможность спасенія.

Распоряженія Чичагова на 14 ноября. Положеніе обѣихъ сторонъ къ моменту переправы. Форсированіе французами Березины у Студенки. Бой на правомъ берегу между д.д. Брили и Стаховымъ.

Мѣры, принятыя Чичаговымъ для сосредоточенія къ лѣвому флангу. Дѣйствія Витгенштейна 13-го и 14-го числа.

остоявшій при главной квартирѣ Наполеона Раппъ, въ своихъ запискахъ, нижеслѣдующимъ образомъ рассказываетъ о томъ, какъ прошелъ въ этой главной квартирѣ день 13 ноября, предшествовавшей переправѣ, и какъ обнаружилось чудодѣйственное, въ глазахъ сподвижниковъ Наполеона, видоизмѣненіе въ расположеніи русскихъ силъ на правомъ берегу рѣки.

„Мы прибыли (пишетъ Раппъ) въ главную квартиру Удино „на разсвѣтъ. Императоръ поговорилъ нѣсколько минутъ съ маршаломъ и, закусивъ, отдалъ приказаніе. Ней, отозвавъ меня въ „сторону и, когда мы вышли, сказалъ мнѣ по-нѣмецки: „наше „положеніе — неслыханное; если Наполеонъ выпутается сегодня, „въ немъ сидитъ самъ чортъ“.

„Мы испытывали большое безпокойство, да и было отчего. „Подошедшій къ намъ король Неаполитанскій (т. е. Мюратъ) „казался не менѣе озабоченнымъ. „Я предложилъ Наполеону (ска- „заль онъ) спастись самому, переправясь черезъ рѣчку въ нѣ- „сколькихъ льѣ отсюда, у меня есть поляки, которые берутся „доставить его въ Вильну; но онъ и слышать объ этомъ не хочетъ. „Что касается до меня, то я не думаю, чтобы мы вывернулись“.

„Мы всѣ трое были того же мнѣнія. Мюратъ продолжалъ: „Мы всѣ тутъ погибнемъ; о сдачѣ не можетъ быть и рѣчи“.

„Разговаривая, мы замѣтили, что непріятель уходитъ: его „сомкнутыя части исчезли, огни потухли; виднѣлся только хвостъ „колоннъ, исчезающій въ лѣсу, да 5—6 сотенъ казаковъ, разсы- „панныхъ по равнинѣ. Мы принялись разсматривать въ подозрную „трубку и убѣдились, что лагерь былъ снятъ. Я отправился къ „Наполеону, который разговаривалъ съ маршаломъ Удино.

„Государь, непріятель очистилъ позицію“..... „Не можетъ „быть!!!“... Вошедшіе въ эту минуту король Неаполитанскій и мар- „шалъ Ней подтвердили мои слова. Императоръ вышелъ изъ лачуги „и, бросивъ взглядъ на противоположный берегъ рѣки, воскликнулъ:

„Я обманулъ адмирала! Онъ предполагаетъ меня на томъ „пунктѣ, гдѣ я приказалъ демонстрировать!“

Адмиралъ Чичаговъ выступилъ изъ Борисовскаго предмост- наго укрѣпленія, въ полномъ убѣжденіи, что французская армія повернула къ югу, чтобы искать переправы на нижнемъ теченіи Березины. Онъ располагалъ на слѣдующій день продолжать маршъ до самаго мѣстечка Нижнее Березино, а верхній участокъ рѣки рѣшилъ совершенно очистить, такъ какъ Чаплицу велѣно было 14-го числа стянуть всѣ свои силы у тетъ-де-пона, оставивъ съвер- нѣ Борисова одни наблюдательные посты.

Но уже въ самый день прибытія Чичагова въ Шебашевичи, т. е. 13 ноября вечеромъ, имъ получены были такія свѣдѣнія, которыя въ значительной степени поколебали его увѣренность относительно движенія французовъ въ южномъ направленіи.

Прежде всего, комендантъ Минска, полковникъ Кноррингъ, увѣдомилъ, что австрійскія передовыя части, появившіяся на Нев- свижской дорогѣ, отошли назадъ, и что, по слухамъ, Шварцен- бергъ потерпѣлъ пораженіе отъ Сакена и отступаетъ къ Вильнѣ.

Затѣмъ, пришло отъ Витгенштейна извѣщеніе, что дѣйствовавшіе противъ него корпуса раздѣлились, при чемъ Удино ушелъ къ Борисову, а Викторъ ночуетъ у Шавръ съ 11-го на 12-е число. Витгенштейнъ сообщалъ, что самъ идетъ на Холопеничи, при чемъ заканчивалъ свое письмо (отъ 12-го числа) такъ:

„Не премину спѣшить къ Березинѣ, дабы сильно „содѣйствовать ввѣренной Вашему Высокопревосходительству арміи“.

Это извѣщеніе отъ Витгенштейна, въ связи съ донесеніемъ минскаго коменданта, произвело на Чичагова такое впечатлѣніе, что переправа французовъ возможна и выше Борисова. Поэтому онъ тотчасъ же, еще съ вечера 13-го, предписалъ Ланжерону усилить отрядъ Чаплица, а послѣдному—остаться въ прежнемъ расположеніи и противодѣйствовать всѣмъ попыткамъ непріятеля переправиться, стараясь войти въ связь съ Витгенштейномъ.

Въ предписаніи Ланжерону Чичаговъ прибавлялъ: „Ваше Сіятельство, будьте осторожны и обо всемъ, что случится и замѣчено Вами будетъ, мнѣ доносите. Главная квартира находится „будетъ, впредь до полученія о непріятелѣ достовѣрныхъ извѣстій, „въ селѣ Забашевичи“.

Въ предписаніи Чаплицу прямо указывалось препятствовать *всѣми силами* переправѣ непріятеля „въ Веселовѣ или другомъ какомъ пунктѣ“, возможно чаще донося въ Забашевичи; кромѣ того, Чаплицъ долженъ былъ оказать содѣйствіе переправѣ Витгенштейна, если бы послѣдній пошелъ на Зембинь.

Но эти распоряженія Чичагова дошли по назначенію только тогда, когда форсированіе французскою арміею рѣки Березины стало совершившимся фактомъ.

Въ отрядѣ Ланжерона, къ наступленію ночи съ 13-го на 14-е число, обратили вниманіе на то, что въ лѣсахъ позади Борисова значительно увеличилось количество бивачныхъ огней, что указывало на прибытіе сильныхъ подкрѣпленій.

Ланжеронъ нѣсколько разъ посылалъ черезъ рѣку егерей на развѣдку, но бдительность французскихъ сторожевыхъ постовъ не позволила имъ пробраться и вывѣдать, что слѣдовало.

Въ отрядѣ Чаплица положеніе дѣлъ казалось еще болѣе тревожнымъ. Еще днемъ, пока Чаплицъ не началъ передвиженія своего къ югу, замѣчено было противъ деревни Брили появленіе французскихъ офицеровъ, производящихъ развѣдку рѣки. Вечеромъ 13-го у Студенки постепенно стали скопляться войска, и явственно началъ доноситься оттуда стукъ топоровъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты, многочисленные бивачные огни обнаружили Чаплицу присутствіе здѣсь значительныхъ непріятельскихъ силъ.

Чаплицъ, уже рѣшившій самъ никуда не уходить отъ Студенки, выслалъ ночью на развѣдку, на тотъ берегъ рѣки, цѣлый казачій полкъ. Захваченные имъ нѣсколько плѣнныхъ и управляющій одного изъ помѣстій близъ Веселова дали весьма важныя показанія. По словамъ плѣнныхъ, вся французская армія была сосредоточена между Старымъ и Новымъ Борисовымъ и на слѣдующій день готовилась къ общему движенію. Управляющій къ этому добавилъ, что французами приступлено къ постройкѣ двухъ мостовъ, которые могли быть наведены у Брили или у Веселова.

Тѣмъ временемъ Чаплицъ получилъ отъ графа Ланжерона приказаніе очистить Зембинъ, Веселово и Брили и слѣдовать къ нему на присоединеніе къ Борисовскому тетъ-де-пону. Это было исполненіе перваго распоряженія Чичагова, очевидно, уже обстановкѣ не отвѣчавшее, такъ какъ она въ корнѣ измѣнилась.

Вотъ когда кстати было вспомнить Суворовское правило: *я — вправо* (т. е. приказываю вправо); *должно влево — меня не слушать!*

Чаплицъ первоначально такъ и сдѣлалъ. Онъ послалъ адъютанта съ донесеніемъ къ Чичагову и поставилъ въ извѣстность графа Ланжерона о томъ, что творится у Студенки. Затѣмъ онъ рѣшилъ сосредоточить у Брили весь свой отрядъ, что приводило къ очищенію, какъ Веселова, такъ и Зембинскаго дефиле.

Занимая только Брили, Чаплицъ, очевидно, считалъ необходимымъ прикрывать одно лишь направленіе на Минскъ, не заботясь о направленіи на Вильну.

Но, при всей правильности примѣненія въ данномъ случаѣ принципа сосредоточенія силъ къ опаснѣйшему пункту, не слѣдовало упускать, какъ это сдѣлалъ Чаплицъ, возможности затруднить противнику движеніе и въ этомъ другомъ направленіи.

Возможность эту давали въ руки Чаплицу особенности мѣстности: на Зембинской дорогѣ—цѣлый рядъ мостовъ и гатей, образующихъ почти непрерывную серію труднопроходимыхъ тѣсинъ. Стоило только распорядиться уничтожить эти мосты и испортить гати, чтобы лишить остатки французской арміи возможности спастись.

Заявленія Чичагова и Чаплица, дѣлаемая въ запискахъ того и другого, о томъ, что въ данномъ случаѣ уничтоженіе мостовъ и гатей не могло имѣть большого значенія, такъ какъ сильный морозъ въ ночь на 14-е число сковалъ болота и сдѣлалъ ихъ всѣ удобопроходимыми, опровергаются показаніями французскихъ писателей, очевидцевъ и участниковъ переправы. Да и при условіи замерзанія болотъ едва ли легкокъ былъ бы обходъ по льду испорченныхъ мостовъ и гатей для тяжестей и артиллеріи.

Въ теченіе ночи на 14-е Чаплицъ получилъ отъ Ланжерона вторичное и настойчивое подтвержденіе приказанія идти съ отрядомъ къ Борисовскому предмостному укрѣпленію. У Чаплица не хватило мужества упорствовать въ принятомъ рѣшеніи и принять на себя всю отвѣтственность за послѣдствія. Не дождавшись возвращенія своего адъютанта, посланнаго съ донесеніемъ къ адмиралу Чичагову, и опасаясь дальнѣйшаго промедленія въ исполненіи полученнаго приказанія, Чаплицъ, передъ самымъ разсвѣтомъ 14-го числа, выступилъ по дорогѣ къ тетъ-де-пону.

У Брили былъ оставленъ только отрядъ генерала Корнилова, въ составѣ одного егерскаго и двухъ казачьихъ полковъ и четырехъ орудій.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что съ вечера 13-го и за слѣдующую ночь обстановка и полученныя свѣдѣнія подсказывали необходимость немедленно измѣнить рѣшеніе, принятое адмираломъ Чичаговымъ подъ вліяніемъ предположенія о томъ, что переправу надлежитъ ожидать на Нижней Березинѣ, эти распоряженія остались въ полной силѣ и приведены были въ дѣйствіе. Приказанія, отданныя адмираломъ еще съ вечера и видоизмѣ-

*

нявшія его первоначальныя распоряженія, еще не успѣли дойти по назначенію, и изъ частныхъ начальниковъ никто (ни графъ Ланжеронъ, ни Чаплицъ) не рѣшились принять на себя отвѣтственность и сами измѣнить ихъ такъ, какъ должно.

* * *

Тѣмъ временемъ, на противоположномъ берегу, у нашихъ противниковъ шла дѣятельная и напряженная работа.

Прибывшіе 13 ноября въ деревню Студенку Мюратъ, Удино, Эбле и Шасслу, послѣ краткаго совѣщанія, рѣшили приступить къ постройкѣ трехъ мостовъ на козлахъ, возложивъ подготовку для одного моста на инженеровъ, а для двухъ остальныхъ—на понтонеровъ.

Собственно говоря, заготовка козель для мостовъ началась еще раньше, по распоряженію Удино; но они были построены, по ошибкѣ исполнителя этой работы, изъ такого тонкаго лѣса, что пришлось начать дѣло сызнова.

Работы начались съ наступленіемъ темноты, 13-го вечеромъ. Прежде всего разобрали нѣсколько домовъ въ деревнѣ и этимъ матеріаломъ воспользовались, какъ для сооруженія козель, такъ и для изготовленія мостовой настилки; одновременно вязались фашины для того, чтобы улучшить подступы къ мостамъ на болотистомъ берегу. За неимѣніемъ лодокъ построено было три плота, изъ коихъ каждый могъ поднять не свыше десяти человекъ.

Работы шли такъ успѣшно, что уже къ утру можно было приступить къ наводкѣ мостовъ, но не трехъ, а только двухъ, ибо матеріала не хватило.

Передъ разсвѣтомъ 14 ноября Наполеонъ верхомъ выѣхалъ изъ Старога Борисова въ Студенку; по прибытіи онъ сдѣлалъ послѣднія распоряженія для начатія переправы.

Въ эту минуту общее положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

На правомъ берегу Березины противъ Студенки находился только слабый отрядъ Корнилова.

Чаплицъ былъ уже на полу-дорогѣ къ Борисовскому предмостному укрѣпленію, гдѣ по прежнему находился отрядъ Ланжерона.

**Генераль - лейтенантъ
Князь П. Я. Корниловъ.**

Главные силы Чичагова находились южнѣ мѣста переправы въ двухъ переходахъ, а отрядъ Орурка — въ трехъ.

Такимъ образомъ изъ 30 тысячъ Чичагова къ Студенкѣ могли быть, при полномъ напряженіи силъ, сосредоточены къ вечеру того же дня — около 10 тысячъ (Чаплиць и Ланжеронъ); на другой день — около 25 тысячъ (Чичаговъ) и всѣ силы — только на третій день.

Графъ Витгенштейнъ занялъ Бараны, имѣя свои передовыя части въ Янчинѣ и Костицѣ; слѣдовательно, могъ въ два перехода прибыть къ Студенкѣ.

Армія Кутузова значительно отстала. Главныя ея силы все еще были у Копыся; авангардъ Милорадовича прибылъ въ Толочинь, и только Платовъ и Ермоловъ значительно приблизились къ французскому арьергарду. Первый находился у Слободки, близъ Крупокъ, а второй имѣлъ передовыя войска передъ Бобромъ.

Интересно, что Платовъ, узнавъ 13 ноября о занятіи Чичаговымъ Борисова и о движеніи Витгенштейна къ Баранамъ, сдѣлалъ (въ письмѣ Витгенштейну) выводъ, что французы должны повернуть на Бобруйскъ. Поэтому онъ рѣшилъ свернуть южнѣ большой дороги, что и привелъ въ исполненіе въ ночь съ 13 на 14 ноября. Но обширныя лѣса и трудность движенія по проселочнымъ дорогамъ заставили его отказаться отъ этого намѣренія, и онъ снова вышелъ на большую дорогу.

Что касается до французской арміи, то она была растянута на весьма значительномъ протяженіи.

Только гвардія и корпусъ Удино находились у Студенки. Остальныя войска въ томъ числѣ и прибывшій уже къ Лошницѣ корпусъ Виктора, были эшелонированы отъ Борисова почти до Крупокъ, т. е. могли окончателно сосредоточиться къ мѣсту переправы не ранѣе *вечера 15 ноября*.

Обстоятельство это было для насъ благопріятнымъ, такъ какъ являлась надежда, что если у насъ во-время раскроются глаза, то соединенными силами Чичагова и Витгенштейна могутъ быть задержаны на переправѣ хотя бы хвостовыя части французской арміи.

Заслуживаетъ упоминанія то ужасное впечатлѣніе, которое произведено было на войска корпусовъ Удино и Виктора бѣдственнымъ видомъ своихъ товарищей, шедшихъ изъ Москвы.

„Никто изъ нихъ не воображалъ (пишетъ генераль М. Богдано-
 „вичъ), чтобы, вмѣсто грозныхъ легионовъ, завоевавшихъ Москву,
 „усвоившихъ побѣду въ теченіе столь многихъ лѣтъ, явились
 „жалкія тѣни, едва прикрытыя обрывками разнороднаго платья,
 „дамскихъ салоповъ, священническихъ ризъ, ковровъ и рогожъ,
 „съ усиліемъ тащившія ноги, обернутыя кожею, полотномъ и
 „войлокомъ. Ихъ блѣдныя, исхудалыя лица, обросшія всклокочен-
 „ными волосами и бородою, выражали всѣ перенесенныя ими
 „лишенія; многіе офицеры и даже генералы шли наравнѣ съ
 „безоружными солдатами, которые не обращали на нихъ внима-
 „нія; исчезла дисциплина: и начальники, и подчиненные, были
 „равно подавлены бѣдствіями. Небольшія команды, остатки преж-
 „нихъ корпусовъ и дивизій, составляли всю армію. Никто изъ
 „солдатъ Удино и Виктора не хотѣлъ вѣрить тому, что видѣлъ
 „собственными глазами. Порядокъ, господствовавшій въ этихъ
 „войскахъ, разстроился въ первый же день ихъ соединенія съ
 „остатками большой арміи“.

Стукнувшій въ ночь съ 13 на 14 ноября сильный морозъ сковалъ
 ледянымъ покровомъ болота, примыкавшія къ рѣкѣ Березинѣ.
 Но быстротечная рѣка не успѣла замерзнуть, а была лишь покрыта
 пловучими льдинами, сильно затруднявшими наводку мостовъ.

Приступая къ форсированію рѣки, Наполеонъ располагалъ
 въ рѣшительномъ пунктѣ переправы гвардіей, корпусомъ Удино и
 остатками дивизіи Домбровскаго, всего около 14 тысячъ. Со стороны
 Чичагова былъ только Корниловъ, котораго въ первый день,
 какъ уже сказано, могли поддержать лишь Чаплицъ и частью
 Ланжеронъ; даже съ прибытіемъ всѣхъ этихъ войскъ двойное
 превосходство въ силахъ было обезпечено.

Такимъ образомъ на 14 ноября положеніе дѣлъ сложилось
 для французовъ довольно счастливо. Оно могло сильно ухуд-
 шиться только на слѣдующій день, когда одновременно могли
 навалиться на нихъ — на правомъ берегу рѣки Чичаговъ, а на лѣ-
 вомъ — графъ Витгенштейнъ, силы которыхъ, cadaго въ отдѣль-
 ности, почти что не уступали числительности всей французской
 арміи въ ея совокупности.

Но, надобно помнить, что въ глазахъ Наполеона положеніе
 вещей представлялось въ значительно болѣе тревожномъ видѣ, ибо
 многія дѣйствительныя обстоятельства ему не могли быть извѣстны.

Ночной привалъ · великой арміи.

Съ марши В. В. Верещагина.

Такъ, онъ ничего не зналъ о мѣстѣ нахождения и направленіи движенія арміи Кутузова; онъ ожидалъ появленія Витгенштейна съ сѣвера съ часу на часъ, наконецъ — находился въ невѣдѣніи относительно того, какія именно силы находятся на противоположномъ берегу рѣки. Количество бивачныхъ костровъ (предусмотрительно оставленныхъ Чаплицомъ у Брили) было довольно значительно, и съ увѣренностью сказать, какое именно количество войскъ Чичагова ушло на югъ и дѣйствительно ли замѣченное 13-го передвиженіе значило, что онъ вдался въ обманъ, — было очень трудно.

Но наступилъ разсвѣтъ — и тогда оказалось, что высоты у деревни Брили, прежде занятыя русскими войсками, теперь очищены, и на берегу замѣтны только одни казачьи посты.

Наполеонъ приказалъ приступить къ одновременной наводкѣ только двухъ мостовъ, въ разстояніи около ста саженой одинъ отъ другого. Мѣсто для одного изъ нихъ было выбрано нѣсколько выше Студенки, и онъ предназначенъ былъ для пѣхоты и кавалеріи. Другой мостъ, долженствовавшій служить для переправы артиллеріи и всѣхъ тяжестей, былъ начатъ постройкою противъ середины деревни, и для него подготовленъ былъ болѣе прочный и крупный лѣсъ.

Ледоходъ не позволялъ прибѣгнуть къ наводкѣ мостовъ на пловучихъ устояхъ, что было бы, разумѣется, и быстрѣе и легче. Мосты на козлахъ, по самой своей конструкціи, весьма непрочны, а быстрое теченіе и ледоходъ приводили къ тому, что они часто портились, что крайне затрудняло и замедляло переправу.

Для обезпеченія переправы гвардейская артиллерія была расположена на позиціи на высотахъ у деревни Студенки.

Работы французовъ съ нашего берега были ясно обнаружены, какъ только разсвѣло. Усиленное движеніе командъ, начавшихъ подноску и подвозъ къ рѣкѣ лѣса, хвороста и соломы, а также присутствіе большой свиты, неопровержимо указывали на то, что здѣсь будетъ немедленно приступлено къ устройству переправы.

Непосредственно препятствовать послѣдней съ праваго берега Березины въ этомъ мѣстѣ было очень трудно. Берегъ былъ совершенно низменный и болотистый. Бывшія въ отрядѣ Корнилова легкія орудія не могли успѣшно обстрѣливать противоположнаго

берега; поэтому онъ рѣшилъ ограничиться пораженіемъ самого моста, какъ только работы будутъ доведены до половины рѣки. Съ этою цѣлью была выбрана позиція на окраинѣ лѣса, близко подходящаго къ рѣкѣ какъ разъ противъ Студенки. Но стоило нашимъ артиллеристамъ дать первый пристрѣлочный выстрѣлъ, какъ они буквально были задавлены огнемъ сорокапушечной французской батареи и поспѣшили скорѣе убрать свои орудія назадъ, въ Стаховскій лѣсъ.

Вслѣдъ затѣмъ отъ казачьихъ полковъ, находившихся противъ Веселова и Тростяницы, прискакалъ офицеръ съ донесеніемъ, что французская конница въ значительномъ количествѣ переходитъ въ бродъ у Веселова и казаки отступаютъ; вскорѣ послышалась съ той стороны ружейная перестрѣлка, и стали доноситься крики французовъ.

Дѣло въ томъ, что для прикрытія постройки мостовъ Наполеонъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Онъ приказалъ кавалерійской бригадѣ Корбино перейти черезъ рѣку въ бродъ у Веселова, при чемъ первому эскадрону этой бригады взять на крупы лошадей по вольтижеру *).

Въ то же время егеря дивизіи Домбровскаго начали переплывать рѣку при помощи сооруженныхъ за ночь плотовъ. Такимъ путемъ перевезено около 400 егерей.

Изъ показаній захваченнаго только что переправившимися кавалеристами унтеръ-офицера Наполеонъ узналъ, что противъ Студенки находится лишь незначительный русскій отрядъ, а Чичаговъ ушелъ южнѣе Борисова. Важно было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и какъ можно быстрѣе переправить на тотъ берегъ столько силъ, чтобы, во-первыхъ, закрѣпиться тамъ, а во-вторыхъ, предупредить сосредоточеніе силъ Чичагова къ угрожаемому пункту.

Личное присутствіе императора дѣйствовало, какъ всегда, волшебнымъ образомъ, и работы по устройству мостовъ шли съ необычайною энергіей, несмотря на всѣ трудности, возникавшія непредвидѣнно. Такъ, вслѣдствіе прибыли воды, покрывшей часть береговъ, ширина рѣки увеличилась и достигла въ мѣстѣ устрой-

*) Вольтижерскіе полины въ арміи Наполеона спеціально наполнялись людьми малаго роста.

ства мостовъ 46 саженой, а глубина возросла до *шести* футовъ. Морозъ, стянувъ болота, хотя и сдѣлалъ берега нѣсколько болѣе доступными, но зато стужа была жестокимъ испытаніемъ для французскихъ понтонеровъ.

Съ поразительнымъ самоотверженіемъ работали они по поясъ въ ледяной водѣ, среди полного ледохода. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи жизнью своею заплатили за столь доблестное исполненіе своего долга въ цѣляхъ спасенія арміи... Изнемогавшіе немедленно замѣнялись другими, и работа продолжалась безостановочно, не прекращаясь ни на секунду...

Французскій военный писатель Шамбрэ, авторъ одного изъ лучшихъ сочиненій по исторіи войны 1812 года и личный очевидецъ событій, справедливо говоритъ, что „подвигъ французскихъ „пontonеровъ будетъ жить до тѣхъ поръ, пока только сохранится „память о переправѣ черезъ Березину“.

Чтобы какъ можно скорѣе произвести переправу *войскъ*, всѣ усилія были направлены на то, чтобы прежде всего закончить верхній мостъ, и къ часу пополудни онъ былъ готовъ.

Наполеонъ приказалъ Удино немедленно начать переправу войскамъ II корпуса, остаткамъ дивизіи Домбровскаго и кирасирской дивизіи Думерка, всего общимъ числомъ до 5.600 человекъ пѣхоты и 1.400 конницы. Ставъ у въѣзда на мостъ, императоръ пропустилъ ихъ мимо себя, и они привѣтствовали его громкими, восторженными кликами.

Съ большими предосторожностями (такъ какъ мостъ былъ для того недостаточно широкъ и проченъ) удалось перевезти на ту сторону два орудія съ зарядными фурами и нѣсколько патронныхъ ящиковъ.

Въ четыре часа дня оконченъ былъ также и нижній мостъ, черезъ который начала переходить сперва артиллерія корпуса Удино, а затѣмъ — гвардейская.

Однако, на томъ берегу дальнѣйшее движеніе орудій, на болотистомъ пространствѣ праваго берега, встрѣтило крупныя затрудненія: вязкая почва отъ большого числа артиллерійскихъ грузныхъ повозокъ скоро размягчилась, и орудія начали вязнуть по ступицу.

Тотчасъ же по совершеіи переправы, Удино развернулся фронтомъ на югъ и началъ тѣснить Корнилова. Одновременно съ этимъ, отдѣльный небольшой отрядъ былъ высланъ къ Зембину, чтобы обезпечить за французами рядъ длинныхъ гатей и мостовъ, сопровождавшихъ теченіе рѣки Гайны.

Эта предусмотрительность Удино, въ противоположность безопасности Чаплица и самого Чичагова (который могъ дать Чаплицу соответствующую инструкцію), оказалась чрезвычайно важной и прямо таки спасительной для французовъ.

Какъ только Корниловъ получилъ первое донесеніе о появленіи французовъ на правомъ берегу Березины, онъ занялъ позицію въ Стаховскомъ лѣсу, начинавшемся нѣсколько южнѣе деревни Брили, по обѣ стороны дороги, ведущей къ Борисову.

Четыре его орудія были поставлены на самой дорогѣ, а егеря разсыпаны по бокамъ ихъ.

Французскіе вольтижеры, рассыпавшись густою цѣпью по лѣсу, стали тѣснить егерей; въ то же время позиція Корнилова подвергалась продольному обстрѣливанію съ лѣваго берега.

Видя невозможность удерживаться при такихъ условіяхъ, когда въ особенности количество войскъ противника нарастало ежеминутно, Корниловъ вынужденъ былъ отходить къ Стахову.

На половинѣ разстоянія между Брили и Стаховымъ онъ былъ поддержанъ Чаплицемъ, который, при первомъ извѣстіи о переправѣ французовъ, поспѣшилъ повернуть обратно.

Однако, ему удалось лишь принять на себя отступавшій отрядъ Корнилова и, занявъ снова опушку Стаховскаго лѣса, продержаться здѣсь до ночи.

Благодаря этому, переправа могла продолжаться безостановочно. Однако, Наполеонъ, послѣ перехода на ту сторону корпуса Удино, прекратилъ дальнѣйшій переходъ войскъ на правый берегъ, и только артиллерія по нижнему мосту двигалась по прежнему безостановочно.

Дѣло въ томъ, что Наполеонъ опасался появленія Витгенштейна и не хотѣлъ оставлять переправу на лѣвомъ берегу безъ прикрытія; поэтому гвардія была имъ задержана на этомъ берегу, и самъ онъ остался здѣсь.

* * *

Утро 14 ноября застало Чичагова въ полномъ невѣдѣніи относительно намѣреній противника.

Хотя, какъ мы видѣли, извѣщеніе Витгенштейна и свѣдѣнія, полученныя отъ Минскаго коменданта, уже вызвали распоряженіе о сохраненіи на сѣверномъ участкѣ обороны прежняго расположенія и рѣшеніе остановиться самому у Забашевичей, но въ теченіе ночи пришло отъ Кутузова предписаніе, снова привлекавшее вниманіе адмирала къ Нижней Березинѣ.

Правда, фельдмаршалъ, по отдаленности мѣста своего пребыванія отъ того раіона, гдѣ назрѣвала чуть ли не развязка всей кампаніи, не отдавалъ никакихъ опредѣленныхъ распоряженій; но онъ, все-таки, дѣлалъ предположеніе, что Наполеонъ, если ему нельзя будетъ пробиться къ Минску черезъ Борисовъ, станетъ пытаться пройти туда южнѣе, черезъ Погостъ и Игумень.

Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузовъ увѣдомлялъ адмирала, о мѣстонахожденіи своемъ съ главными силами своей арміи, при чемъ оказывалось, что она значительно отстала, то Чичагову дѣлалось яснымъ, что *если Наполеонъ вздумаетъ уклониться на югъ, то тамъ ему помѣшать будетъ некому...*

Правда, тотчасъ по полученіи этого предписанія адмиралъ не внесъ никакихъ измѣненій или поправокъ въ свое послѣднее рѣшеніе; но *впечатленіе* въ указанномъ смыслѣ на него было произведено, и потому тяготѣніе къ Нижней Березинѣ въ немъ опять нѣсколько усилилось.

Рано утромъ 14-го числа Чичаговъ прежде всего получилъ донесеніе отъ казачьихъ постовъ у Ухолодъ, что непріятель тамъ усилился и что онъ, будто бы, приступаетъ къ наводкѣ моста. Чичаговъ двинулъ туда генерала Рудзевича, съ двумя егерскими полками, Александрійскими гусарами и батареей, а самъ изготавился идти на поддержку; но пришло отъ Ухолодъ новое донесеніе, изъ котораго явствовало, что работы здѣсь — не что иное какъ демонстрація.

Перебравшіеся на тотъ берегъ казаки даже не нашли въ Ухолодахъ непріятеля и узнали, что онъ потянулся къ Борисову.

Однако Чичаговъ все-таки не притянулъ къ себѣ обратно отряда Рудзевича, а только самъ съ главными силами остался неподвижнымъ.

Наконецъ, пришло донесеніе Ланжерона, отправленное имъ изъ предмостнаго укрѣпленія въ десятомъ часу утра, которое окончательно раскрывало глаза на то, гдѣ истинная опасность...

Ланжеронъ доносилъ, что число непріятельскихъ войскъ въ Борисовѣ значительно усилилось, при чемъ черезъ городъ все время проходятъ значительныя колонны съ артиллеріей и обозами, направляющіяся къ сѣверу. Обстоятельство это, замѣченное съ разсвѣтомъ, а также показанія дезертировъ, приводили Ланжерона къ заключенію, „что всѣ силы непріятельскія хотятъ переправиться черезъ рѣку Березину выше Борисова верстъ 20 или „30 и идти на Плещеницы черезъ Вилейку до Вильны“. Это подтверждалось и доносящейся до Борисова съ сѣвера артиллерійской канонадой.

Наконецъ, всѣ сомнѣнія и колебанія рушились, и Чичагову слѣдовало тотчасъ же принять самыя быстрыя и рѣшительныя мѣры, чтобы стянуть всѣ силы къ лѣвому флангу своего расположенія.

Онъ такъ и поступилъ. Ланжерону было послано приказаніе, если французы переправляются въ районѣ расположенія Чаплица, идти тотчасъ же къ нему на подкрѣпленіе, оставивъ въ тетъ-де-понѣ не болѣе одного батальона съ артиллеріей. Рудзевичъ долженъ былъ успѣшно слѣдовать къ тетъ-де-пону, а въ случаѣ выступленія оттуда Ланжерона, продолжать движеніе вверхъ по рѣкѣ.

Такое же приказаніе — идти къ Борисовскому предмостному укрѣпленію — дано было и графу Орурку, которому было указано оставить у Нижняго Березина только батальонъ съ двумя орудіями.

Самъ Чичаговъ немедленно выступилъ съ остальными своими силами изъ Забашевичъ въ сѣверномъ направленіи.

Но въ этотъ день, т. е. 14-го числа, онъ едва ли могъ рассчитывать пройти болѣе, чѣмъ до тетъ-де-пона, и то это требовало большого напряженія силъ.

Войска, бывшія подъ непосредственнымъ начальствомъ адмирала, только что закончили накануне въ обратномъ направленіи этотъ же самый тяжелый тридцативерстный переходъ, по крайне труднопроходимой дорогѣ, на которой движеніе могло производиться только весьма медленно, а обозы и артиллерія задерживались на каждомъ шагу, тормозя движеніе колонны.

Такимъ же порядкомъ и съ тѣми же трудностями совершилъ Чичаговъ обратный путь отъ Забашевичей; но, по причинѣ поздняго выступленія и тяжелой дороги только голова его колонны успѣла къ ночи подойти къ тетъ-де-пону.

Еще менѣе благоприятнымъ было положеніе отряда Орурка. Онъ находился еще дальше, а потому еще позднѣе получилъ приказаніе о выступленіи.

Въ результатъ, 14 ноября войска Чаплица были поддержаны только двумя полками, посланными Ланжерономъ.

Послѣдній не рѣшился въ точности выполнить даннаго ему Чичаговымъ приказанія; его смущало значительное скопленіе непріятельскихъ войскъ въ Борисовѣ. Только къ вечеру 14-го, когда уже дѣло у Брили было окончено, къ Чаплицу начали подходить подкрѣпленія, и съ ними пріѣхалъ самъ графъ Ланжеронъ.

Допросъ плѣнныхъ, взятыхъ во время боя, окончательно подтвердилъ несомнѣнность того, что къ Студенкѣ стягивается вся французская армія для переправы въ одномъ этомъ пунктѣ.

* * *

Посмотримъ теперь, что происходило за это время на лѣвомъ берегу Березины, съвернѣе большой дороги, т. е. у графа Витгенштейна.

Въ ночь на 14 ноября армія Витгенштейна, какъ извѣстно, сосредоточилась къ Баранамъ, имѣя авангардъ полковника Альбрехта въ Янчинѣ и Костицѣ, почти на половинѣ разстоянія между Баранами и Борисовымъ.

Выступая изъ Холопеничъ въ Бараны, Витгенштейнъ намѣренъ былъ 14 ноября перейти въ Костицу, откуда удобно ему было, въ зависимости отъ того, какъ опредѣлится движеніе французовъ, либо свернуть на Веселово, либо продолжать идти на Борисовъ.

Послѣднее онъ все-таки еще считалъ болѣе вѣроятнымъ, руководствуясь направлениемъ отступленія Виктора.

Полученныя имъ въ Баранахъ донесенія еще болѣе утвердили его въ этомъ ложномъ убѣжденіи.

Поздно вечеромъ полковникъ Альбрехтъ доставилъ ему свѣдѣнія, что французы находятся въ Борисовѣ и южныя послѣдняго, у дер. Ухолодь, гдѣ строятъ мосты черезъ рѣку.

Такимъ образомъ, демонстрація, устроенная Удино у Ухолодь, достигла своей цѣли, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Витгенштейну.

Вина въ значительной степени ложится на полковника Альбрехта, который составилъ свое донесеніе въ категорической формѣ, безъ указанія источника, и потому Витгенштейнъ — съ внутреннимъ убѣжденіемъ котораго это свѣдѣніе какъ разъ совпало — принялъ его безъ всякихъ колебаній за вполне достоверное и рѣшилъ: *идти прямо на Борисовъ и атаковать противника.*

Такое рѣшеніе тѣмъ болѣе являлось соблазнительнымъ, что Платовъ какъ разъ въ это время вошелъ съ Витгенштейномъ въ связь и сообщилъ ему о томъ, что, преслѣдуя хвостъ французской арміи, онъ рассчитываетъ 14-го числа быть уже въ Борисовѣ.

Утромъ 14-го числа Витгенштейнъ выслалъ сильную казачью партію Гордѣева къ сторонѣ Веселова; самъ съ главными силами двинулся изъ Баранъ въ Кострицу; передовой отрядъ Альбрехта былъ направленъ на Неманицу, что сближало его съ Платовымъ, съ которымъ ему и вѣрно было войти въ связь, а впереди Витгенштейна двинулся авангардъ Властова, который долженъ былъ дойти до Житкова.

Къ вечеру 14 ноября всѣ эти пункты были заняты соответствующими частями арміи Витгенштейна. Платовъ, отказавшійся какъ извѣстно, отъ параллельнаго преслѣдованія, снова вышелъ на большую дорогу и ночевалъ въ д. Начи. Ермоловъ и Милорадовичъ тоже приблизились: первый дошелъ до Крупокъ, второй прибылъ въ Малявку. Кутузовъ перешелъ черезъ Днѣпръ у Копыся и двинулся по направленію на село Круглое, куда прибылъ уже 17-го, по окончаніи переправы.

Таково было положеніе отдѣльныхъ частей нашихъ армій къ вечеру 14 ноября, когда передовой корпусъ непріятельскихъ войскъ уже утвердился на противоположномъ берегу Березины.

Слѣдующій день, 15 ноября, казалось бы, долженъ былъ быть съ обѣихъ сторонъ днемъ наиболѣе напряженной дѣятельности, такъ какъ въ этотъ день мы еще имѣли возможность успѣть сосредоточить къ пункту переправы превосходныя силы; французамъ же необходимо было дорожить каждою минутой, чтобы прежде этого нападенія перебросить на ту сторону рѣки все то, что составляло ихъ обузу, т. е. тяжести, обозы и безоружныхъ.

*Расположеніе французской арміи въ ночь съ 14 на 15 ноября.
Продолженіе переправы.*

Дѣйствія 15 ноября на правомъ берегу Березины.

*Свѣдѣнія, полученныя Витгенштейномъ въ Костриць. Дѣло
15 ноября при Старомъ Борисовѣ. Сдача дивизіи Партуно.*

ечеромъ 14-го числа французская армія уже владѣла общими берегами Березины.

На правомъ берегу, между д.д. Брили и Стаховымъ, бивакировалъ корпусъ Удино, усиленный дивизіей Домбровскаго, общимъ числомъ до 7 тысячъ человекъ.

Всѣ остальные войска еще оставались на лѣвомъ берегу рѣки. Гвардія около 6¹/₂ тысячъ, ночевала у самой Студенки. Войска, подчиненныя Нею (остатки корпусовъ II и V) — между Студенкою и Борисовымъ; двѣ дивизіи Виктора — въ самомъ Борисовѣ; третья дивизія того же корпуса и вице-король — у Неманицы; наконецъ — Даву, усиленный одной кавалерійской дивизіей корпуса Виктора — въ Лошницѣ.

Растянутое расположеніе войскъ Наполеона, вызванное его предшествующими распоряженіями, онъ сохранилъ — какъ ни было оно опасно — до тѣхъ поръ, пока корпусъ Удино не сталъ твердою ногою на противоположномъ берегу Березины. Это сдѣлано было для того, чтобы какъ можно болѣе отдалить отъ пункта переправы преслѣдующія передовыя войска Кутузова, за которыми могла быть недалеко и вся его армія.

Наоборотъ, какъ только можно было быть увѣреннымъ, что переправа закрѣплена, Наполеонъ тотчасъ же далъ приказаніе всѣмъ эшелонамъ какъ можно скорѣе сближаться между собою и ускорить движеніе къ мѣсту переправы.

Мы уже сказали, что послѣ перехода Удино на правый берегъ, Наполеонъ задержалъ дальнѣйшую переправу войскъ; только ночью съ 14 на 15 онъ перевелъ на ту сторону еще Нея, доведя такимъ образомъ численность находящихъ тамъ силъ до десяти тысячъ.

Переправа артиллеріи и обозовъ по нижнему мосту продолжалась непрерывно весь день и всю ночь, пріостанавливаясь только вслѣдствіе поврежденій моста, требовавшихъ починки.

Дѣло въ томъ, что тяжелыя повозки, двигаясь по неровной настлѣ моста, сдѣланной изъ накатника (тонкія бревна), производили сильныя сотрясенія. Эти толчки отражались на довольно-таки животрепещущихъ устояхъ моста, и козлы стали постепенно углубляться въ глинистое дно рѣки. Такъ какъ углубленіе это было неравномѣрное, то на мосту скоро образовались впадины и поверхность его стала волнообразной, наподобіе такъ называемыхъ „американскихъ горъ“.

Ясно, что при такихъ условіяхъ переправа грузныхъ повозокъ съ каждымъ разомъ производилась все труднѣе и труднѣе и, въ то же время, все больше и больше расшатывала мостъ, до тѣхъ поръ, пока, въ 8 часовъ вечера, не произошла первая поломка трехъ козелъ.

Пришлось совершенно пріостановить переправу и приступить къ починкѣ, которая потребовала трехъ часовъ времени. Въ 11 часовъ вечера сообщеніе между берегами возстановилось, но не надолго: въ 2 часа ночи поломались снова 3 козла и какъ разъ на самомъ глубокомъ мѣстѣ руслѣ

Только къ 6 часамъ вечера, послѣ труднѣйшей самоотверженной работы саперъ и понтонеръ, жертвовавшихъ беззавѣтно своею жизнью, мостъ былъ исправлень, и сообщеніе восстановлено.

Утромъ 15 ноября къ Студенкѣ прибылъ Викторъ съ двумя своими дивизіями, Дендельса и Жерара. За ними въ теченіе дня стянулись войска вице-короля и, наконецъ, Даву, а къ вечеру прихлынули огромныя толпы безоружныхъ и безчисленные обозы.

Въ часъ дня Наполеонъ переѣхалъ на правый берегъ и перенесъ свою главную квартиру въ деревушку Занивки (нынѣ не существующую).

За нимъ перешли гвардія и дивизія Дендельса, такъ что на лѣвомъ берегу остались у Студенки только дивизія Жерара съ двумя кавалерійскими бригадами, да остатки корпусовъ Даву и вице-короля; кромѣ того, въ качествѣ арьергарда, оставлена была въ Борисовѣ третья дивизія изъ корпуса Виктора, генерала Партуно, съ одной бригадой конницы.

Такимъ образомъ 15 ноября французы *спокойно продолжали переправу, никгмъ не тревожимые.*

Чѣмъ же это объясняется?

На правомъ берегу Чаплиць оставался отъ войскъ Удино въ разстояніи менѣе ружейнаго выстрѣла. Обѣ стороны провели цѣлый день въ готовности къ бою, но столкновенія такъ и не произошло.

Со стороны французовъ такое поведеніе вполне понятно: для Наполеона вся задача пока сводилась къ *выигрышу времени*, и каждый лишній часъ увеличивалъ его шансы на возможность выхода изъ опаснаго положенія. Къ ночи на 16-е французская армія могла вся сосредоточиться къ переправѣ, удержать которую на обоихъ берегахъ рѣки до тѣхъ поръ являлось вопросомъ жизни и смерти.

Что же касается Чичагова, то послѣдній рассчиталъ, что 15-го числа успѣетъ ввести въ бой на мѣстѣ переправы только войска Чаплица и Ланжерона, съ небольшою частью своихъ главныхъ силъ: остальные только подходили къ тетъ-де-пону, утомленные тяжелымъ переходомъ.

Будучи въ состояніи собрать, при этихъ условіяхъ, не болѣе двадцати тысячъ человекъ, Чичаговъ опасался наткнуться на пре-

*

восходныя силы и потому предпочель отложить атаку на одинъ день, чтобы успѣть стянуть всѣ свои войска и дать имъ нѣкоторый отдыхъ.

Силы французской арміи и ея истинное состояніе продолжали оставаться неизвѣстными Чичагову и, очевидно, преувеличивались имъ въ выгодную для противника сторону. Такое убѣжденіе могло лишь подтверждаться непосредственными наблюденіями надъ непріятельскимъ берегомъ, такъ какъ многочисленныя толпы отсталыхъ и безоружныхъ, двигавшіяся лѣвою стороною рѣки по направленію къ мостамъ и видимыя на открытыхъ мѣстахъ берега, казались сильными непріятельскими колоннами. Наблюденія эти сходились и съ показаніями плѣнныхъ, опредѣлявшихъ единогласно численность французской арміи до ста тысячъ человекъ, умалчивая о состояніи, въ которомъ она находилась...

Утромъ 15-го числа Чичаговъ объѣхалъ лично позицію, занятую Чаплищемъ, и пришелъ къ заключенію, что мѣстность не благоприятствуетъ дѣйствіямъ артиллеріи и конницы, составлявшихъ, между тѣмъ, значительную часть его арміи.

Чаплищъ предложилъ адмиралу, что онъ прикуетъ перестрѣлкой къ мѣсту находящаяся противъ него войска, покаместъ адмираль сосредочитъ отъ Борисова всѣ силы и перейдетъ съ ними въ рѣшительное наступленіе, что могло быть выполнено, по расчету времени, около двухъ часовъ дня.

Чаплищъ утверждалъ, что энергичная атака, въ случаѣ слабости непріятеля, сулила вѣрный успѣхъ; если же у противника окажутся превосходныя силы, то нетрудно будетъ избѣгнуть пораженія, укрывшись въ лѣсахъ и воспользовавшись близостью наступленія сумерокъ.

Но Чичаговъ не присоединился къ этому рѣшенію. Не имѣя никакихъ свѣдѣній о приближеніи Витгенштейна, или головныхъ частей Кутузова, онъ считалъ себя исключительно предоставленнымъ собственнымъ силамъ и находилъ ихъ слишкомъ недостаточными для того, чтобы рисковать. Преждевременная атака могла подвергнуть его пораженію, а это ужъ безусловно открывало Наполеону дорогу на Минскъ.

Правда, въ дѣйствительности соотношеніе силъ было иное, и Чичаговъ располагалъ даже перевѣсомъ, такъ какъ у Студенки

Генералъ-лейтенантъ
Е. И. Чаплицъ.

ему могли быть противопоставлены только десять тысяч Удино и Нея, которая, въ случаѣ крайности, могли быть съ того берега поддержаны частью гвардіи; но этого адмиралъ не зналъ.

Въ виду такихъ соображеній, Чичаговъ рѣшилъ окончательно держаться пока оборонительнаго образа дѣйствій и перейти въ наступленіе только въ томъ случаѣ, если французы продолжать отступленіе на Зембинь.

„Я хотѣлъ — писалъ самъ Чичаговъ въ своихъ запискахъ — „соединить всѣ мои войска для того, чтобы атаковать Наполеона при его отступленіи и сдѣлать ему какъ можно болѣе „вреда, или же защищать до послѣдней крайности дорогу на „Минскъ“.

Исходя изъ принятаго рѣшенія, адмиралъ подкрѣпилъ Чаплица только двумя полками пѣхоты и велѣлъ ему выдвинуть небольшой отрядъ къ дер. Ляховнѣ, для наблюденія за Зембинской дорогой и своевременнаго извѣщенія о начатіи французами отступленія.

* * *

Тѣмъ временемъ у Витгенштейна происходило вотъ что.

Какъ извѣстно, заночевавъ съ 14 на 15 ноября у Костицы, съ авангардомъ у Житкова, Витгенштейнъ на другой день намѣревался продолжать движеніе къ Борису, увѣренный, что переправа французовъ будетъ происходить южнѣ большой дороги.

Но уже по прибытіи въ Костицу дѣйствительное положеніе вещей выяснилось съ полною очевидностью.

Еще по дорогѣ показанія мѣстныхъ жителей и плѣнныхъ были такого сорта, что прежнее непоколебимое убѣжденіе Витгенштейна въ томъ, что переправа произойдетъ южнѣ Борисова, смѣнилось сомнѣніями. Да эти показанія подтверждались вполне доносившеюся съ утра, со стороны Веселова, артиллерійскою канонадой; а именно объ этомъ мѣстѣ и сообщали, какъ о пунктѣ постройки противникомъ мостовъ.

Ночью и утромъ 15-го числа поступили уже такія свѣдѣнія, послѣ которыхъ сомнѣваться болѣе не представлялось возможнымъ.

Высланный накануне съ казачьей партией къ Веселову есауль Гордѣевъ нашель эту деревню, а также деревни Кричинъ и Заболотье, занятыми непріятелемъ; онъ удостовѣрился и въ томъ, что у Студенки построены два моста и по нимъ начата переправа.

Начальникъ авангарда Властовъ собралъ свѣдѣнія, по которымъ французы были сосредоточены между Борисовымъ и Студенкой. Казачій разъѣздъ Золотарева слышалъ у послѣдней деревни крики людей и стукъ топоровъ...

Оказывалось, что французы повернули къ сѣверу и армія ихъ длинною кишкой вытянута была вдоль берега Березины, подставляя флангъ Витгенштейну.

Казалось бы, положеніе въ высшей степени благопріятствовало нанесенію послѣднимъ рѣшительнаго удара, который онъ имѣлъ возможность направить въ любую точку между Студенкой и Борисовымъ.

Разстояніе, отдѣлявшее Витгенштейна отъ этого участка, не превосходило одного перехода, и самое движеніе могло быть изъ Кострицы выполнено по одной изъ четырехъ слѣдующихъ дорогъ: 1) на Веселово, 2) на Бытчи, 3) на мызу Старый Борисовъ и 4) на гор. Борисовъ.

Направленіе на Веселово выводило прямо къ пункту переправы французской арміи, и, понятно, наступленіе по этому пути давало бы самые рѣшительные результаты. Такіе же результаты могъ дать выборъ пути на Бытчи, который былъ даже немного короче предыдущаго.

Движеніе на Старый Борисовъ, отстоявшій отъ Студенки на 8 верстъ, сильно отклоняло Витгенштейна отъ мѣста переправы и позволяло атаковать только задніе эшелоны арміи противника, еще не миновавшіе этотъ пунктъ.

Наконецъ, движеніе на Борисовъ приводило въ тылъ французской арміи, куда и безъ того направлялись уже Платовъ съ Ермоловымъ, а потому это направленіе совершенно лишало Витгенштейна главныхъ выгодъ его положенія на флангъ отступленія Наполеона.

Казалось бы, Витгенштейну непремѣнно слѣдовало избрать одно изъ первыхъ двухъ направленій, ибо только такимъ путемъ онъ могъ достигнуть крупныхъ послѣдствій и, главное, облегчить тяжелое положеніе Чичагова.

Даже если бы его постигла у Студенки неудача, все-таки это было бы выгодно, въ интересахъ общаго положенія дѣль, такъ какъ переправа французовъ была бы задержана и часть ихъ силъ отвлечена, благодаря чему Чичаговъ на томъ берегу рѣки могъ бы дѣйствовать болѣе увѣренно.

Однако, Витгенштейнъ отказался отъ движенія къ мѣсту переправы французовъ и пошелъ на мызу Старый Борисовъ.

Несомнѣнно, что въ выборѣ такого рѣшенія играло огромную роль опасеніе стать непосредственно лицомъ къ лицу съ самимъ Наполеономъ, безъ всякой надежды на поддержку Платова и Ермолова.

До сихъ поръ дѣйствія Витгенштейна въ Отечественную войну сопровождалъ почти неизмѣнный, хотя и не всегда полный успѣхъ.

Великое надо было имѣть гражданское мужество, чтобы, во имя конечнаго рѣшительнаго результата, поставить все это на карту и въ одиночку идти на самого прославленнаго полководца-побѣдителя, истинное состояніе войскъ котораго и ихъ боевая сила Витгенштейну, какъ и Чичагову, вѣрно извѣстны не были и, понятно, чуть не вдвое преувеличивались...

При такихъ условіяхъ крайне трудно казнить Витгенштейна за то, что онъ принялъ рѣшеніе, болѣе скромное по послѣдствіямъ, но зато и гораздо болѣе для него безопасное.

Желая въ то же время заручиться содѣйствіемъ головныхъ частей арміи Кутузова, Витгенштейнъ нѣсколько отсрочилъ время своего выступленія и, прося Милорадовича ускорить свое движеніе, увѣдомлялъ его, что 15-го атакуетъ однимъ авангардомъ, и только 16-го всѣми силами.

Нѣкоторые писатели (напримѣръ, Богдановичъ, Михайловскій, Данилевскій) объясняютъ выборъ Витгенштейномъ направленія на Старый Борисовъ непроходимостью дороги отъ Кострицы на Веселово. Указаніе на „неудобство“ этой дороги, дѣйствительно, имѣется и въ реляціи самого Витгенштейна. Однако, изъ сохранившихся донесеній Властова о результатахъ произведенныхъ по его распоряженію развѣдокъ явствуетъ совершенно обратное.

Генераль Клаузевиць (впослѣдствіи извѣстный авторъ военно-философскаго сочиненія „О войнѣ“), бывшій участникомъ войны 1812 года и состоявшій при главной квартирѣ Витгенштейна, въ такихъ выраженіяхъ объясняетъ, почему послѣдній не пошелъ къ мѣсту переправы французовъ:

„Причина, почему Витгенштейнъ двинулся къ Смоленской „дорогѣ, а не на Студенку, въ то время когда ему уже было „извѣстно, что противникъ переправляется у послѣдней, остается „неразъясненной. Безспорно она обусловливалась извѣстною „робостью, слишкомъ большимъ желаніемъ охранить свой корпусъ „отъ всякой потери, такъ какъ на пунктѣ переправы Витгенштейнъ „не могъ избѣжать участія въ бою при открытіи Бонапартомъ „себѣ дороги“.

Принявъ такое рѣшеніе, Витгенштейнъ сдѣлалъ 15 ноября слѣдующія распоряженія.

Пятитысячный авангардъ Властова долженъ былъ двинуться изъ Житкова на мызу Старый Борисовъ. Главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ Витгенштейна, должны были слѣдовать за авангардомъ, въ составѣ корпусовъ Штейнгеля и Берга; резервъ же Фока пока оставленъ въ Кострицѣ.

Присоединившіеся къ Витгенштейну партизанскій отрядъ Сеславина и казачій полкъ Чернозубова посланы были къ Борису, чтобы открыть связь съ Чичаговымъ.

Авангардъ Властова выступилъ только послѣ полудня изъ Житкова и прибылъ къ Старому Борису въ вечеръ.

Обнаруживъ близъ мызы движеніе непріятельскихъ колоннъ на Студенку, Властовъ, выйдя на опушку лѣса, неожиданно для французовъ, открылъ сильный артиллерійскій огонь по густымъ толпамъ непріятели.

Внезапное появленіе русскихъ тамъ, гдѣ никто о нихъ не думалъ и не ожидалъ, произвело среди французовъ страшную панику.

Бросивъ по дорогѣ орудія, зарядные ящики и повозки, часть ихъ кинулась бѣжать по направленію къ Студенкѣ, и тотчасъ же пустились за ними въ догонку наши гусары и казаки. Остальные французы бросились въ переполохѣ къ Борису.

Властовъ занялъ позицію фронтомъ къ Борису, преградивъ путь отступленія еще оставшимся въ городѣ войскамъ. Его пѣхота и артиллерія заняли высоты на сѣверномъ берегу оврага,

**Генералъ - лейтенантъ
Е. И. Властовъ.**

въ которомъ лежитъ мыза Старый Борисовъ. Прибывшій изъ главныхъ силъ самъ графъ Витгенштейнъ послалъ къ Борисову приведенный имъ Гродненскій гусарскій полкъ; вслѣдъ затѣмъ показала голова корпуса Штейнгеля.

Изъ словъ плѣнныхъ выяснилось, что въ Борисовѣ застряла еще цѣлая дивизія. Это была дивизія Партуно корпуса Виктора, какъ о томъ было ранѣе упомянуто.

Расположивъ корпусъ Штейнгеля лѣвѣе авангарда, а Берга оставивъ пока въ резервѣ, Витгенштейнъ послалъ въ Борисовъ переговорщика съ предложеніемъ сдачи.

Въ дивизіи Партуно, съ приданными къ ней двумя кавалерійскими полками, было около четырехъ тысячъ человекъ.

Онъ имѣлъ приказаніе 15-го числа удерживать городъ, наблюдая за передвиженіями Чичагова на противоположномъ берегу рѣки и прикрывая отступление арміи отъ Витгенштейна и Платова. Продолжать движеніе къ Студенкѣ ему разрѣшалось только по очищеніи Борисова многочисленными обозами и толпами отсталыхъ.

Но въ дополненіе къ этому приказанію пришло еще другое, согласно котораго Партуно долженъ былъ провести ночь въ Борисовѣ и выступить оттуда только 16-го утромъ.

Первоначально Партуно располагался частью силъ на Оршинской дорогѣ, держа остальные въ самомъ городѣ; но когда вечеромъ 15-го, послышалась оживленная перестрѣлка *съвернле города*, а затѣмъ — и пушечные выстрѣлы, Партуно уничтожилъ мостъ на рѣчкѣ Схѣ, по Смоленской дорогѣ, а всѣ свои силы перевелъ на сѣверную окраину Борисова.

Толпы бѣглецовъ вскорѣ удостовѣрили ему, что путь на Студенку прегражденъ русскими.

Партуно рѣшилъ пробиться оружіемъ и двинулся на Старый Борисовъ. Масса отсталыхъ и покинувшихъ ряды густою толпой окружала дивизію, разстраивала ея стройность, производила безпорядокъ при всякомъ намекѣ на опасность и стѣсняла ея движеніе, не говоря уже о дурномъ моральномъ впечатлѣніи.

Въ двухъ верстахъ отъ города дивизія встрѣтила нашу конницу, слѣдомъ за которой прибылъ нашъ парламентаръ, сообщившій Партуно, что онъ окруженъ превосходными силами и ему нѣтъ другого выхода, какъ положить оружіе.

Но Партуно оставилъ это предложеніе безъ отвѣта и продолжалъ наступленіе. Первоначальный его натискъ на нашу позицію у Старого Борисова даже былъ удаченъ: несмотря на жестокой огонь нашей артиллеріи, онъ, пользуясь наступившей уже темнотой, завладѣлъ самою мызой и стремительно атаковалъ нѣсколькими колоннами авангардъ Властова и правый флангъ корпуса Штейнгеля.

Подъемъ на крутыя высоты, картечь и ружейная пальба чуть не въ упоръ разстроили, но не остановили этой геройской атаки.

Несмотря на упорное, стойкое сопротивленіе нашихъ войскъ, дивизія Партуно настойчиво и самоотверженно продолжала пробиваться впередъ и даже на короткое время успѣла овладѣть нашею батареей, бывшей на правомъ флангѣ Властова.

Однако, такой успѣхъ не былъ и не могъ быть продолжителенъ. Властовъ, во главѣ Азовскаго пѣхотнаго и батальона 25-го егерскаго полка, произвелъ рѣшительную контръ-атаку и опрокинулъ на этомъ флангѣ французовъ. Въ центрѣ нашей позиціи Навагинскій полкъ и двѣ дружины ополченцевъ, Петербургская и Новгородская, приняли непріятеля въ штыки и отбросили далеко назадъ. Послѣ этого, всѣ вышеназванныя войсковыя части дружно атаковали мызу Старый Борисовъ, выбили изъ нея французовъ и заставили ихъ отходить къ Борисову.

Тѣмъ временемъ партизанъ Сеславинъ, приблизившійся къ городу со стороны Оршинской дороги, ворвался въ Борисовъ, захватилъ въ городѣ свыше трехъ тысячъ плѣнныхъ изъ числа отсталыхъ и вошелъ въ связь съ Чичаговымъ, пославъ на тотъ берегъ партію вплавь.

Вскорѣ подошли и передовыя части отряда Платова.

Хлынувшія въ страхѣ изъ Борисова толпы отсталыхъ сообщили Партуно о новой опасности, угрожавшей ему съ тыла.

Теперь, положеніе этой злосчастной дивизіи было, дѣйствительно, отчаянное. Войска Партуно были цѣлый день на ногахъ, и потомъ имъ пришлось, почти безъ всякаго отдыха, ввязаться въ упорный ночной бой. Во время атакъ части настолько разъединились и разбились, что первое время Партуно, бывший при одной изъ своихъ бригадъ, совершенно не зналъ, гдѣ остальные полки. Въ довершеніе бѣды, одинъ изъ офицеровъ, посланныхъ еще

раньше впередъ для развѣдки дороги на Веселово, былъ введенъ въ заблужденіе пожаромъ на берегу рѣки выше Старого Борисова и донесъ, что мосты у Студенки зажжены. Это ложное извѣстіе было подтверждено другимъ офицеромъ, посланнымъ для проверки перваго донесенія.

Однако, мужественный Партуно не такъ то скоро примирился съ мыслью о неизбѣжности сдачи.

Онъ рѣшилъ воспользоваться темнотою и сдѣлать послѣднюю попытку къ спасенію. Бригадамъ, находившимся на лѣвомъ флангѣ, т. е. ближе къ рѣкѣ, приказано было искать брода и стараться перейти на правый берегъ. Самъ Партуно, во главѣ третьей бригады, двинулся вправо, рассчитывая обойти незамѣтно преграждавшія ему путь войска и присоединить къ себѣ четвертую бригаду, которая во время боя отбилась именно въ эту сторону.

Вначалѣ, какъ будто, дѣло пошло на ладъ. Партуно присоединилъ къ себѣ нѣсколько ротъ, укрывавшихся въ лѣсу, и уже успѣлъ незамѣтно обойти флагъ нашей позиціи; но не имѣя проводника, онъ, въ незнакомой мѣстности, къ тому же поросшей лѣсомъ, сбился съ направленія и, проблуждавъ нѣсколько времени по лѣсамъ и болотамъ, оказался вблизи Борисова, гдѣ его раскрыли казаки. Полкъ Чернозубова, участвовавшій вмѣстѣ съ Сеславинымъ въ захватъ Борисова, окружилъ этихъ изнемогавшихъ отъ усталости, холода и голода 400 человекъ, такъ что Партуно, не видя другого выхода, самъ вступилъ въ переговоры и положилъ оружіе.

Та же участь постигла постепенно и другія бригады той же дивизіи. Вездѣ путь оказался прегражденнымъ превосходными силами русскихъ, такъ что другого исхода не было, какъ отступить къ Борисову, гдѣ, построившись въ каре на высотахъ сѣвернѣе города, онѣ и провели остатокъ ночи.

Переговорщику, посланному снова Витгенштейномъ, бригадные генералы сперва отказались сдаться; но, когда они узнали, что ихъ дивизионный начальникъ уже въ плѣну и что русскіе ихъ окружаютъ буквально со всѣхъ сторонъ, то не замедлили послѣдовать тому же примѣру.

Только одинъ батальонъ дивизіи Партуно, тотъ, который шель въ арьергардѣ, случайно избѣгъ плѣна и поздно ночью добрался до Студенки.

Батальонъ этотъ былъ оставленъ въ Борисовѣ для уничтоженія мостовъ черезъ рѣчку Сху, послѣ чего слѣдовалъ въ арьергардѣ. Пройдя черезъ городъ, онъ ошибочно взялъ не по той дорогѣ, которою слѣдовали главныя силы дивизіи, а уклонился влѣво, вышелъ къ самому берегу Березины, натолкнулся на хвостъ толпы отсталыхъ французовъ и благополучно прибылъ въ Студенку.

Всего у Борисова капитулировало: 4 генерала, до 3 тысячъ нижнихъ чиновъ, считая же съ отсталыми и безоружными — до 7 тысячъ.

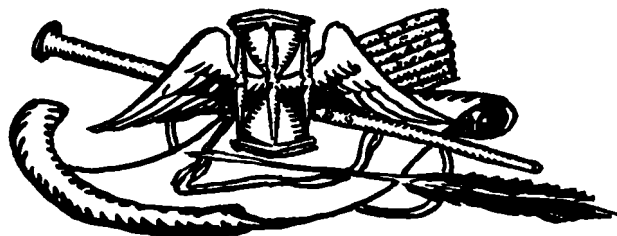
Кромѣ того взято 2 штандарта и 3 орудія; четвертое спаслось съ арьергарднымъ батальономъ.

Таковъ былъ единственный результатъ дѣйствій Витгенштейна за 15 ноября. Результатъ этотъ нельзя не признать сравнительно слабымъ.

Ослабленіе силъ Наполеона на одну, хотя и сравнительно свѣжую, дивизію въ то время, когда иное, болѣе рѣшительное направленіе арміи Витгенштейна, могло привести къ полному крушенію всей операціи Наполеона, а можетъ быть — и къ плѣненію его самого, — конечно, нельзя считать достаточнымъ исходомъ.

Но дѣло еще было поправимо. Хотя къ вечеру 15 ноября почти всѣ войска Наполеона и успѣли уже переправиться на тотъ берегъ, но онъ долженъ былъ продолжать удерживать за собою мосты для спасенія обозовъ, огромной массы безоружныхъ отсталыхъ, а также дивизіи Партуно, о плѣненіи которой онъ еще не зналъ.

При надлежащемъ между собою согласованіи дѣйствій Чичагова и Витгенштейна и соотвѣтственномъ направленіи ихъ совмѣстнаго удара на 16 ноября, можно было еще и въ этотъ день надѣяться достигнуть многого.

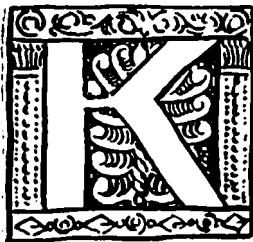

Рѣшеніе Наполеона удерживать переправу 16 ноября. Связь между русскими войсками обоих береговъ Березины.

Положеніе непріятеля 16-го числа. Бой на правомъ берегу между Стахозымъ и Брили. Бой у Студенки.

Оцѣнка дѣйствій 16 ноября.

акъ уже сказано выше, вечеромъ 15 ноября переправились на правый берегъ Березины остатки корпусовъ вице-короля и Даву. На лѣвомъ берегу оставлена только, для охраны еще не переправившихся обозовъ и отсталыхъ, одна дивизія корпуса Виктора съ двумя бригадами конницы.

Количество обозовъ „великой арміи“, какъ мы знаемъ, распоряженіями Наполеона, отданными въ Оршѣ, было сокращено до минимума. Но присоединившіеся къ ней корпуса Удино и Виктора привели съ собою огромное количество обозовъ, и потому послѣднихъ образовалось весьма много.

Что же касается безоружныхъ и отсталыхъ, то послѣдніе начали прибывать въ значительномъ числѣ только послѣ полу-

дня 15-го, ибо, пока продолжалась переправа войсковых частей, доступъ имъ къ мостамъ, вслѣдствіе строжайшаго приказа Наполеона, былъ категорически воспрещенъ.

Когда же наступила ночь и переходъ черезъ мосты былъ разрѣшенъ повозкамъ и одиночнымъ людямъ, то этимъ разрѣшеніемъ воспользовались немногіе. А между тѣмъ заблаговременная переправа этихъ людей на правый берегъ избавила бы ихъ отъ грядущихъ несчастій.

Вмѣсто этого, беззаботная, разнузданная толпа, совершенно утратившая всякіе признаки дисциплины, спокойно расположилась на ночлегъ у бивачныхъ огней, предпочитая отложить переправу на завтра, вмѣсто того, чтобы беспокоить себя ночью.

Наполеонъ рѣшилъ удерживать за собою переправу въ теченіе всего дня 16 ноября. Къ этому побуждало его не одно желаніе спасти безоружныхъ и обозы: онъ заботился главнымъ образомъ о дивизіи Партуно, участь которой въ точности не была ему извѣстна.

За это рѣшеніе часто упрекаютъ Наполеона многіе военные писатели, считая, что не стоило рисковать боемъ, несомнѣнно сопряженнымъ съ большими потерями и, слѣдовательно, приводившимъ къ ослабленію остатковъ арміи, для спасенія беспорядочной толпы, польза которой, какъ военной силы, даже въ далекомъ будущемъ представлялась весьма сомнительной.

Но въ томъ то и дѣло, что Наполеонъ не могъ принимать такое рѣшеніе только для означенной цѣли. Сохраненіе за собою мостовъ въ теченіе одного лишняго дня давало бы возможность спасти лишь незначительную часть отсталыхъ и обозовъ: Эбле рассчиталъ и доложилъ Наполеону, что для переправы на тотъ берегъ *всѣхъ* тяжестей и безоружныхъ недостаточно будетъ даже *шести дней*.

Ясное дѣло, что Наполеонъ, для котораго каждый лишній вооруженный солдатъ цѣнился теперь почти что на вѣсь золота, заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы не жертвовать дивизіей Партуно. Вѣсть о ея капитуляціи еще не дошла до французской арміи, хотя прибытіе одного только батальона заставляло подозрѣвать что то неладное...

Принимая вышеуказанное рѣшеніе, Наполеонъ предвидѣлъ, что ему придется принять бой одновременно на томъ и другомъ

берегу рѣки Березины, почему, чтобы усилить Виктора на лѣвомъ берегу рѣки, передъ разсвѣтомъ перевелъ ему обратно вторую его дивизию (Дендельса).

* * *

Къ вечеру 15 ноября установлена была, наконецъ, непосредственная связь между арміей Чичагова и передовыми войсками Витгенштейна и Платова.

Очищеніе Борисова дивизіей Партуно не прошло для Чичагова незамѣченнымъ. Какъ только со стороны Борисова послышалась пальба и вдоль рѣки обнаружено было движеніе непріятельскихъ колоннъ къ сѣверу, — тотчасъ же Чичаговъ приказалъ одному полку пѣхоты перебраться по сторонамъ моста на тотъ берегъ и занять городъ.

Почти одновременно съ противоположной стороны въ Борисовъ проникъ партизанъ Сеславинъ, а вслѣдъ за нимъ подошли и казаки Платова.

Сеславинъ отъ имени Витгенштейна явился къ Чичагову, чтобы получить отъ адмирала свѣдѣнія о намѣреніяхъ его на 16 ноября, съ которыми Витгенштейнъ предполагалъ согласовать въ этотъ день свои дѣйствія.

Армія Чичагова успѣла сосредоточиться окончательно къ предмостному укрѣпленію, кромѣ отряда Орурка, ночевавшего съ 15-го на 16-е въ Ушкевичахъ.

Извѣстіе о прибытіи Витгенштейна и передовыхъ войскъ Платова развязывало руки Чичагову, такъ какъ онъ могъ быть увѣренъ въ ихъ содѣйствіи.

Поэтому Чичаговъ рѣшилъ атаковать всѣми силами тѣ войска непріятеля, которыя находились противъ Чаплица.

О своемъ рѣшеніи Чичаговъ увѣдомилъ Витгенштейна, назначивъ начало атаки въ 9 часовъ утра. Адмиралъ просилъ его атаковать одновременно и на лѣвомъ берегу, а также усилить наши войска праваго берега двумя дивизіями, переправивъ ихъ у Борисова, гдѣ возстановляли мостъ.

Кромѣ того Чичаговъ предложилъ Платову присоединиться къ нему и отправилъ особаго адъютанта къ Ермолову навстрѣчу, приглашая его спѣшить какъ можно скорѣе къ Борисову.

Такимъ образомъ, Чичагова съ полнымъ основаніемъ можно считать свободнымъ отъ упрековъ въ непринятіи мѣръ къ согласованію между собою дѣйствій сосредоточившихся войсковыхъ группъ. Заслуживаетъ также вниманія заботливость адмирала относительно усиленія нашихъ войскъ на правомъ берегу Березины, чтобы обезпечить здѣсь перевѣсъ въ силахъ надъ Наполеономъ, уже переправившимъ большую часть своихъ войскъ.

* * *

Утро 16 ноября застало французовъ въ слѣдующемъ положеніи.

На правомъ берегу Березины, противъ Чаплица, между Брили и Стаховымъ, развернуто было *десять тысячъ*, составленныхъ изъ:

- а) остатковъ II корпуса Удино;
- б) остатковъ III и V корпусовъ (т. е. Нея и Понятовскаго);
- в) дивизіи Домбровскаго и
- г) дивизіи Клапареда (молодой гвардіи).

На лѣвомъ берегу былъ Викторъ, т. е. оставшіяся у него двѣ дивизіи, числомъ въ *семь тысячъ*.

Резервомъ обѣихъ группъ служила гвардія, *шесть съ половиною тысячъ*, у д. Занивокъ; на правомъ же берегу, у мостовъ, оставались остатки корпусовъ Даву, вице-короля и Жюно, — всего *два съ половиною тысячи*.

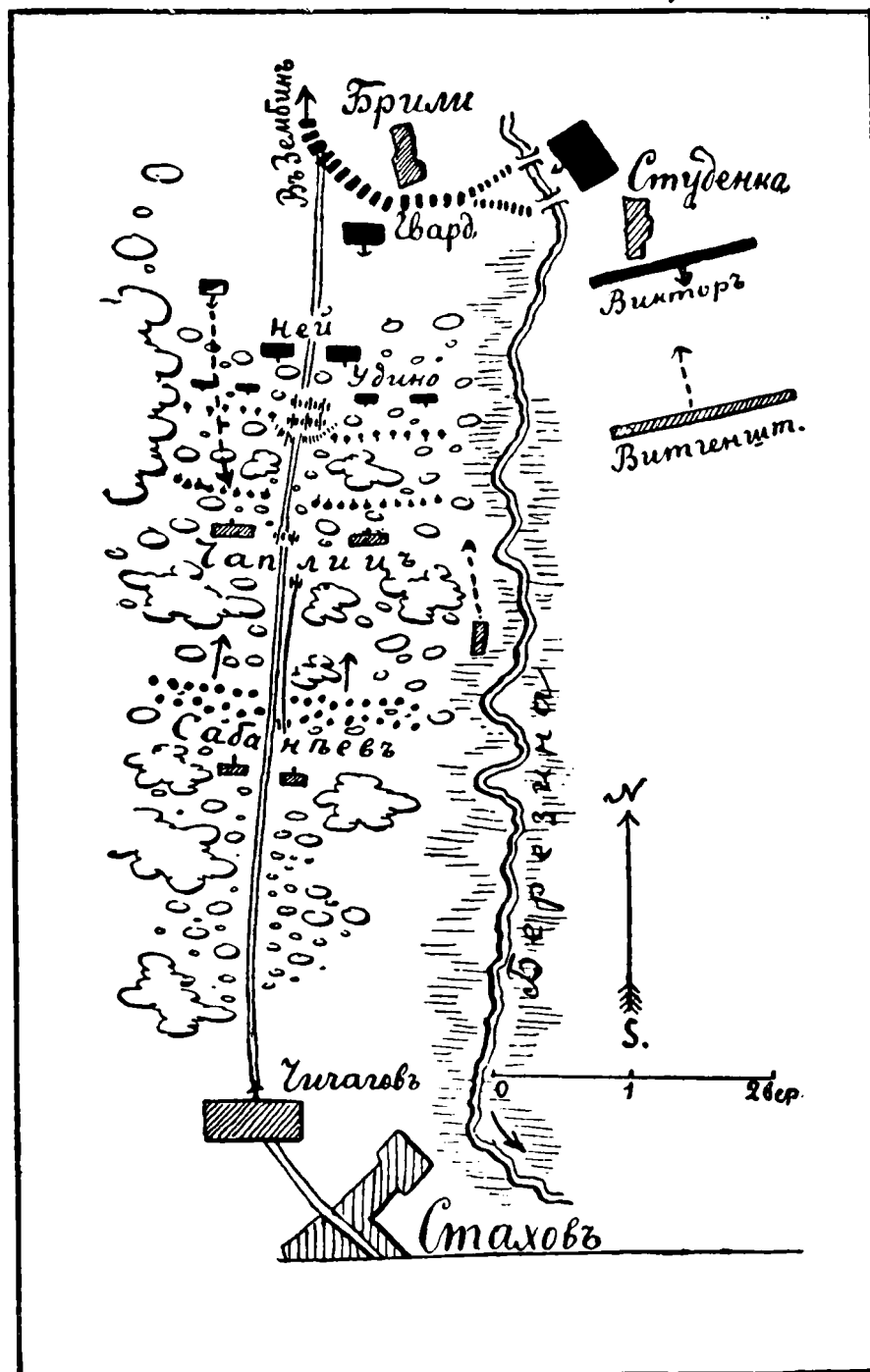
Всего—до *двадцати шести тысячъ*.

Поле сраженія 16 ноября на правомъ берегу представляло собою слегка волнистую, почти совершенно ровную мѣстность, покрытую лѣсомъ, черезъ который пролежала дорога изъ Борисова въ Зембинь. Лѣсъ этотъ былъ довольно рѣдкій, прорѣзанный прогалинами, и лишь мѣстами сгущался на отдѣльныхъ участкахъ.

При такихъ условіяхъ дѣйствія конницы были до-нельзя стѣснены, а артиллеріей можно было дѣйствовать только вдоль дороги, при чемъ одновременно могло стрѣлять лишь небольшое число орудій.

Такія свойства мѣстности для насъ были чрезвычайно невыгодны и, наоборотъ, играли въ руку французамъ: у насъ кавалеріи и артиллеріи было, сравнительно, много, а использовать ихъ

Схема боя на Березинъ 16 ноября.

какъ слѣдуетъ было нельзя. Наоборотъ, французы имѣли артиллерію несоразмѣрно мало, а конницы почти вовсе не имѣли, а которая осталась, была, собственно говоря, конницей только по названію, ибо лошади ея настолько были изнурены, что, за крайне малымъ исключеніемъ, нечего было и думать объ атакахъ.

Передъ началомъ боя расположеніе французскихъ войскъ, развернутыхъ противъ Чаплица, было слѣдующее:

Въ первой линіи былъ Удино, упиравшійся лѣвымъ флангомъ въ рѣку Березину, а правымъ — въ густой участокъ лѣса, тянувшійся параллельно дорогѣ; во второй линіи стоялъ Ней; резервъ составляла молодая гвардія подъ начальствомъ Мортье, выдвинутая отъ Занивокъ.

Вся длина занятой французами позиціи по фронту была менѣе двухъ верстъ.

Чичаговъ приказалъ Чаплицу завязать бой съ разсвѣтомъ, обѣщавъ поддержать его. Для атаки на правомъ берегу Березины адмиралъ могъ располагать, кромѣ войскъ, находившихся въ его непосредственномъ распоряженіи, еще войсками Платова и Ермолова.

Платовъ рано утромъ 16 ноября переправился на правый берегъ по понтонному мосту, наведенному противъ предмостнаго укрѣпленія, а слѣдомъ за нимъ прибылъ и Ермоловъ.

Такимъ образомъ у Чичагова образовалось *тридцать пять тысячъ* человѣкъ безъ отряда Орурка, еще бывшаго въ пути.

Чтобы затруднить Наполеону отступленіе по трудно-проходимой Зембинской тѣснинѣ, Чичаговъ предложилъ Платову выслать казаковъ вверхъ по рѣкѣ Гайнѣ, для разрушенія мостовъ и гатей на пути слѣдованія французской арміи.

Распоряженіе это было исполнено, но не дало успѣшныхъ послѣдствій. Казакамъ не только не удалось перейти болотистую рѣчку, но даже они не могли добраться до нея, такъ топки были болота, сопровождающія ея теченіе.

Съ разсвѣтомъ Чаплицъ началъ наступленіе. Онъ построилъ свои войска, усиленные подкрѣпленіями изъ тетъ-де-пона, въ три линіи и, приказавъ первой линіи сбить французскіе аванпосты, двинулъ остальные сзади колоннами. Для обезпеченія праваго

фланга наступающихъ и содѣйствія атакъ отдѣльная колонна полковника Красовскаго была направлена по опушкѣ лѣса, вдоль теченія рѣки Березины.

Завязавшаяся съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка вскорѣ сдѣлалась оживленной. Чаплицу удалось опрокинуть цѣпь французскихъ стрѣлковъ, и онъ быстро сталъ подаваться впередъ, рассчитывая на поддержку главныхъ силъ Чичагова, о приближеніи которыхъ ему только что прислали увѣдомленіе.

Такъ какъ мѣстность позволяла дѣйствовать артиллеріей только по дорогѣ, то французы удачно воспользовались бывшимъ на ихъ сторонѣ высокимъ холмомъ, вродѣ кургана, изъ наноснаго песку, на которомъ устроили батарею въ три яруса, имѣя въ каждомъ по три орудія.

Такая благопріятная случайность позволила непріятелю имѣть огромное преимущество въ пушечномъ огнѣ надъ Чаплицомъ, который могъ дѣйствовать одновременно только двумя орудіями.

Только геройское самоотверженіе русской артиллеріи въ этотъ день, послѣдовательно замѣнявшей подбитыя орудія новыми, дало ей возможность до конца боя выдержать состязаніе.

Уже черезъ три часа послѣ начала боя артиллерійская рота Арнольди не могла дѣйствовать, потерявъ болѣе половины людей и лошадей, 9 взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ и 2 передка; ее послѣдовательно замѣняли по-взводно три другія роты (всего 48 орудій). Каждый взводъ дѣйствовалъ не долѣе получаса и оканчивалъ борьбу почти совершеннымъ истребленіемъ.

Благодаря такому соотношенію въ условіяхъ артиллерійскаго боя, пѣхота Чаплица не могла дебушировать изъ лѣса: какъ только сна выбиралась на болѣе открытую площадку, ее останавливалъ и вгонялъ обратно въ лѣсъ убійственный огонь французскихъ орудій, пользовавшихся превосходствомъ своей позиціи и своего числа.

Въ результатѣ Чаплицъ нѣсколько часовъ не продвинулся впередъ ни на волосъ и ограничился перестрѣлкой, ожидая подхода подкрѣпленій.

Чичаговъ, прибывъ изъ предмостнаго укрѣпленія къ Стахову, двинулъ на поддержку Чаплица двѣ дивизіи, 9-ю и 18-ю пѣхотныя, подъ командою своего начальника штаба, генерала Сабанѣва.

*

Послѣдній былъ большимъ поклонникомъ дѣйствій въ разсыпномъ строю, что вынесъ изъ опыта своего участія въ Финляндской войнѣ 1808—1809 годовъ. Но тамошнія войска приучились дѣйствовать въ этомъ строю на закрытой, лѣсистой мѣстности, ибо таковы были все время особенности театра военныхъ дѣйствій; тѣ же полки, которые попали теперь подъ начальство Сабанѣва, не были въ такой степени къ этому привычны.

Желая ввести французовъ въ заблужденіе относительно истинной числительности своихъ силъ, Сабанѣвъ почти цѣликомъ разсыпалъ обѣ свои дивизіи въ лѣсу, въ нѣсколько линій; но, вѣроятно, вслѣдствіе ошибки въ направленіи, вмѣсто того, чтобы подержать Чаплица на его открытомъ флангѣ, войска Сабанѣва стали подходить къ нему *съ тыла*.

Тѣмъ временемъ, около двухъ часовъ дня, маршалъ Ней, принявшій командованіе надъ французскими войсками около Брили, замѣтивъ, что его первая линія начала сдавать подъ напоромъ русскихъ, возложилъ на кирасировъ Думерка задачу остановить этотъ напоръ.

Кирасиры двинулись въ атаку западнѣе дороги на Борисовъ, по рѣдкому сосновому вѣковому лѣсу, нижнія вѣтви котораго, начинаясь высоко отъ земли, не стѣсняли дѣйствій кавалеріи.

Эта послѣдняя атака французской конницы, единственно уцѣлѣвшей и способной къ бою, отличалась отчаянною стремительностью. Прорвавъ линію войскъ Чаплица, кирасиры ударили на приближавшіяся передовыя стрѣлковыя линіи Сабанѣва. Части эти, уже разстроенныя движеніемъ по лѣсу, въ безпорядкѣ хлынули назадъ и еще болѣе были приведены въ разстройство, услышавъ сзади огонь, по ошибкѣ открытый слѣдующими линіями...

Самъ Чаплицъ, во главѣ двухъ эскадроновъ Павлоградскихъ гусаръ, самоотверженно и неустрашимо бросился на выручку пѣхоты и, ударомъ во флангъ, остановилъ успѣхи французской конницы, которая все-таки захватила около 600 плѣнныхъ.

Но главнымъ ея успѣхомъ было то, что начатое нами наступленіе въ этотъ день болѣе не возобновлялось, и бой, до одиннадцати часовъ ночи, ограничился упорной перестрѣлкой. По мѣрѣ ослабленія одной цѣпи, она смѣнялась другою. Артиллерія наша

Генераль-лейтенантъ
Князь П. М. Яшвиль.

по прежнему дѣйствовала только изъ двухъ орудій, тогда какъ непріятель, своими девятью пушками съ трехъ-ярусной батареи на холмѣ, засыпалъ насъ снарядами.

Чичаговъ не ввелъ въ дѣло своего резерва, который такъ и остался у Стахова. Адмиралъ ошибочно считалъ непріятельскія войска сильнѣе своихъ и опасался отдѣльнаго пораженія, тогда какъ въ дѣйствительности, превосходство силъ было на его сторонѣ, и онъ могъ раздавить французовъ, если бы смѣло ввелъ въ бой все, что имѣлъ.

Потери обѣихъ сторонъ были значительны. У насъ, считая съ плѣнными, выбыло изъ строя около 2000 человекъ. Что же касается потерь непріятели, то на этотъ счетъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній, кромѣ того, что послѣ 16 ноября составъ французской арміи вообще на половину уменьшился; но это уменьшеніе только отчасти зависѣло отъ потерь въ бою.

* * *

На лѣвомъ берегу Березины бой начался двумя часами позже, чѣмъ на правомъ.

Трудная задача удержанія переправы въ теченіе дня 16 ноября на лѣвомъ берегу рѣки была возложена Наполеономъ на маршала Виктора, въ распоряженіи котораго для этой цѣли было двѣ дивизіи: Дендельса и Жирара и два кавалерійскихъ полка дивизіи Фурнье, всего около 7000 человекъ.

Силы эти далеко не отвѣчали протяженію той позиціи, которую приходилось занимать для обезпеченія мостовъ.

Позиція эта находилась на гребнѣ тѣхъ высотъ, на скатѣ которыхъ находилась деревня Студенка.

Съ юго-восточной стороны, — т. е. какъ разъ откуда ожидалось наступленіе Витгенштейна, возвышенность эта окаймлялась ложиной, шириною шаговъ отъ 650 до 750, по дну которой протекалъ небольшой ручей, терявшійся въ болотахъ, сопровождавшихъ теченіе Березины.

Направленіе этой ложины опредѣляло фронтъ позиціи, правый флангъ которой упирался въ рѣку, а лѣвый былъ открытъ и не имѣлъ ни одного опорнаго пункта.

Сильнѣе всего былъ центръ позиціи, гдѣ высоты были всего выше, а лощина передъ ними всего рѣзче очерчена и имѣла наиболѣе крутые берега. На лѣвомъ же флангѣ французовъ лощина эта совершенно почти сливалась съ окружающею мѣстностью.

Наиболѣе важною точкою позиціи (какъ говорятъ, — „стратегическимъ ключомъ“) была деревня Студенка, южная окраина которой была удалена всего на полъ версты отъ нижняго моста. А связь съ мостами Виктору надо было удержать во что бы то ни стало...

Любопытнѣе всего, что теперь Витгенштейнъ, благодаря избранному имъ наканунѣ направленію, очутился въ Борисовѣ и, такъ сказать, проскочивъ мимо мѣста переправы французовъ, долженъ былъ атаковать его въ обратномъ направленіи, т. е. съ юга на сѣверъ, такъ же, какъ и Чичаговъ, а не съ сѣвера на югъ, какъ вышло бы, если бы онъ сразу пошелъ по дорогѣ на Студенку.

При такомъ положеніи обѣ наши арміи на разныхъ берегахъ Березины наносили бы французамъ ударъ съ противоположныхъ сторонъ и, конечно, положеніе послѣднихъ, въ смыслѣ возможности вырваться изъ клещей было бы много труднѣе, чѣмъ вышло въ дѣйствительности, когда и Чичаговъ, и Витгенштейнъ, оба на разныхъ берегахъ, атаковали параллельно другъ другу.

Затѣмъ, фронтомъ на сѣверо-востокъ, Викторъ уже не имѣлъ бы у Студенки такой сильной оборонительной позиціи.

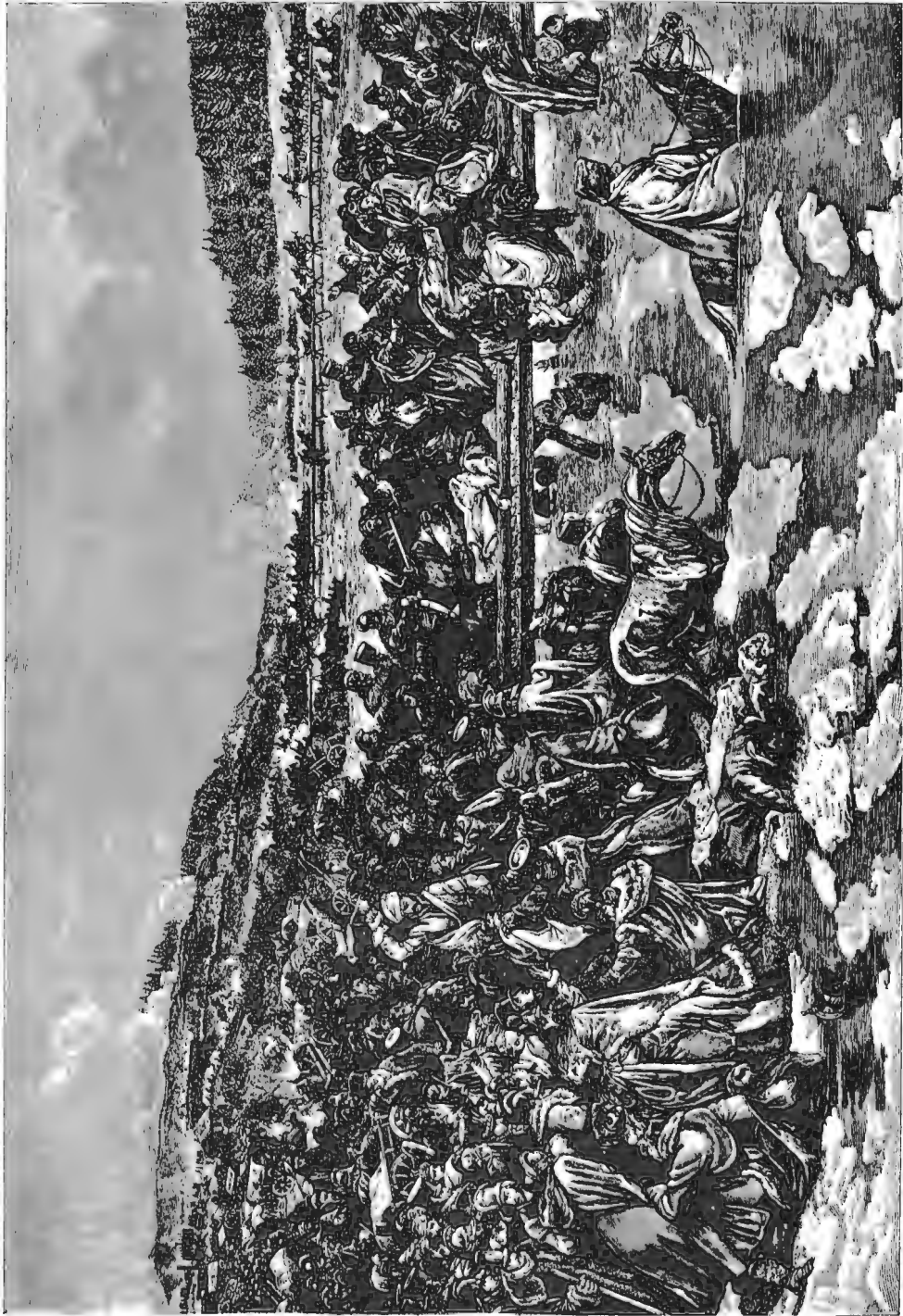
Викторъ расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ.

Деревня Студенка — или вѣрнѣе, мѣсто, гдѣ она находилась, такъ какъ всѣ избы и строенія пошли на матеріалъ для мостовъ — была занята бригадою дивизіи Дендельса, протянувшей свой участокъ вплоть до рѣки. Другая бригада той же дивизіи, вмѣстѣ съ одною бригадою Жерара, стояла въ центрѣ, а вторая бригада Жерара была на лѣвомъ флангѣ, уступомъ за которымъ расположилось семь эскадроновъ конницы; артиллеріи было 14 орудій; кромѣ того, для обстрѣливанія подступовъ къ правому флангу черезъ замерзшее болото выдвинуто было нѣсколько гвардейскихъ батарей.

Викторъ скрылъ свои войска за гребнемъ возвышеній, спустивъ на скаты только однѣ цѣпи стрѣлковъ.

Переправа французской армии через Березану в 1812 году.

Съ картины Лонгюа.

Съ разсвѣтомъ 16-го числа Витгенштейнъ направилъ авангардъ Властова черезъ Бытчи на Студенку; за нимъ должны были слѣдовать корпусъ Берга и резервъ Фока, двинутый изъ Кострицы въ 6 час. утра. Штейнгель же былъ оставленъ въ Борисовѣ для обезоруженія сдавшейся дивизіи Партуно.

Властовъ выслалъ впереди себя генерала Родіонова съ казаками и гусарами. Деревня Бытчи оказалась занятой французскими сторожевыми постами, которыхъ наша конница выбила, преслѣдовала до Студенки и здѣсь раскрыла расположеніе Виктора.

Произведя предварительно развѣдку противника, Властовъ развернулъ свой авангардъ въ боевой порядокъ и въ 10 часовъ утра началъ наступленіе. Приблизясь къ позиціи французовъ, онъ былъ встрѣченъ сильнѣйшимъ огнемъ артиллеріи. Тогда и онъ выдвинулъ свои батареи, а стрѣлковыя его цѣпи завязали перестрѣлку съ непріятельскими.

Двигаясь вдоль берега Березины, стрѣлки Властова перебрались черезъ небольшой ручей, протекавшій передъ фронтомъ непріятельской позиціи, захватили незанятый французами перелѣсокъ, утвердились въ немъ, а затѣмъ потѣснили батальонъ противника, занимавшій крайній правый флангъ позиціи.

Захватъ перелѣска позволилъ направить огонь пододвинувшейся къ нему нашей артиллеріи противъ огромнаго обоза, столпившагося между деревней Студенкой и нижнимъ мостомъ, въ ожиданіи очереди переправляться.

Огромный обозъ „великой арміи“ беспорядочною массою запрудилъ все пространство между рѣкой и деревней, запирая доступъ къ переправѣ. Можно себѣ вообразить, что поднялось здѣсь, когда внезапно въ эту густую толпу людей, лошадей и повозокъ начали падать непріятельскія ядра.

Паническій ужасъ охватилъ эту безумѣвшую массу, и безпорядокъ достигъ неописуемаго предѣла.

Все и вся инстинктивно, въ какомъ то безпамятствѣ шарахнулось къ мостамъ. Повозки сталкивались другъ съ другомъ и опрокидывались. Упавшіе на землю люди, сшибаемые конными и упряжными лошадьми, гибли задавленные колесами тяжелыхъ фургоновъ или копытами лошадей. Обезпамятѣвшіе люди топтали еще трепещущіе трупы своихъ товарищей. На мосты попадаютъ

лишь немногие; большинство находитъ смерть въ разныхъ видахъ: одни задавлены, другіе сброшены въ воду, третьи убиты снарядами.

Попавшіе въ рѣку пытаются спастись, цѣпляясь за льдины; но ослабѣвшимъ, изможденнымъ людямъ не хватаетъ силъ бороться съ стремительнымъ теченіемъ. Огромное большинство ихъ гибнетъ въ ледяныхъ, безжалостныхъ волнахъ негостепріимной рѣки...

Чтобы хоть какъ нибудь устранить эти ужасныя сцены смятенія и безпорядка, маршалъ Викторъ произвелъ своимъ правымъ крыломъ нѣсколько отчаянныхъ контръ-атакъ, которыя, въ концѣ концовъ заставили наше лѣвое крыло нѣсколько податься назадъ. Гибельный огонь русской батареи прекратился, и паника утихла.

Между тѣмъ Властовъ развернулъ часть авангарда передъ фронтомъ французской позиціи, занявъ скаты высотъ на южномъ берегу лощины, пролегавшей передъ ея фронтомъ.

На правомъ флангѣ произошло кавалерійское дѣло, окончившееся отступленіемъ непріятельской конницы за свою пѣхоту.

Видя, что русскіе теперь распространяются все болѣе и болѣе къ востоку, что грозило Виктору обходомъ лѣваго фланга, маршалъ двинулъ и здѣшнюю свою бригаду въ наступленіе, при содѣйствіи Баденскихъ гусаръ.

Бригада, предшествуемая стрѣлками, двумя колоннами спустилась въ лощину. Одну колонну приостановили укрыто на днѣ оврага, а другая поднялась, прикрываясь кустами, на противоположащій берегъ и бросилась въ штыки.

Но жестокой картечный огонь нашихъ батарей и ружейный перекрестный огонь пѣхоты привели эту колонну въ полный безпорядокъ, и она поспѣшно бросилась назадъ.

Уже болѣе двухъ часовъ выдерживалъ авангардъ Властова бой съ превосходными силами противника, когда, наконецъ, показалась голова корпуса Берга.

Впереди всѣхъ шель 24-й егерскій полкъ, который и двинуть былъ на поддержку центра и праваго фланга. Онъ подоспѣлъ какъ разъ во время. Отброшенный противникъ, уже теперь всѣми силами бригады, намѣревался повторить атаку.

**Генераль-лейтенантъ
Александръ Борисовичъ Фокъ.**

Снова французы приняты были въ перекрестъ жесточайшимъ огнемъ и потерпѣли неудачу. Бригадный генераль Дамá былъ раненъ. Видя замѣшательство противника, наши егеря воспользовались этимъ, сами на него ударили и гнали до опушки кустовъ.

Безпорядокъ у французовъ былъ полный, и только Баденскіе гусары помогли остаткамъ пѣхоты отойти на прежнюю позицію.

Остальныя силы корпуса Берга были двинуты, главнымъ образомъ, на подрѣпленіе лѣваго фланга Властова.

Съ этого момента силы обѣихъ сторонъ были уравновѣшены, когда же къ правому флангу Властова подошелъ еще резервъ Фока и развернулся здѣсь, усиливъ своею артиллеріей наши батареи, то за нами былъ почти что двойной перевѣсъ въ силахъ.

Положеніе Виктора съ минуты на минуту становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ.

Его громила значительно превосходная по числу и по качеству артиллерія, и войска его самоотверженно несли жестокія потери.

Непріятель передъ нимъ очевидно все время усиливался; линія его фронта растягивалась все дальше и дальше, грозя охватить его лѣвый флангъ.

А между тѣмъ, — отступленія, собственно говоря, не было. Доступъ къ мостамъ былъ совершенно прегражденъ массою столпившихся обозовъ, образовавшихъ сплошную непроницаемую преграду...

Поэтому неудачный исходъ боя для Виктора могъ закончиться полнымъ его истребленіемъ; нужно было только, чтобы противникъ выдержалъ характеръ и довелъ дѣло до конца.

Послѣ сильнаго артиллерійскаго и стрѣлковаго боя, Фокъ двинулъ въ атаку на центръ непріятельской позиціи полки Воронежскій и Низовскій.

Такъ какъ этотъ участокъ теперь у Виктора занимала та самая бригада, которая только что отбита была на нашемъ правомъ флангѣ и была совершенно разстроена, то ясно, что этотъ ударъ грозилъ Виктору чрезвычайною опасностью.

Оставалось только пустить въ дѣло конницу. Баденскіе гусары и Гессенскій легко-конный полкъ смѣло ринулись на врага.

Наши встрѣтили ихъ залпомъ чуть не въ упоръ, но это не остановило гусаръ, которые врубались въ ряды нашей пѣхоты и заставили ее отойти на прежнюю позицію. Упоенная успѣхомъ, непріятельская конница перешла ручей; но здѣсь ее встрѣтили картечь нашей артиллеріи и сводный кирасирскій полкъ, который бурею понесся на нее и опрокинулъ въ безпорядкѣ.

Французскую пѣхоту, которая, видя успѣхъ своей кавалеріи, также перешла въ наступленіе и начала спускаться въ лошину, постигла та же участь: она была разсѣяна кирасирами.

Оба полка дивизіи Фурнье понесли огромную потерю, но жертва, принесенная ими, оказала Виктору неоцѣненную услугу: она буквально спасла его, такъ какъ рѣшительное наступленіе Фока было пріостановлено.

А этотъ ударъ могъ грозить Виктору самыми тяжкими послѣдствіями.

Послѣ пораженія французской конницы, Фокъ двинулъ нашу кавалерію, бывшую на правомъ флангѣ, впередъ и направилъ для ея поддержки Могилевскій пѣхотный полкъ.

Наступленіе этихъ войскъ, угрожавшее лѣвому флангу Виктора, заставило его, за неимѣніемъ резервовъ, откинуть этотъ флангъ назадъ...

Но уже темнѣло. Обѣ стороны прекратили атаки и продолжали до ночи поддерживать только канонаду. Уже по окончаніи дѣла, вечеромъ, начали прибывать войска отъ Борисова, сперва остальные части корпуса Берга, а затѣмъ — уже ночью — Штейнгель.

Упорство боя причинило обѣимъ сторонамъ значительныя потери. У Виктора онѣ превышали половину его наличныхъ силъ; у Витгенштейна, за оба дня 15 и 16 ноября, — доходили до 4000 человекъ.

* * *

Въ результатъ, какъ видно, французская армія 16 ноября благополучно избавилась отъ неимоვნно труднаго положенія, будучи вынуждена принять одновременно бой на обоихъ берегахъ рѣки, съ противникомъ въ превосходныхъ силахъ, не завершивъ переправы, которую надо было обезпечивать.

Неполнота результатовъ, достигнутыхъ нами въ этотъ день, никоимъ образомъ не можетъ быть приписана недостатку мужества со стороны нашихъ войскъ.

Послѣдніе на обоихъ берегахъ сражались съ полнымъ самоотверженіемъ и честно выполнили свой долгъ.

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи событій, истинныя причины неудачнаго для насъ, въ смыслѣ достиженія конечной цѣли, исхода боевъ 16 ноября, выясняются вполне опредѣленно.

Изъ двухъ полей сраженія, у Брили и у Студенки, рѣшающее значеніе принадлежало первому. Полный успѣхъ Чичагова, какъ бывшаго въ голову французской арміи, могъ привести къ совершенной ея гибели; полный же успѣхъ Витгенштейна велъ къ уничтоженію лишь всего того, что оставалось еще у непріятеля на лѣвомъ берегу.

Дѣйствія французской арміи направлялись на обоихъ берегахъ однимъ умомъ и одною волею. Распредѣленіе ея силъ между обоими полями битвы совершенно соотвѣтствовало ихъ относительному значенію.

Дѣйствительно изъ общаго числа *двадцати шести тысячъ* французскихъ войскъ на правомъ берегу рѣки находилось *двѣнадцать тысячъ*, т. е. почти *три четверти* арміи.

Совершенно иначе обстояло дѣло у насъ. Чичаговъ и Витгенштейнъ не были подчинены другъ другу и дѣйствовали какъ два равноправныхъ, независимыхъ другъ отъ друга лица.

Чичаговъ, какъ мы знаемъ, обратился къ Витгенштейну объ усиленіи его за счетъ арміи послѣдняго; однако просьба эта *исполнена не была*.

Слѣдствіемъ этого явилось распредѣленіе силъ, совершенно не отвѣчавшее обстановкѣ. На правомъ берегу рѣки, считая въ томъ числѣ Платова и Ермолова, — около 35 тысячъ, и около 30 тысячъ — на лѣвомъ, т. е. почти равномѣрное распредѣленіе войскъ на обоихъ поляхъ сраженій.

А между тѣмъ уже было выяснено, насколько болѣе важенъ былъ рѣшительный успѣхъ на правомъ берегу. Это, видимо, понималъ адмиралъ Чичаговъ, который поэтому и добивался, чтобы Витгенштейнъ, пользуясь возстановленіемъ переправы у Борисова, усилилъ его.

Но Витгенштейнъ, повидимому, не придавъ этой разницѣ въ значеніи успѣха на правомъ и лѣвомъ берегахъ Березины должнаго значенія.

Кутузовъ же держался слишкомъ далеко отъ Березины и не могъ быть объединяющею властью; да онъ, собственно, и не былъ ею формально облеченъ по отношенію къ Витгенштейну и Чичагову.

Разбирая дѣйствія послѣднихъ, каждаго въ отдѣльности, нетрудно видѣть слѣдующее.

На правомъ берегу силы Чичагова превосходили непріятельскія почти вдвое; но мѣстность здѣсь крайне затрудняла дѣйствія конницы, которая въ арміи Чичагова составляла весьма значительный процентъ, а у Наполеона количество ея было ничтожно.

Этимъ силы обѣихъ сторонъ до нѣкоторой степени уравновѣшивались.

Въ теченіе боя, продолжавшагося цѣлый день, обѣ стороны израсходовали только часть своихъ силъ.

Французы ввели въ бой только войска Удино и Нея, т. е. около десяти тысячъ; Чичаговъ — кромѣ отряда Чаплица, еще только двѣ дивизіи, т. е. приблизительно пятнадцать тысячъ.

Другими словами, болѣе половины наличныхъ силъ Чичагова совершенно не приняли участія въ сраженіи.

Со стороны адмирала не было общаго руководства веденіемъ боя, и послѣдній отличался беспорядочностью. Отчасти это оправдывается условіями мѣстности, до крайности затруднявшей управленіе войсками. Но все-таки никоимъ образомъ нельзя оправдать Чичагова въ томъ, что онъ остался самъ въ теченіе всего дня въ Стаховѣ, а между Чаплицемъ и Сабанѣвымъ не объединилъ власти, такъ что между ихъ дѣйствіями не было никакой связи.

Замѣчательно, что Витгенштейнъ на правомъ берегу повторилъ тѣ же самыя ошибки.

Семи-тысячный корпусъ Виктора былъ атакованъ только 14 тысячами (авангардъ Властова, часть корпуса Берга и резервъ Фока). Болѣе половины арміи осталось въ бездѣйствіи въ полу-переходѣ отъ поля сраженія.

Самъ Витгенштейнъ въ теченіе всего дня оставался въ Борисовѣ, предоставляя своимъ подчиненнымъ дѣйствовать по ихъ усмотрѣнію.

„Въ Штыки! Ура! Ура!“

Съ. картины В. В. Верещагина.

Объединенія власти на полѣ сраженія не было. Старшимъ въ чинѣ былъ корпусный командиръ Бергъ, но на правомъ флангѣ Фокъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, и не видно, чтобы получалъ какія либо указанія свыше.

Самый бой свелся исключительно къ фронтальной атакѣ. Столь опасный для Виктора охватъ былъ въ видѣ самой слабой попытки сдѣланъ лишь къ концу боя.

Что же касается французовъ, то съ ихъ стороны можно отмѣтить лишь безпримѣрное, отчаянное мужество, съ которымъ они, слабѣйшіе и истомленные столькими испытаніями, отражали наши атаки, переходя и сами въ наступленіе при всякой къ тому возможности.

По условіямъ той задачи, которую имъ на обоихъ берегахъ рѣки приходилось выполнять, бой былъ веденъ ими, понятно, въ чисто-оборонительномъ духѣ; но недостатокъ силъ они восполнили беззавѣтной храбростью и активностью своего отпора.

Тѣмъ не менѣе не этому и даже не искусству Наполеона — который не руководилъ въ этотъ день войсками — слѣдуетъ приписать конечный успѣхъ въ этотъ день непріятеля, и отнюдь не недостатку мужества со стороны нашихъ войскъ, поведение которыхъ было образцовымъ, — а прежде всего отсутствію со стороны обоихъ старшихъ начальниковъ, Витгенштейна и Чичагова, рѣшимости довести дѣло до конца.

Образъ дѣйствій Чичагова объясняется до нѣкоторой степени его опасеніемъ за дорогу на Минскъ, которую онъ боялся обнажить.

Въ этомъ его утвердило еще болѣе мнѣніе такого авторитетнаго лица, какъ Ермоловъ.

Когда Чичаговъ предложилъ Платову послать казачью партію для порчи гатей и мостовъ въ Зембинскомъ дефиле, Ермоловъ (только что прибывшій для личнаго свиданія къ Чичагову) „осмѣлился представить адмиралу свои мысли, что, если бы Наполеонъ „встрѣтилъ невозможность идти на мѣстечко Зембинъ, то ему „оставалось единственное средство — овладѣть дорогою на Минскъ, „гдѣ, при изобильныхъ всякаго рода запасахъ, доставить своей „арміи отдохновеніе, призвать изъ Литвы подкрѣпленія и возста-

новить въ ней порядокъ“. Высказывая этотъ взглядъ, Ермоловъ, для большей убѣдительности, ссылаясь на свою близость къ Кутузову и знаніе его соображеній*).

Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ вышло, что 16 ноября, когда была полная возможность и на томъ, и на другомъ берегу Березины нанести остаткамъ французской арміи окончательное пораженіе, оба нашихъ военачальника точно добровольно отказались отъ возможной и, въ сущности, почти несомнѣнной побѣды, заботясь какъ бы только о томъ, чтобы избѣжать упрековъ въ бездѣйствіи и въ томъ, что дали отступить противнику безъ всякихъ потерь.

Достойно замѣчанія, что въ кровопролитномъ бою 16 ноября на берегахъ Березины со стороны Наполеона въ числѣ сражавшихся, какъ у Брили, такъ и у Студенки, почти не было природныхъ французовъ. У Виктора одна дивизія была польская, а другая нѣмецкая; конница — тоже нѣмецкая (баденцы). Подъ начальствомъ Нея было всего только триста французовъ, изъ коихъ много офицеровъ, взявшихъ ружье и сражавшихся по доброй волѣ на ряду съ простыми солдатами; остальные его войска были польскія. Наконецъ, у маршала Удино — одна дивизія состояла изъ поляковъ, другая — изъ швейцарцевъ и кроатовъ и только прочія двѣ были французскія. Въ общемъ, примѣрно половина сражавшихся со стороны французовъ на Березинѣ были поляки.

*) Записки А. П. Ермолова т. I стр. 265.

Намѣренія Чичагова и Витгенштейна на 17 ноября.

Отступленіе Виктора на правый берегъ Березины. Потрясающія сцены. Сожженіе мостовъ.

Что осталось отъ французской арміи послѣ Березины?

Разборъ Березинской операціи.

оздно вечеромъ 16-го числа графъ Витгенштейнъ, будучи въ Борисовѣ, узналъ о результатахъ боя при Студенкѣ. Упорство этого боя и сильныя потери, понесенныя войсками Властова, Берга и Фока, заставили его предположить, что французы продолжаютъ удерживать лѣвый берегъ Березины значительными силами.

Такой выводъ не замедлилъ привести его къ рѣшенію, составлявшему естественный логическій выводъ изъ всѣхъ предшествовавшихъ его дѣйствій.

Витгенштейнъ увѣдомилъ Чичагова, что онъ намѣренъ 17 ноября оставить свои войска на занимаемыхъ ими позиціяхъ, *не атакуя французовъ.*

„Такъ какъ непріятель находится въ силахъ (писаль Витгенштейнъ), то и намѣренъ я, если онъ сегодняшнею ночью не „отступитъ, что однако же мнѣ кажется вѣроятнымъ, завтра „остаться въ теперешней моей позиціи, не атакуя его, ибо Вашему „Высокопревосходительству извѣстно, что къ намъ ежедневно „прибываютъ подкрѣпленія приближеніемъ нашей большой арміи; „притомъ же дадимъ чрезъ оное время генералу отъ кавалеріи „Платову ихъ совершенно отрѣзать“.

Это заявленіе Витгенштейна было Чичаговымъ раздѣлено, и адмираль, съ своей стороны, принялъ такое же рѣшеніе.

Отсюда получилось, что 17-го числа французская армія — точнѣе жалкіе ея остатки — могла продолжать весь день безпрепятственно свое отступленіе.

Наполеонъ, вечеромъ 16-го числа, пона еще кипѣлъ бой на обоихъ берегахъ Березины, сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи черезъ Зембинъ на Вилейку. Ночь онъ провелъ въ единственной уцѣлѣвшей избѣ деревни Занивки, да и то кровля ея была разобрана на бивачные костры..... Всѣ прочія строенія этой деревушки были разрушены до основанія.

Сдача дивизіи Партуно подъ Борисовымъ не долго оставалась неизвѣстной французамъ. Нѣсколько бѣглецовъ, спасшихся отъ этой капитуляціи, а также взятые впереди Брили русскіе плѣнные доставили объ этомъ точныя свѣдѣнія.

Съ этой минуты дальнѣйшая задержка у береговъ Березины становилась безцѣльной.

Отступленіе началось еще съ вечера 16-го. Авангардъ составили остатки корпуса вице-короля, съ уцѣлѣвшей еще польской конницей; за ними двинулась горсть, оставшаяся отъ корпусовъ Жюно и Даву, а затѣмъ — толпы безоружныхъ и раненыхъ...

Корпусу Виктора приказано было также переходить еще съ вечера на правый берегъ рѣки. Но, желая дать возможность спастись возможно-большему числу отсталыхъ, маршалъ рѣшился удержаться на своей позиціи и послалъ Наполеону донесеніе, что очистить ее на разсвѣтѣ.

Когда пришлось Виктору отступать, то наглядно подтвердилось, насколько губельно могло быть его положеніе во время боя накануне, если бы онъ былъ потѣсненъ къ мостамъ.

Дѣло въ томъ, что обозы такъ столпились у входовъ на мосты, что доступъ къ нимъ былъ совершенно закрытъ и образовалась какъ бы сплошная, непроницаемая преграда.

Чтобы устроить проходъ съ занимаемой Викторомъ позиціи къ нижнему мосту, команда понтонеровъ и гвардейскихъ артиллеристовъ работала въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, прибѣгая нерѣдко для очистки дороги къ силѣ оружія. Но отъ конскихъ труповъ очистить этотъ проходъ такъ и не удалось: они покрывали землю вездѣ въ такомъ множествѣ, что убрать ихъ оказалось совершенно невыполнимымъ, и они немало затрудняли движеніе артиллеріи и патронныхъ ящиковъ.

Выславъ впередъ роту гренадеръ для охраненія доступа къ мостамъ, Викторъ, около часу ночи, началъ переводить остатки своего корпуса на правый берегъ Березины.

Прежде всего переправились конница и артиллерія, а затѣмъ перешла пѣхота. Передовые посты и небольшой арьергардъ оставлены были на мостахъ для поддержанія бивачныхъ огней, чтобы вѣрнѣе скрыть отступленіе.

Переправа корпуса Виктора закончилась около 4 часовъ утра. Мосты сдѣлались свободными, и для ихъ сожженія все было подготовлено; но завѣдывавшій переправой генераль Эбле, получивъ отъ Наполеона приказаніе поджечь мосты въ 7 утра, намѣренъ былъ до послѣдней минуты отсрочить исполненіе этого приказанія, чтобы дать возможность спастись возможно-большому количеству несчастныхъ, оставшихся въ массѣ еще на томъ берегу.

Часть отсталыхъ могла бы переправиться еще ночью, до начатія переправы корпуса Виктора. Но, поверженные въ сонную апатію, эти люди оставались ко всему безучастными и не внимали никакимъ увѣщаніямъ...

Викторъ и Эбле приказали зажечь нѣсколько повозокъ, надеясь хотя этимъ заставить толпу тронуться съ мѣста, но и это не подѣйствовало.

Только въ половинѣ седьмого, когда Викторъ убралъ свои сторожевые посты на лѣвомъ берегу и началъ переправлять арьергардъ, толпа поняла, что мосты будутъ уничтожены...

Въ безпамятствѣ всѣ устремились къ переправѣ, и потрясающія сцены предшествовавшего дня возобновились; но еще ужас-

нѣ сдѣлались онѣ, когда, въ половинѣ девятого, генераль Эбле, усмотрѣвъ на высотахъ Студенки передовые казачьи разъѣзды, приказаль зажечь мосты, чтобы не дать русскимъ возможности ими воспользоваться...

Съ этой минуты лѣвый берегъ Березины у Студенки представляль собою трудно-поддающуюся описанію картину.

Пространство болѣе квадратной полу-версты было сплошь заставлено всевозможными повозками, фургонами и экипажами, преимущественно съ награбленной въ Москвѣ добычей. Между ними разбросаны были кучи тѣлъ, ползали раненые и умирающіе, бродили голодные, полу-замерзшіе люди.

Кусокъ хлѣба или черстваго солдатскаго сухаря былъ для нихъ роскошью, за которую офицеры, сохранившіе хоть какія нибудь драгоцѣнныя вещи, безъ всякаго сожалѣнія разставлялись съ ними.

Когда мосты запылали, то многіе изъ этихъ несчастныхъ пытались искать спасенія, черезъ пламя, по горячей настилкѣ; другіе бросились по льдинамъ, скопившимся между устоями; но онѣ, конечно, не выдержали тяжести и раздались подъ ногами бѣглецовъ, большинство которыхъ нашло себѣ смерть въ холодныхъ водахъ рѣки. Нѣкоторые смѣльчаки пробовали перебраться вплавь...

Но, конечно, спасеніе обрѣли лишь немногіе. Большинство погибло или было взято плѣнъ.

* * *

Потери французской арміи на берегахъ Березины были чрезвычайны. Дать точную ихъ цифру не представляется возможнымъ, въ виду того, что точная числительность бывшихъ въ ней подъ ружьемъ передъ началомъ Березинской операціи съ достовѣрностью не извѣстна.

Если взять даже наибольшую цифру въ сорокъ пять тысячъ вооруженныхъ, то уронъ на Березинѣ убитыми, ранеными и плѣнными опредѣлится по крайней мѣрѣ въ *тридцать тысячъ*...

Однако, уже черезъ *три дня* послѣ переправы, въ „великой арміи“, еще недавно заставлявшей трепетать Европу, осталось подъ ружьемъ не болѣе *девяти тысячъ человекъ при двадцати четырехъ орудіяхъ*, т. е. около одной дивизіи!

Грозная многотысячная сила, вторгшаяся пять мѣсяцевъ тому назадъ въ предѣлы Россіи, въ военномъ смыслѣ перестала существовать...

Лучшую оцѣнку состоянія французской арміи послѣ Березины далъ самъ Наполеонъ, въ письмахъ къ Марэ, герцогу Бассано, въ Вильну.

„Я желаю, чтобы въ Вильнѣ не было ни одного иностраннаго агента“, пишетъ онъ 17 ноября и прибавляетъ: „Продовольствія, продовольствія и продовольствія! Безъ этого нѣтъ насилія, на которое не была бы способна эта толпа, утратившая дисциплину“...

Въ письмѣ отъ 18-го числа онъ выражается еще рѣче: „Болѣе сорока тысячъ, вслѣдствіе лишеній, холода или недостатка продовольствія, обратились въ бродягъ или, вѣрнѣе, въ разбойниковъ. Если Вильна не въ состояніи дать намъ ста тысячъ раціоновъ хлѣба, — мнѣ жаль этотъ городъ!“

Но, какъ ни велики были жертвы, понесенныя „великой арміей“ во время бѣдственнаго отступленія и особенно на берегахъ Березины, какъ ни жалки были обломки ея, успѣвшіе избѣжать смерти или плѣна, какъ ни ничтожна была та горсть людей, которая, какъ увидимъ ниже, могла выйти за предѣлы Россіи, все же эта горсть заключала въ себѣ все лучшее, что было въ арміи и, главное, весь мозгъ ея, всѣхъ предводителей, во главѣ съ самимъ Наполеономъ.

Только это и дало возможность послѣднему продолжать дальнѣйшую грандіозную борьбу съ коалиціей европейскихъ державъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ послѣдующихъ лѣтъ, борьбу, кончившуюся только въ стѣнахъ Парижа и, затѣмъ, — на поляхъ Ватерлоо.

Въ этой новой грандіозной борьбѣ первенствующее значеніе принадлежало опять таки русскому Императору и русскому народу, въ лицѣ его доблестной арміи, которой суждено было оказать еще цѣлый рядъ воинскихъ подвиговъ, вписанныхъ блестящими страницами въ исторію ея войсковыхъ частей...

Но эта борьба, — оставляя въ сторонѣ самый вопросъ объ ея политической цѣлесообразности, — не понадобилась бы, не потребовалось бы этой огромной затраты силъ и жертвъ, если бы на

*

берегахъ Березины планъ Императора Александра осуществился не отчасти только, какъ произошло въ дѣйствительности, а въ полной мѣрѣ.

„Если погибли не всѣ до единого французы великой арміи „(пишетъ одинъ изъ участниковъ войны 1812 года*), то въ томъ „виноваты сами русскіе. По человѣческимъ расчетамъ и по всему „тому, что ежедневно происходило во французской арміи, она „должна была погибнуть на берегахъ Березины“.

Дѣйствительно, грандіозный планъ, ставившій цѣлью полное прегражденіе французской арміи всѣхъ путей отступленія и окончательное плѣненіе ея, былъ близокъ къ осуществленію, и только рядъ счастливыхъ случайностей, включая сюда по большей части невольныя ошибки исполнителей, привелъ къ тому, что геніальный противникъ сумѣлъ этимъ воспользоваться и избѣжать ловушки.

* * *

Несомнѣно, что первопричину этой неполной удачи слѣдуетъ искать въ самомъ планѣ, который, несмотря на всѣ крупныя его достоинства, имѣлъ такіе органическіе недостатки, которые не могли не дать себя знать.

Прежде всего, планъ составленъ былъ безъ всякаго участія отвѣтственнаго за успѣхъ всей операціи главнокомандующаго, фельдмаршала Кутузова, который, какъ намъ уже извѣстно, по разнымъ соображеніямъ даже и не сочувствовалъ такой широкой цѣли, какая была поставлена планомъ Императора Александра.

Цѣлью Кутузова, которой онъ задался съ самаго начала, было „постепенное истребленіе“ непріятели и освобожденіе Россіи отъ вражескаго нашествія.

Императоръ же Александръ ставилъ вопросъ о полномъ низложеніи власти Наполеона, объ освобожденіи не только Россіи, но и всей Европы отъ этой власти...

„Или онъ, или Я — говорилъ онъ, какъ мы знаемъ; — „но *вмѣстѣ мы царствовать не можемъ*“.

Кутузовъ находилъ, что *Россіи* нужно только прекратить тяжелую, разорительную войну, очистить свои предѣлы отъ враговъ и побѣдоноснымъ окончаніемъ войны отвадить ихъ навсегда отъ повторенія подобныхъ покушеній.

*) „Записки о походѣ Наполеона въ Россію въ 1812 г.“ Брандта В. Сborn. 1870 № 6.

Въ пользу для Россіи отъ полного сверженія власти Наполеона Кутузовъ сильно сомнѣвался, что и высказалъ, какъ мы видѣли, представителю Англіи.

Поэтому личный планъ Кутузова, котораго онъ неуклонно держался съ самаго начала, заключался въ томъ, чтобы *постепенно ослаблять* противника, наносить ему всѣми мѣрами вредъ, лишая его всякихъ средствъ и способовъ усилиться, бережно въ то же время сохраняя свои собственные силы...

Между тѣмъ широкой замысль Императора Александра требовалъ иного: онъ требовалъ согласнаго сочетанія отдѣльныхъ группъ армій на огромномъ пространствѣ, сосредоточенія ихъ постепенно въ намѣченномъ районѣ, гдѣ имъ надлежало совмѣстно раздавить противника.

Такой планъ былъ совершенно не по душѣ Кутузову; но онъ долженъ былъ ему слѣдовать и, какъ старый придворный, не имѣлъ достаточно гражданскаго мужества, чтобы настоять на предоставленіи ему дѣйствовать собственнымъ умомъ.

Единственно, что онъ могъ сдѣлать и дѣлалъ, это всячески беречь главныя силы арміи, ему ввѣренныя.

„Наши молодя, горячія головы (говорилъ онъ принцу Евгению Виртембергскому) сердятся на старика за то, что онъ сдерживаетъ ихъ пылъ, а не подумаютъ, что самыя обстоятельства дѣлаютъ больше, нежели сдѣлало бы наше оружіе. Нельзя же намъ придти на границу съ пустыми руками!“

Видя, какъ съ каждымъ днемъ ослабляются и таютъ его главныя силы, онъ медлитъ выступленіемъ изъ подъ Краснаго, старается дать арміи роздыхъ, а преслѣдованіе непріятели предоставляетъ только казакамъ и партизанамъ.

Далѣе, выступивъ изъ Краснаго, онъ двигается медленно, дѣлая частыя дневки. „Я хочу—говоритъ онъ—чтобы Европа видѣла, что существованіе нашей главной арміи есть дѣйствительность, а не призракъ или тѣнь. Хотя армія и ослабѣетъ отъ похода, но мѣсяцъ отдыха на хорошихъ квартирахъ возстановитъ её. Только сильная армія можетъ накренить вѣсы и заставить Германію перейти на нашу сторону“.

Объ этихъ словахъ Кутузова свидѣтельствуется князь Голицынъ, его безсмѣнный ординарецъ въ Отечественную войну.

Повидимому, Свѣтлѣйшій въ это время примирился съ мыслью о неизбежности продолженія войны за интересы Европы и поэтому отстаивалъ цѣлость и неприкосновенность своей арміи уже въ интересахъ этой будущей борьбы.

Но вотъ 15 ноября въ селѣ Кругломъ Кутузовъ получаетъ донесеніе Витгенштейна и Платова, которые раскрываютъ ему глаза на критическое, почти безвыходное положеніе Наполеона.

Онъ узнаетъ, что армія Чичагова прибыла на Березину, что Домбровскій разбитъ и отброшенъ на лѣвый берегъ рѣки, что Борисовская переправа въ нашихъ рукахъ, что Витгенштейнъ перешелъ въ наступленіе, тѣсня Виктора, и что 18-го онъ ночевалъ въ Баранахъ.

Всѣ эти дѣйствія убѣждаютъ Кутузова, что конечная цѣль плана Императора Александра, противъ его ожиданій, достижима и даже близка къ осуществленію.

„Ваше Сіятельство усмотрѣть можете, — пишетъ онъ Витгенштейну — сколь пагубно есть положеніе Наполеона, соединившагося съ Викторомъ, и что одна главнѣйшая цѣль всѣхъ нашихъ дѣйствій есть истребленіе врага до послѣдней черты возможности, и потому не могу я еще рѣшиться отдѣлать васъ со ввѣреннымъ вамъ корпусомъ отъ того театра войны, гдѣ рѣшительные удары непріятелю нанесены быть должны, отъ коихъ зависитъ, можетъ быть, благоденствіе не одного народа русскаго, но и всѣхъ народовъ Европы“.

Но къ сожалѣнію Кутузовъ былъ слишкомъ удаленъ отъ того рѣшительнаго пункта, гдѣ готовилась развязка всей войны. Если и не было физической возможности поспѣть туда со всею арміею, — въ чемъ пожалуй, даже и не встрѣчалось необходимости, такъ какъ соединенныя силы Витгенштейна и Чичагова и теперь болѣе чѣмъ вдвое превосходили непріятельскія, — то прибытіе самого главнокомандующаго къ этому рѣшительному пункту могло бы принести громадную помощь дѣлу.

Кутузовъ былъ, повидимому, слишкомъ увѣренъ въ томъ, что существованію французской *арміи* будетъ положенъ конецъ на берегахъ Березины, по крайней мѣрѣ онъ спѣшитъ, того же 15 ноября, донести Государю, что „сходно предписаніямъ выполняется общій планъ Вашего Императорскаго Величества“ и, опи-

савъ общую группировку силъ обѣихъ сторонъ, прибавляетъ: „Такое критическое положеніе непріятели, окруженнаго ото- „всюду, предвѣщаетъ нѣкоторыя послѣдствія“.

Надежду фельдмаршала раздѣляли не только его ближайшіе сотрудники, но и вся армія до послѣдняго солдата.

„Полагали, что Наполеонъ и вся его армія окружены, и на „Березинѣ будетъ конецъ и имъ, и войнѣ“, пишетъ одинъ изъ участниковъ.

„Объ этомъ знали не только офицеры, но и солдаты и по- „тому, несмотря на всѣ трудности, шли бодро и весело, даже „пеняли на фельдмаршала за то, что тихо идемъ“, пишетъ другой.

А между тѣмъ, на Березинѣ, какъ мы знаемъ, въ теченіе двухъ дней, потребныхъ на передачу Кутузову вышеприведенныхъ свѣдѣній, положеніе вещей радикально измѣнилось.

Чичаговъ — пришедшій къ Березинѣ съ силами почти вдвое меньшими, чѣмъ было предположено — съ потерей лѣваго берега былъ лишень свѣдѣній о противникѣ и, поставленный въ положеніе слѣпца, легко подверженъ всякаго рода заблужденіямъ.

Искусныя демонстраціи противника, а также извѣщенія Витгенштейна, сбили его съ толку, и онъ стянулъ почти всѣ силы на нижнемъ теченіи Березины, открывая прямой путь на Вильну.

Въ то же время Витгенштейнъ, обманутый направленіемъ отступленія Виктора и ошибочными донесеніями своихъ передовыхъ войскъ, совершаетъ движеніе, параллельное движенію французскихъ корпусовъ, стягивающихся къ переправѣ...

Получается курьезная картина: французы движутся черезъ Борисовъ и далѣе берегомъ рѣки съ юга на сѣверъ къ Студенкѣ, а русскіе, мимо ихъ проходятъ съ сѣвера на югъ и только наталкиваются на хвостовыя части непріятели въ Старомъ Борисовѣ.

Пользуясь этимъ, Наполеонъ переправляется 14 ноября черезъ Березину у Студенки и утверждаетъ на противоположномъ берегу, а на слѣдующій день продолжаетъ переправу.

Чичаговъ, узнавъ объ этомъ, притягиваетъ снова свои силы къ Борисову, но, не имѣя свѣдѣній о приближеніи Кутузова и Витгенштейна и опасаясь открыть противнику дорогу на Минскъ, теряетъ цѣлый день въ бездѣйствіи; Витгенштейнъ же продолжаетъ свое ошибочное движеніе и успѣваетъ только отрѣзать непріятельскую хвостовую дивизию.

Бои 16 ноября на обоих берегах Березины ведутся безъ общаго руководства и не имѣютъ между собой никакой связи. И Чичаговъ, и Витгенштейнъ, оба дѣйствуютъ нерѣшительно и вводятъ въ дѣло половину своихъ силъ.

Въ результатъ, хотя 17 ноября берега Березины оставляютъ жалкіе обломки когда то „великой арміи“, но полнаго ея уничтоженія и, главное, плѣненія самого полководца съ его штабомъ не достигнуто. *Мозгъ* арміи спасся.

Несомнѣнно, что обаяніе личности Наполеона и опасеніе встрѣчи съ этимъ дотолѣ непобѣдимымъ полководцемъ одинъ на одинъ сдѣлали свое дѣло на берегахъ Березины. По этому поводу Клаузевицъ — какъ мы уже приводили раньше, — мѣтко выразился, что Наполеонъ „воспользовался здѣсь давно отложеннымъ капи-„таломъ — славою прежнихъ побѣдъ“.

Общественное мнѣніе Россіи, при вѣсти о томъ, что Наполеону все-таки удалось, хотя и съ огромными жертвами, переправиться черезъ Березину, приняло это, какъ неудачу.

Благопріятный поворотъ войны со времени выхода французовъ изъ Москвы и все возроставшіе успѣхи породили увѣренность, что Наполеону съ его арміей нельзя избѣжать гибели...

Крыловскую басню „Волкъ на псарнѣ“ повторяли тогда отъ мала до велика, и всѣ были убѣждены, что „сѣдой“ ловчій — Кутузовъ и его „стая гончихъ“ затравятъ матерого волка...

Но этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Волкъ, истерзанный, израненный, полуиздохшій, но все-таки — ушелъ...

Какъ всегда бываетъ, общественное мнѣніе искало виновника неудачи, и, вполне естественно, всѣ обрушились на адмирала Чичагова.

Заслуги Кутузова передъ отечествомъ въ тяжкую годину ниспосланныхъ ему испытаній были слишкомъ велики, чтобы подобное обвиненіе могло его коснуться. Витгенштейнъ же предшествовавшими своими успѣхами, особенно подкупившими современниковъ тѣмъ, что они имѣли мѣсто въ то время, когда умы угнетены были нашимъ безостановочнымъ отступленіемъ къ Москвѣ, создалъ себѣ въ общественномъ мнѣніи громкую репутацію, которая на берегахъ Березины упрочилась еще внѣшнимъ блескомъ плѣненія цѣлой неприятельской дивизіи.

**Генералъ - лейтенантъ
А. А. Воиновъ.**

Чичаговъ такихъ заслугъ за собою не имѣлъ; къ тому же, онъ былъ морякъ, человѣкъ къ военнымъ дѣйствіямъ на сухомъ пути не подготовленный, хотя умъ и способности его были извѣстны и испытаны неоднократно...

Положеніе его на самомъ пути отступленія французовъ, неудача его въ Борисовѣ и ошибочное (какъ казалось) уклоненіе на югъ — все это было, въ глазахъ современниковъ, достаточно-основательными причинами, чтобы вину въ томъ, что Наполеону удалось избѣгнуть грозившей ему участи, — взвалить на одного только Чичагова.

Тотъ же Крыловъ, поспѣшилъ ѣдко осмѣять адмирала въ извѣстной своей баснѣ „Щука и котъ“.

Самъ Кутузовъ, въ первую минуту, взглянулъ на дѣло точно также. Въ своемъ донесеніи Императору Александру, написанномъ немедленно послѣ переправы, фельдмаршалъ ставилъ въ вину адмиралу нижеслѣдующее:

„Вашему Императорскому Величеству извѣстно уже, — писалъ „Кутузовъ — какія были сдѣланы мною распоряженія къ пораженію непріятели на рѣкѣ Березинѣ, но хотя потеря его на сей рѣкѣ весьма велика, какъ Ваше Величество изъ донесеній, отправленныхъ съ ген.-ад. княземъ Волконскимъ, усмотрѣть изволите, и хотя я уповаю, что сей очевидецъ важныхъ ошибокъ адмирала Чичагова не упустилъ изустно о томъ доложить, однако и я долгомъ почитаю всеподданнѣйше донести, что г. Чичаговъ, не взирая на то, что быстрымъ и храбрымъ дѣйствіемъ ген.-л. графа Ламберта отняты у непріятели сильныя на правомъ берегу Березины укрѣпленія, и что сей берегъ, равно и весьма извѣстный трудный и длинный между Веселовымъ и Зембинымъ дефилей даютъ удобнѣйшіе способы къ упорнѣйшему препятствію всякой чрезъ Березину переправы, сдѣлалъ слѣдующія важныя ошибки:

1) „Вмѣсто того, чтобы занять превыгодный правый берегъ Березины, переправилъ онъ часть своихъ войскъ на лѣвый и расположилъ главную свою квартиру въ Борисовѣ, лежащемъ въ котлѣ, со всѣхъ сторонъ горами окруженномъ. Неизбѣжное послѣдствіе сего должно быть и дѣйствительно было пожертво-

„ваніе многихъ храбрыхъ воиновъ Вашего Императорскаго Величества и потеря всего при главной квартирѣ обоза, ибо авангардъ подъ командою графа Палена, будучи встрѣченъ въ десяти верстахъ отъ Борисова всею ретирующеюся непріятельскою армією, привелъ оную на плечахъ своихъ въ Борисовъ въ то время, когда въ ономъ главнокомандующій спокойно объездилъ“.

2) „Высокій и узкій на сваяхъ мостъ и плотина надъ рѣчкою Зайкою (Гайною), длиною до 300 сажень, не былъ истребленъ, и непріятель имъ воспользовался, хотя войска адмирала Чичагова были на Березинѣ 4 дня прежде непріятели“.

3) „Непріятель строилъ мостъ, началъ и продолжалъ свою переправу болѣе сутокъ, прежде нежели адмиралъ Чичаговъ о томъ зналъ, хотя все ему наблюдаемое разстояніе было не болѣе 20 верстъ, а узнавъ о сей переправѣ, хотя подвинулся къ мѣсту онаго, но, будучи встрѣченъ непріятельскими стрѣлками, не атаковалъ ихъ большими массами, а довольствовался дѣйствіемъ весь день 16 ноября двумя пушками и стрѣлками, черезъ что не только не удержалъ ретираду непріятели, но еще и самъ имѣлъ чувствительный уронъ“.

Но впослѣдствіи Кутузовъ, ближе ознакомившись съ дѣломъ, измѣнилъ свой взглядъ. Уже 28 ноября онъ писалъ Чичагову (къ которому вообще не чувствовалъ особаго личнаго расположенія): „Благодарю Васъ, милостивый государь мой Павелъ Васильевичъ, за все то, что произошло со времени сближенія Вашего съ нами и, наконецъ, благодарю Васъ за Вильну. Лестно всякому имѣть такого сотрудника и такого товарища, какого я имѣю въ Васъ“.

Помянутый уже нами выше безсмѣнный ординарецъ Кутузова князь Голицынъ въ своихъ запискахъ пишетъ:

„Когда впослѣдствіи обнаружилась дѣйствія всѣхъ главныхъ начальниковъ нашихъ, онъ (Кутузовъ) меньше всего винилъ Чичагова... Но Кутузовъ обвинялъ во всемъ Витгенштейна, который, изъ самолюбія и нежеланія подчиниться Чичагову, изобрѣлъ множество предлоговъ не исполнить Высочайшаго назначенія идти за Березину“.

Изъ современниковъ горячимъ защитникомъ Чичагова явился Ермоловъ, который и возвысилъ голосъ въ его защиту.

Вотъ какъ онъ самъ повѣствуетъ о томъ въ своихъ запискахъ.

„Свидѣтель происшествій при Березинѣ, безъ малѣйшаго въ нихъ участія, безпристрастно излагаю я мои замѣчанія.

„Нѣтъ побуждающихъ причинъ говорить не въ пользу графа „Витгенштейна, извѣстнаго рыцарскими свойствами, предпріимчиваго на все полезное! Не соотвѣтствующія этому случайности „могли принадлежать постороннему внушенію.

„Адмиралъ Чичаговъ, при первомъ разговорѣ со мною, „выказался превосходнаго ума, и я чувствую съ негодованіемъ, „насколько бессильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него „обвиненій.

„Проходя съ отрядомъ моимъ по большой дорогѣ на Вильну, „на ночлегъ пріѣхалъ неожиданно князь Кутузовъ и расположился „отдохнуть. Немедленно явился я къ нему, и продолжительны „были разспросы его о сраженіи при Березинѣ. Я успѣлъ объяснить ему, что адмиралъ Чичаговъ не столько виноватъ, какъ „многіе представить его желаютъ. Не извинялъ я сдѣланной „ошибки движеніемъ къ Игумену; не скрылъ равномѣрно и графу „Витгенштейну принадлежащихъ. Легко могъ я замѣтить, до какой „степени простиралось неблагорасположеніе его (Кутузова) къ „адмиралу. Не нравилось, что я смѣлъ оправдывать его. Но въ „званіи моемъ неловко было рѣшительно пренебречь моими „показаніями, и князь Кутузовъ *не предпринялъ склонить меня „понимать иначе то, что я видѣлъ собственными глазами.* Онъ „принялъ на себя видъ чрезвычайно довольнаго тѣмъ, что узналъ „истину и увѣрялъ (хотя не увѣрилъ), что совсѣмъ другими глазами будетъ смотрѣть на адмирала, но что доселѣ готовъ былъ „встрѣтиться съ нимъ непріятнымъ образомъ. Онъ приказалъ мнѣ „представить записку о дѣйствіяхъ при Березинѣ, но чтобы никто „не зналъ о томъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что записка эта и доводы Ермолова (хотя послѣдній и сомнѣвался въ томъ) произвели во взглядахъ Кутузова на Чичагова тотъ именно переворотъ, о которомъ свидѣтельствуешь Голицынъ.

Другой видный военный дѣятель того времени, графъ Беннигсенъ, въ своихъ запискахъ, выражается по этому поводу еще опредѣленнѣе.

„Если бы всѣ, стоявшіе во главѣ операций, — пишетъ онъ — „были преданы военному суду, то самые строгіе судьи должны „были бы признать наименѣе виновнымъ адмирала Чичагова, „потому что онъ одинъ точно выполнилъ данныя ему предписанія и одинъ оказался на мѣстѣ, прибывъ на Березину ранѣе „французской арміи, чтобы встрѣтить ее и противодействовать ей „переправѣ“...“

Наконецъ, важно для насъ авторитетное мнѣніе Г. А. Леера, который приходитъ къ выводу, что „если Наполеонъ ушелъ хотя „съ горстью, то ясно, что вина въ этомъ отношеніи падаетъ не „на одного Чичагова“.

Несомнѣнно, что гораздо важнѣе большей быстроты движенія главной массы Кутузова къ Березинѣ было бы его *личное присутствіе* тамъ, гдѣ рѣшалась судьба операций, да и всей кампаніи, т. е. у самыхъ береговъ Березины. Передовыхъ частей Платова и Ермолова, поспѣвшихъ на поддержку Чичагова и Витгенштейна, было вполне достаточно, ибо и безъ нихъ на нашей сторонѣ было почти двойное превосходство силъ. Но силы эти дѣйствовали враздробь, тогда какъ, будь на лицо самъ маститый главнокомандующій, то это устранило бы не мало треній, внесло бы единство и согласіе въ дѣйствія, и, надо думать, что результатъ былъ бы иной...

Быть можетъ Кутузова, какъ не бывшаго составителемъ самого плана, не влекло взять въ свои руки и непосредственное руководство его исполненіемъ?

Какъ бы то ни было, но этотъ упрекъ, ставимый фельдмаршалу всѣми изслѣдователями Березинской операции, приходится признать справедливымъ.

* * *

Что же касается дѣйствій Наполеона въ Березинскую операцию, то въ нихъ геній этого великаго полководца проявилъ себя въ полномъ блескѣ.

Въ положеніи, изъ котораго, казалось, не было никакого выхода, съ истомленною бѣдственнымъ отступленіемъ и почти утратившею организацію арміей, обремененной огромными обозами и толпами отсталыхъ, почти безъ конницы и артиллеріи, этотъ необыкновенный человѣкъ съумѣлъ притянуть къ себѣ два болѣе свѣжихъ корпуса, искусно обмануть противниковъ, пользуясь промахомъ каждаго и, цѣною огромныхъ жертвъ, все-таки спасти остатки арміи.

Безъ успѣха, достигнутаго Наполеономъ на Березинѣ, не было бы возможно для него продолжать еще три года отчаянную борьбу со всею Европой. Спасся онъ самъ, спаслись всѣ лучшіе его маршалы и генералы, спаслись лучшіе офицеры и унтеръ-офицеры...

„Если Наполеонъ выпутается сегодня — въ немъ сидитъ самъ „чортъ“, сказалъ про него на Березинѣ маршалъ Ней...

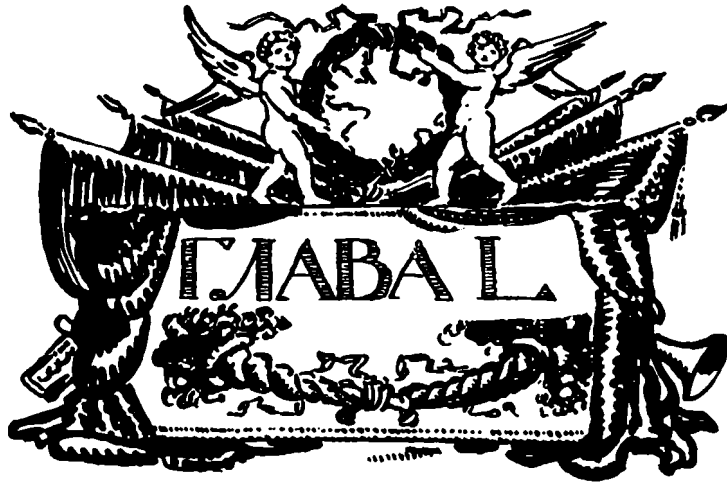
Конечно, много помогло успѣху счастливое стеченіе обстоятельствъ и вольныя и невольныя ошибки русскихъ военачальниковъ; но все же на долю искусства самого Наполеона слѣдуетъ отнести не мало. Будь на его мѣстѣ другой, заурядный полководецъ, ему никогда бы не съумѣть проявить столько находчивости, смѣлости и умѣнья руководить своими сподвижниками, поднявъ въ нихъ духъ и энергію до степени наивысшаго напряженія...

Въ этомъ отношеніи, по долгу справедливости, нельзя не преклониться передъ всѣми главными исполнителями Березинской переправы. Если худшіе элементы во французской арміи, — составляя, увы, *большинство*, — не будучи въ состояніи бороться съ инстинктомъ самосохраненія, постыдно побросавъ оружіе, превратились въ разнузданную толпу бродягъ, почти утратившихъ обликъ человѣческой и приблизившихся къ безсмысленнымъ животнымъ, — то, наоборотъ, тѣ немногіе, которые удержались въ рядахъ, — это были поистинѣ *жельзные люди*, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ...

Они и показали это на берегахъ Березины, гдѣ всѣ соперничали другъ съ другомъ въ самопожертвованіи. Въ особенности отличились французскіе понтонеры, какъ при наводкѣ мостовъ,

такъ и во время непрерывныхъ работъ по ихъ починкѣ. Достаточно сказать, что изъ ста человекъ понтонеръ выдержало эту адскую работу въ ледяной водѣ только двѣнадцать человекъ; остальные всѣ умерли...

Бѣгство французской арміи. Преслѣдованіе ея послѣ Березины. Дѣло при Молодечнѣ. 29-й бюллетень Наполеона и отъездъ его изъ арміи. Дивизія Луазона.

Занятіе нами Вильны. Остановка нашей арміи. Прибытіе Императора Александра. Состояніе русскихъ войскъ. Участъ раненныхъ и больныхъ французовъ.

альнѣйшее отступленіе французовъ послѣ Березинской переправы очень скоро совершенно утратило характеръ правильнаго воинскаго предпріятія, а превратилось въ простое безпорядочное бѣгство.

Наполеонъ, все-таки, рассчитывалъ сперва на то, чтобы по пути къ Вильнѣ нѣсколько приостановить бѣглецовъ и дать имъ оправиться; поэтому старался притянуть все, что еще оставалось у него въ тылу и на флангахъ. Такъ, остаткамъ баварцевъ Вреде, какъ извѣстно, отъ Полоцка перешедшимъ въ Докшицы, велѣно было двинуться къ Вилейкѣ, захватить тамъ переправу и, по возможности, заготовить для отступающихъ продовольствіе.

Шварценбергу предложено было сблизиться къ Нѣману и къ правому флангу арміи...

Но всѣ эти распоряженія, даже если бы они были исполнены, не могли уже поправить того, что навсегда погибло. Арміи, въ прямомъ смыслѣ этого слова, уже не было: она перестала существовать...

Чего не довершило наше оружіе на Березинскихъ берегахъ, то додѣлалъ въ нѣсколько дней морозъ...

Стужа только теперь сдѣлалась дѣйствительно жестокой: морозы усилились до 27 и болѣе градусовъ и превратили жалкіе остатки когда то грозной арміи въ безформенную толпу нищихъ, укутанныхъ въ грязныя рубища, въ которой нельзя было различить солдатъ отъ офицеровъ.

Бѣдствія сравнивали всѣхъ. Исчезла всякая разница между войсками, прибывшими изъ Москвы, и болѣе свѣжими корпусами Удино и Виктора, вынесшими на себѣ всю тяжесть обороны Березинской переправы. Стройныхъ, повинующихся командамъ и приказаніямъ, двигающихся рядами, войскъ, уже не было... Да никто не отдавалъ этихъ приказаній и некому ихъ было отдавать... Все смѣшалось въ безпорядочную толпу, въ которой повозки и орудія слѣдовали въ перемѣшку съ людьми, грозя ежеминутно раздавить ихъ...

На узкихъ гатяхъ и мостахъ долины рѣчки Гайны множество людей было сброшено во рвы и болота и потонуло...

Войска совершенно потеряли воинскій видъ: нельзя было отличить солдата отъ офицера. Всѣ походили на оборванныхъ нищихъ, укутанныхъ во что попало; обувь почти у всѣхъ отсутствовала; ноги были обернуты обрывками одѣялъ, конскими шкурами, обвязаны лыками, веревками. Неосторожно согрѣвавшіеся у бивачныхъ костровъ гибли въ жестокихъ мученіяхъ; другіе, пораженные безчувствіемъ, засыпали навѣки.

Не было никакихъ лечебныхъ средствъ или докторовъ. Всякій былъ предоставленъ самому себѣ. Умирающихъ, въ которыхъ теплилась еще искра жизни, безжалостно раздѣвали, чтобы подѣлить между собою жалкія отрепья, которыми были они укрыты...

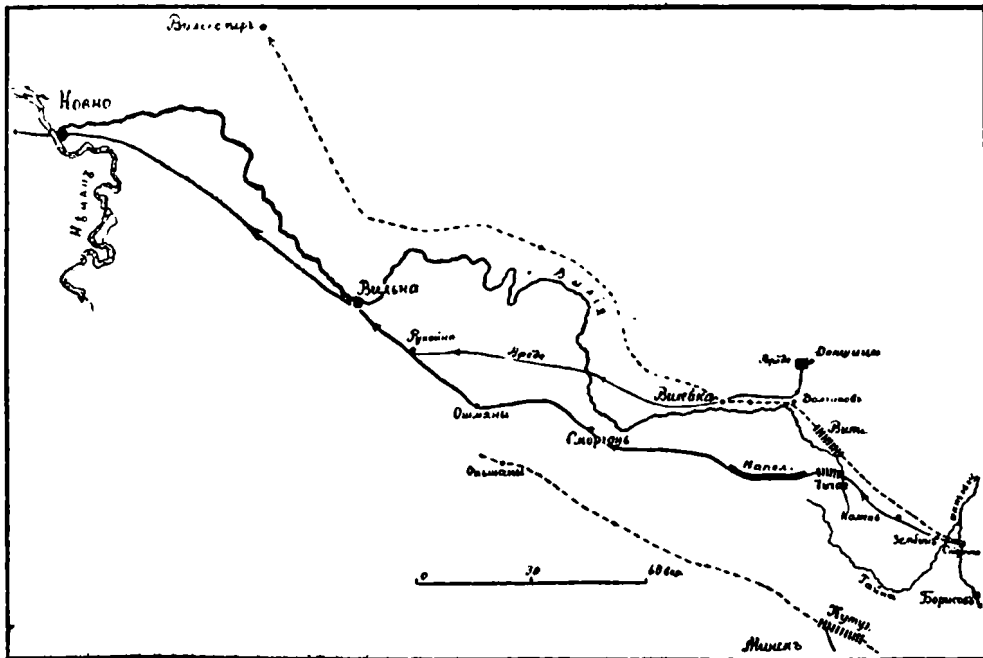
Стоило вблизи появиться горсти казаковъ или дружинѣ крестьянъ, вооруженныхъ просто дубинами, тотчасъ безотчетный страхъ поражалъ нѣкогда храбрыхъ воиновъ, и они сотнями и тысячами отдавались въ плѣнъ.

Только одна старая гвардія Наполеона сохранила еще нѣкоторое подобіе порядка; но ряды ея быстро рѣдѣли, и число бойцовъ уменьшалось съ каждымъ часомъ...

* * *

Главною цѣлью при дальнѣйшемъ преслѣдованіи остатковъ французской арміи отъ береговъ Березины было поставлено — не допустить соединенія этихъ остатковъ съ уцѣлѣвшими еще боковыми корпусами — Макдональда съ одной и Шварценберга и Ренье съ другой стороны.

Схема преслѣдованія до Вильны.

На совѣщаніи нашихъ военачальниковъ, войска которыхъ собрались на Березинѣ, рѣшено было, что непосредственное преслѣдованіе остатковъ „великой арміи“ возьметъ на себя Чичаговъ; Витгенштейнъ былъ направленъ сѣвернѣе, чтобы отрѣзывать противника отъ Макдональда; южнѣе пошелъ Платовъ, чтобы закрывать пути на Минскъ, т. е. преграждать связь съ Шварценбергомъ. Позднѣе по тому же направленію двинулись и главныя силы Кутузова.

Кутузовъ, когда получилъ донесеніе объ этихъ распоряженіяхъ, съ своей стороны дополнилъ ихъ слѣдующими приказаніями:

1) Адмиралу Чичагову велѣно какъ можно быстрѣе настигать бѣгущаго непріятели.

2) Платову приказано опередить послѣдняго и преградить его головнымъ колоннамъ путь отступленія.

3) Графу Витгенштейну направляться на Вилейку—Нѣменчинъ, и

4) главной арміи, въ предшествіи авангарда Милорадовича, перейти Березину у Жуковецъ и взять направленіе на Ольшаны, при чемъ лѣвѣе (южнѣе) ея въ видѣ бокового авангарда, двинуть былъ отрядъ генераль-адъютанта Ожаровскаго.

Партизанамъ Давыдову и Сеславину поручено было произвести поискъ прямо на Ковну и истребить собранные тамъ непріятельскіе запасы.

Бывшему корпусу Эртеля, которымъ теперь командовалъ генераль-маіоръ Тучковъ, уже двинувшійся отъ Бобруйска къ Рогачеву, велѣно было идти кратчайшимъ путемъ къ Минску и затѣмъ на присоединеніе къ Чичагову.

Изъ Бобруйска къ Минску двинуты значительные транспорты продовольствія. Ополченія изъ Малороссіи расположены въ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской, по Воляни и въ Бѣлоруссіи. Часть Московскаго ополченія образовала гарнизоны въ Оршѣ и Борисовѣ. Часть Калужскаго и Тульскаго ополченій придвинута для той же цѣли въ Бобруйскъ и Минскъ. Владимірское ополченіе перешло въ Москву, а Смоленское осталось въ окрестностяхъ Смоленска...

Авангардъ Чичагова, подъ начальствомъ Чаплица, едва только французы миновали Зембинское дефиле, четыре дня подрядъ, 18, 19, 20 и 21 ноября атаковалъ непріятельскій арьергардъ, которымъ начальствовалъ маршалъ Викторъ, и каждый разъ въ его руки доставалось множество плѣнныхъ и трофеевъ. Всего за эти дни непріятель потерялъ 4 тысячи плѣнныхъ, 23 орудія и 2 штандарта.

Въ то же время отрядъ генераль-адъютанта П. Кутузова, направленный изъ Лепеля на Докшицы, настигъ 20 ноября у Долгинова, на пути къ Вилейкѣ, баварцевъ Вреде и нанесъ ихъ арьергарду пораженіе, захвативъ семьсотъ плѣнныхъ.

22 ноября главная квартира Наполеона дошла до Сморгони. Въ этотъ же день у Молодечны Викторъ былъ снова настигнутъ нашими передовыми войсками, часть которыхъ ночью перешла рѣчку Ушу (на которой Викторъ уничтожилъ мосты) по найденной въ лѣсу плотинѣ, отрѣзала часть непріятельскаго арьергарда и заняла на утро Молодечну.

Французы почти совершенно не защищались, цѣлыми толпами бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ.

На послѣднемъ переходѣ къ Молодечнѣ Наполеонъ велѣлъ уничтожить всѣ орлы и древки знаменъ и зарыть ихъ; офицерамъ приказано было вооружиться ружьями, но это распоряженіе не могло быть исполнено, такъ какъ почти не осталось ни офицеровъ, ни солдатъ, способныхъ дѣйствовать какимъ бы то ни было оружіемъ.

Видя полную гибель арміи и чувствуя неизбѣжную необходимость создать какъ можно скорѣе новую для продолженія неминуемой борьбы, Наполеонъ рѣшилъ уѣхать въ Парижъ. Передъ этимъ, еще въ Молодечнѣ, онъ издалъ 21 ноября свой знаменитый 29-й бюллетень, въ которомъ впервые болѣе или менѣе откровенно сознался въ бѣдственномъ положеніи своихъ войскъ.

Вообще, какъ мы уже видѣли, Наполеонъ никогда не стѣснялся въ этихъ бюллетеняхъ свободно обращаться съ истиной. Правда, не одинъ онъ пользовался этимъ средствомъ, но едва ли кто въ этомъ отношеніи превзошелъ его въ умѣнѣ преувеличивать свои успѣхи и скрывать неудачи.

„Il ment, comme un bulletin“ (онъ лжетъ, какъ бюллетень) — обратилось у французовъ въ поговорку.

До сихъ поръ во всѣхъ извѣстіяхъ съ театра войны 1812 года прославлялись побѣды французовъ, а положеніе „великой арміи“ самыми яркими красками выставлялось блистательнымъ.

Въ такомъ родѣ былъ и предпослѣдній 28-й бюллетень, подписанный въ Смоленскѣ 30 октября. Правда, въ немъ упоминалось о наступленіи зимы и о потерѣ трехъ тысячъ подъемныхъ лошадей; зато сраженія при Вязьмѣ и второе сраженіе при Полоцкѣ выставлены блестящими побѣдами французскаго оружія, а отступленіе Сень-Сира представлено подъ видомъ его движенія навстрѣчу Виктору.

*

Но далѣе уже нельзя было скрывать правды, когда жалкіе остатки „великой арміи“ возвратились въ ту самую Литву, откуда она выступила еще пять мѣсяцевъ тому назадъ огромнымъ, грознымъ и по внѣшности блестящимъ воинствомъ.

Повторивъ сперва сказанное въ предыдущемъ бюллетенѣ о наступленіи стужи, Наполеонъ (лично диктовавшій этотъ бюллетень) говорить въ немъ такъ:

„... Правое крыло нашей арміи *), оставя операціонную „линію, проходящую черезъ Минскъ, приняло основаніемъ дѣйствій „Варшаву. Императоръ, получивъ о томъ свѣдѣніе въ Смоленскѣ „9 ноября (н. стили), разгадалъ намѣренія непріятели, и какъ ни „было тяжело выступить въ столь суровое время года, однако же „онъ по необходимости на то рѣшился, въ надеждѣ предупредить непріятели въ Минскѣ, либо, по крайней мѣрѣ, на Березинѣ; выступя 13-го изъ Смоленска, онъ имѣлъ ночлегъ 16-го „въ Красномъ.

„Между тѣмъ, стужа, начавшаяся 7-го, внезапно усилилась; „15-го и 16-го было отъ 16 до 18 градусовъ (по Цельсію) ниже „точки замерзанія. Дороги покрылись гололедицею; лошади погибали каждую ночь не сотнями, а тысячами; въ нѣсколько дней „ихъ пало болѣе тридцати тысячъ; кавалерія принуждена была „спѣшиться; артиллерія и обозы остались безъ лошадей; пришлось бросить, либо истребить значительную часть орудій, снарядовъ и запасовъ. Армія, столь прекрасная 6 ноября, 14-го „уже не имѣла почти вовсе ни кавалеріи, ни артиллеріи, ни обозовъ. Не имѣя конницы, не было возможности и за версту „высылать разъѣзды; безъ артиллеріи — нельзя было принять сраженія: надлежало отступать, уклоняясь отъ боя, котораго мы не „могли желать по недостатку зарядовъ. Необходимо было занимать довольно большое пространство, чтобы не позволить русскимъ обойти насъ, а мы не имѣли кавалеріи, которая развѣдывала бы о непріятелѣ и сохранила бы связь между нашими колоннами. Такія неудобства, вмѣстѣ съ чрезвычайною, внезапно „наступившею стужею, сдѣлали положеніе наше невыносимымъ. „Люди, не одаренные отъ природы способностью переносить всѣ превратности судьбы и счастья, лишились бодрости и помышляли

*) Т. е. корпуса Шварценберга и Ренье.

„только о напастяхъ и бѣдствіяхъ; тѣ же, которыхъ твердость духа „ставила выше обстоятельствъ, сохранили обычную свою веселость и находили славу въ преодоленіи предстоявшихъ имъ трудностей.

„Непріятель, видя по дорогамъ слѣды ужасныхъ напастей, „угнетавшихъ французскую армію, старался тѣмъ воспользоваться „и окружалъ со всѣхъ сторонъ наши колонны казаками, которые, „подобно Аравитянамъ въ пустынѣ, отхватывали обозы. Эта негодная конница, которая не въ состояніи сдѣлать ничего, кромѣ „шума и не можетъ прорвать даже одной роты стрѣлковъ, сдѣлалась грозною въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія мы были „поставлены“.

Далѣе Наполеонъ описывалъ, совершенно расходясь съ дѣйствительностью, дѣло подъ Краснымъ и Березинскую переправу, а затѣмъ извѣщалъ, что войскамъ его нужно возстановить дисциплину, оправиться, снабдить лошадьми конницу и артиллерию, такъ что отдыхъ является главною потребностью для арміи.

Приказавъ дивизіи Луазона (10 тысячъ) изъ корпуса Ожеро, находившейся въ Вильнѣ, выступить навстрѣчу арміи въ Ошмяны, Наполеонъ, 23 ноября, переѣхалъ въ Сморгонь. Здѣсь онъ собралъ къ себѣ Мюрата, вице-короля, Бертье и всѣхъ прочихъ маршаловъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи уѣхать въ Парижъ, оставивъ своимъ замѣстителемъ Мюрата.

„Я оставляю Васъ для того, — сказалъ онъ, — чтобы привести „триста тысячъ солдатъ. Необходимо стать въ такое положеніе, „чтобы мы могли вести вторую кампанію, ибо впервые война не „кончилась одною кампаніей“. Затѣмъ въ длинной рѣчи онъ сдѣлалъ обзоръ всей войны, приходя къ заключенію, что причинами неудачи были: пожаръ Москвы, страшные морозы, наконецъ — низкіе происки, быть можетъ даже измѣна. Тутъ онъ, очевидно, намекалъ на Шварценберга, явно уклонявшагося отъ соединенія съ „великой арміей“.

Въ данной Мюрату инструкціи, заключались слѣдующія распоряженія: „Собрать армію въ Вильнѣ, держаться въ этомъ городѣ, „занявъ зимнія квартиры: австрійцамъ на Нѣманѣ, прикрывая „Брестъ, Гродно и Варшаву, а прочимъ войскамъ — у Вильны и „Ковны. Въ случаѣ наступленія русскихъ и невозможности оставаться впереди Нѣмана, правому крылу прикрывать Варшаву, а

„если можно, то и Гродно, а остальнымъ войскамъ стать по лѣ-
 „вому берегу Нѣмана, занимая Ковно въ видѣ мостового укрѣ-
 „пленія. Собрать большіе запасы провіанта въ Кенигсбергѣ, Дан-
 „цигѣ, Варшавѣ и Гроднѣ; вывезти все изъ Вильны и Ковны,
 „чтобы облегчить движеніе войскъ; наиболѣе же цѣнныя вещи
 „отправить въ Данцигъ“.

Однако въ предписаніи, данномъ Бертье и сопровождавшемъ
 эту инструкцію, было сказано, что король Неаполитанскій воленъ
 дѣлать въ ней всѣ измѣненія въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Въ тотъ же день въ 11 часовъ ночи Наполеонъ, въ сопро-
 вожденіи Коленкура, выѣхалъ изъ Сморгони; морозъ доходилъ
 до 20°. Бертье приказано было сперва объявить, что императоръ
 уѣхалъ, чтобы стать во главѣ корпусовъ австрійскаго и саксон-
 скаго, а только дней черезъ 5—6 объявить истину.

Но стоило узнать войскамъ объ отъѣздѣ императора, какъ
 уже истина немедленно всплыла наружу. Послѣдняя спайка, сдер-
 живавшая обломки „великой арміи“, исчезла. Озлобленные неслы-
 ханными бѣдствіями несчастные люди сыпали проклятіями на го-
 лову своего еще недавно до самозабвенія обожаемаго кумира и
 вопіяли: „Онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ изъ Египта; онъ оставляетъ
 „насъ, предавъ гибели“.

Однако, въ сущности Наполеонъ былъ правъ. Зная, что
 дальнѣйшая борьба неизбежна, а армія погибла, онъ долженъ
 былъ позаботиться о томъ, чтобы приготовить для этой борьбы
 новыя силы, для чего безусловно необходимо было какъ можно
 скорѣе возвратиться во Францію.

Въ день отъѣзда Наполеона Луазонъ со своею дивизіей
 прибылъ въ Ошмяны. Партизанскій отрядъ Сеславина, раскрывъ
 его присутствіе здѣсь, обошелъ городъ и расположился верстахъ
 въ шести отъ большой дороги. Только впослѣдствіи онъ узналъ
 о проѣздѣ мимо него Наполеона, котораго онъ имѣлъ полную
 возможность захватить.

Дивизія Луазона состояла исключительно изъ войскъ Рейн-
 скаго союза и итальянцевъ. Преданность этихъ войскъ Наполеону
 была вообще довольно сомнительна, а вѣсть о катастрофѣ, по-
 стигшей армію, повліяла на нихъ самымъ угнетающимъ образомъ.
 Дезертирство производилось ежедневно массами, такъ что уже

**Генералъ-отъ-кавалеріи
И. О. Чернозубовъ 4-й.**

въ Ошмянахъ изъ десяти тысячной дивизіи осталось не болѣе 3 тысячъ человекъ. Поэтому пользы отъ этого подкрѣпленія не было никакой.

Подходя къ Сморгони, арьергардъ Виктора былъ снова 24-го числа атакованъ Чаплицемъ и совершенно уничтоженъ и разсѣянъ. Взято три тысячи плѣнныхъ и 25 орудій.

24-го числа главная квартира Кутузова передвинулась въ Радошкевичи, къ авангарду Милорадовича, а командованіе главными силами возложено на Тормасова.

До Ошмянъ французы отступали безъ всякаго тылового прикрытія; только здѣсь, 27 ноября, возложены на остатки дивизіи Луазона обязанности арьергарда, въ командованіе которымъ вступилъ опять таки Викторъ. Но и этотъ новый арьергардъ существовалъ очень недолго; Чаплицъ преслѣдовалъ его до Мѣдниковъ, отбилъ въ непрерывныхъ бояхъ 16 орудій и до 1.300 человекъ плѣнныхъ, послѣ чего Викторъ уклонился къ Рукойнамъ, гдѣ соединился съ остатками баварской дивизіи Вреде, въ которой уцѣлѣло еще около двухъ тысячъ человекъ, послѣ того какъ у Долгинова ей нанесли поражение передовыя войска Витгенштейна...

Виктору было приказано Мюратомъ удерживаться какъ можно долѣе въ занятой имъ позиціи. Но достаточно было смѣлаго налета небольшого партизанскаго отряда Сеславина (у котораго, впрочемъ, было нѣсколько пушекъ, поставленныхъ на полозья), чтобы Викторъ, потерявъ свои шесть орудій, отступилъ къ Вильнѣ.

Истощенные голодомъ, холодомъ и утомленіемъ отъ непрерывнаго похода несчастные бѣглецы потеряли всякій человѣческій образъ, и для нихъ теперь единственнымъ просвѣтомъ, единственною слабою надеждою на спасеніе было слово: Вильна.

Тамъ рассчитывали найти продовольствіе, отдыхъ и, если не полное прекращеніе, то хотъ уменьшеніе бѣдствій.

Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, Вильна была обильно снабжена всякаго рода продовольственными и иными запасами; но вѣсти, доходившія до города объ ужасномъ состояніи французской арміи и неслыханныхъ грабежахъ, которымъ она предавалась, поселили въ виленцахъ панику. Наболѣе состоятельные жители и большинство мѣстныхъ властей поспѣшили скрыться...

Мюратъ, опередивъ армію, постарался принять мѣры для защиты города и правильной раздачи запасовъ; но голодные, отвыкшія отъ всякаго повиновенія, толпы бѣглецовъ прямо ворвались въ городъ, силою овладѣли магазинами, и начался повальный грабежъ!...

Городъ сразу измѣнилъ свою физіономію, переполнившись массами когда то блестящихъ воиновъ, теперь напоминавшихъ привидѣнія; многіе изъ нихъ, проходя по улицамъ, падали и умирали отъ истощенія и стужи...

А между тѣмъ русскіе ужъ были близко... Надо было во что бы то ни стало удержать ихъ. Ней собралъ остатки дивизій Луазона и Вреде, присоединилъ къ нимъ отдѣльныхъ людей, способныхъ носить оружіе, и съ этимъ сборнымъ арьергардомъ пробовалъ задержать преслѣдующихъ. Неустрашимый герой сдѣлалъ все, что только было въ человѣческихъ силахъ; но всѣ старанія его были напрасны...

Множество отсталыхъ не могли быть высланы изъ Вильны Неемъ, и послѣдній отступилъ, оставивъ ихъ на произволъ судьбы.

Характерно, что мѣстные евреи, до ухода французовъ скрывавшіеся въ подвалахъ, высыпали теперь на улицы и, бросаясь на наступавшихъ бѣглецовъ, безжалостно убивали ихъ...

На разсвѣтъ 28 ноября наша головная конница, подъ начальствомъ Орлова-Денисова, заняла Вильну. Въ наши руки, не считая огромныхъ запасовъ, которыхъ непріятель не успѣлъ уничтожить, досталось болѣе *четырнадцати тысячъ* плѣнныхъ, 140 орудій и нѣсколько знаменъ и штандартовъ.

За Вильною въ шести верстахъ французы принуждены были взбираться на крутую, обледенѣвшую гору. Гололедица не позволяла лошадямъ вскарабкаться на эту крутизну: онѣ скользили и падали.

По этой причинѣ здѣсь скопилось множество повозокъ. Арьергардъ Нейя попытался было задержать преслѣдующихъ, но былъ сбитъ. Тогда остервенѣлые солдаты, видя, что все пропало, и зная, что въ нѣкоторыхъ повозкахъ везется казна Наполеона, бросились грабить ихъ... Но тутъ же налетѣли наши донцы, и изъ одиннадцати милліоновъ франковъ, бывшихъ здѣсь, удалось спасти только около четырехъ; остальное было частью разграблено мародерами, частью досталось станичникамъ въ добычу.

Отступление французской армии через Вильно въ 1812 г.

Съ литографіи, сдѣланной съ рисунка
съ натуры Давіела.

По занятіи Вильны Кутузовъ перенесъ въ нее свою главную квартиру; здѣсь онъ пріостановилъ главныя силы всѣхъ колоннъ, послѣ чего арміи расположены были за Нѣманомъ на широкихъ квартирахъ, а преслѣдованіе бѣгущихъ было предоставлено только конницѣ, т. е. казакамъ Платова и авангардамъ Витгенштейна и Чичагова.

Рѣшеніе это вызвано громадными потерями, понесенными нашими арміями во время преслѣдованія, что свидѣтельствуется всеподданнѣйшею запискою Кутузова, представленною Государю при рапортѣ отъ 7 декабря 1812 года.

Согласно этой запискѣ оказывалось, что главныя силы Кутузова, насчитывавшія при выходѣ изъ Тарутина свыше *ста* тысячъ человекъ при 622 орудіяхъ, теперь имѣли всего около *сорока двухъ тысячъ* при 200 орудіяхъ; прочія были оставлены позади, вслѣдствіе потери лошадей или недостатка прислуги.

Въ госпиталяхъ лежало больныхъ и раненыхъ *сорокъ восемь тысячъ*; *двѣнадцать тысячъ* убито было въ бояхъ или умерло отъ болѣзней; особенно пострадала конница. Казачьи полки въ лучшемъ случаѣ имѣли въ каждомъ до полутора ста коней, т. е. уменьшились до нормальной численности эскадрона; а нѣкоторые полки регулярной конницы еще болѣе порѣдѣли и имѣли не болѣе *шестидесяти* всадниковъ, т. е. менѣе полуэскадрона.

Что касается арміи Чичагова, то она тоже уменьшилась на половину, т. е. до 17 тысячъ. Лучше другихъ сохранилъ свои силы Витгенштейнъ, у котораго вмѣсто прежнихъ 40 тысячъ было все же 34 тысячи...

Причиною такихъ огромныхъ потерь была страшная болѣзненность, зависѣвшая, помимо трудностей усиленных переходовъ и начавшейся послѣ Березины жестокой стужи, еще отъ скудной пищи и отъ употребленія воды, зараженной гніеніемъ труповъ.

Хотя Кутузовскія главныя силы на пространствѣ отъ Копыся до Вильны дѣлали переходы въ среднемъ не больше двадцати верстъ въ сутки, но глубокіе снѣга утомляли людей до чрезвычайности, а подвижныя магазины и транспорты не успѣвали догнать войсковыя колонны. За всѣ три недѣли отъ Копыся до Вильны армія получила только одинъ транспортъ изъ Бобруйска въ двѣ тысячи подводъ.

Конница таяла отъ недостатка фуража. Прибѣгали, кромѣ фуражировокъ, къ реквизиціямъ — и все-таки лошади голодали и падали массаами.

Недостатокъ теплой одежды, отъ чего такъ ужасно страдали французы, чувствовался сильно и у насъ. Полушубками снабжены были далеко не всѣ люди; многіе добывали ихъ сами у мѣстныхъ жителей, либо укутывались чѣмъ попало. Одежда и обувь изнашивались чрезвычайно быстро, въ нѣсколько дней, а замѣнить ее было нечѣмъ...

Всѣ лишенія и тягости похода офицеры и даже генералы наши переносили наравнѣ съ солдатами; одѣты были точно также плохо. Большинство, чтобы отогрѣться, дѣлало походъ пѣшкомъ; многіе обмораживались и оставались въ госпиталяхъ. Армія Чичагова, на которую выпала вся тяжесть преслѣдованія послѣ Березины, понесла въ эти три недѣли еще ббльшій уронъ, чѣмъ Кутузовская армія...

Кутузовъ, донося Государю о своемъ намѣреніи пріостановить армію за Нѣманомъ, имѣлъ въ виду дать людямъ отдыхъ, усилиться подкрѣпленіями, а также вернувшимися изъ госпиталей. Кромѣ того, какъ мы знаемъ, онъ, по своимъ политическимъ соображеніямъ, считалъ, что „дальнѣйшая война за границей вредна и бесполезна“.

Наоборотъ, Императоръ Александръ находилъ, что войну необходимо продолжать и притомъ — безостановочно. На донесеніе Кутузова о намѣреніи оставить главныя силы подлѣ Вильны и преслѣдовать бѣгущихъ только передовыми войсками Государь отвѣчалъ:

„Поверхность наша надъ непріателемъ, разстроеннымъ и утомленнымъ, пріобрѣтенная помощью Всевышняго и искусными распоряженіями вашими, и вообще положеніе дѣлъ нынѣшнихъ, требуютъ всѣхъ усилій къ достиженію главной цѣли, несмотря ни на какія препятствія. Никогда не было столь дорого время для насъ, какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. И потому ни что не позволяетъ останавливаться войскамъ нашимъ, преслѣдующимъ непріателя, ни на самое короткое время, въ Вильнѣ. Я, уважая причины, въ донесеніи вашемъ помѣщенные, нахожу полезнымъ оставить въ Вильнѣ единственно небольшую часть войскъ, болѣе другихъ разстроенную, которая бы собрала отстав-

„шихъ и выздоровѣвшихъ людей, равно и батальоны генераль-
 „маіора князя Уварова*); а прочимъ всѣмъ войскамъ, какъ боль-
 „шой арміи, такъ и арміи адмирала Чичагова и корпуса графа
 „Витгенштейна, слѣдовать непрерывно за непріятелемъ, взявъ
 „такое направленіе, не только внутри, но и внѣ границъ нашихъ,
 „чтобы имѣть въ виду ту же цѣль — отрѣзывать ему сообщеніе и
 „соединеніе съ новыми подкрѣпленіями его“.

Такимъ распоряженіемъ безповоротно рѣшалось безостановочное продолженіе военныхъ дѣйствій, слѣдствіемъ чего и была война 1813 года за освобожденіе Германіи.

Одновременно принять цѣлый рядъ мѣръ по усиленію арміи; объявленъ новый рекрутскій наборъ; намѣченъ цѣлый рядъ новыхъ формированій и укомплектованій; усилены мѣры по снабженію войскъ всякаго рода довольствіемъ и т. п.

Тѣмъ временемъ жалкіе остатки французскихъ войскъ, по уходѣ изъ Вильны, еще болѣе ускорили свое бѣгство. Пространство отъ Вильны до Ковны (100 верстъ) было ими пройдено въ *три перехода*. Въ Ковнѣ находились весьма значительные магазины и два съ половиной милліона франковъ денегъ въ серебряной монетѣ, о вывозѣ которыхъ никто не позаботился...

Для обороны Ковны было оставлено полторы тысячи вновь набранныхъ нѣмецкихъ войскъ и 42 орудія, изъ коихъ лошадей имѣли только двадцать пять...

30 декабря остатки гвардіи и двигавшіяся подъ ихъ защитою толпы бѣглецовъ достигли Ковны. Растерявшійся Мюрать позвалъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ маршаловъ. Оказывалось, что кромѣ помянутыхъ свѣжихъ полутора тысячъ, оставалось столько же въ гвардіи, да и тѣ почти всѣ не были въ состояніи сражаться. Рѣшено было, что Ней, съ арьергардомъ, составленнымъ изъ этихъ нѣмецкихъ рекрутовъ да еще уцѣлѣвшихъ гвардейцевъ, попытается у Ковны прикрыть отходъ прочей бѣдствующей толпы за Нѣманъ и Вислу, а потомъ отойдетъ къ Кенигсбергу, куда долженъ былъ присоединиться и Макдональдъ...

Пока Ней съ этою горстью людей располагался на позиціи, въ самой Ковнѣ повторились тѣ же сцены, что и въ Вильнѣ. Городъ былъ буквально преданъ разграбленію. Особенно ужаса-

*) 15 батальоновъ совершенно свѣжихъ и обученныхъ подкрѣпленій.

ющее дѣйствіе произвелъ разгромъ винныхъ погребовъ; изъ которыхъ выкатывались бочки, тутъ же разбиваемыя, при чемъ накидывающіеся на нихъ люди быстро упивались до безпамятства и въ скорости погибали...

2 декабря къ Ковнѣ подошли: Платовъ со своими казаками и Оруркъ съ конницей Чаплица. По пути отъ Вильны къ Ковнѣ оба они захватили болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ и пятнадцать орудій...

Платовъ обстрѣлялъ своей артиллеріей, везомой имъ на полозьяхъ за отрядомъ, непріятельскую позицію. Не бывшіе никогда въ огнѣ нѣмецкіе новобранцы поражены были паническимъ страхомъ и, побросавъ ружья, кинулись бѣжать. Ихъ удержали самъ маршалъ Ней и его сподвижникъ, генералъ Жераръ.

Тогда Платовъ послалъ казаковъ въ обходъ обоихъ фланговъ и вынудилъ противника бросить свою позицію, съ которой онъ бѣжалъ частью къ Тильзиту, частью къ Вильковишкамъ.

Ней спасся съ двумястами вооруженныхъ людей, изъ которыхъ большинство разбѣлось въ разныя стороны, такъ что при маршалѣ не осталось никого, кромѣ генерала Жерара...

Одинъ изъ участниковъ похода 1812 года, генералъ Дюма, приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующую характерную картину:

„Вырвавшись изъ окаянной Россіи — пишетъ онъ — я отдыхалъ „на своей квартирѣ въ Вильковишкахъ, какъ вдругъ ко мнѣ вошелъ „человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ, съ длинною бородою и красными, сверкающими глазами: „Вы не узнали меня?“ — спросилъ „онъ. — „Нѣтъ! кто вы?“ — „Я арьергардъ „великой арміи“, Маршалъ „Ней!“

Графъ Платовъ, вступивъ въ очищенный отъ непріятеля городъ Ковну, 3 декабря, велѣлъ отслужить передъ войсками на площади торжественное молебствіе, послѣ котораго, во время многолѣтія, былъ произведенъ установленный салютъ. Къ кликамъ „ура“, которые восторженно неслись изъ солдатскихъ и казачьихъ грудей, присоединились и всѣ жители. Католическій ксендзь просилъ разрѣшенія также отслужить молебствіе, и даже евреи вышли торжественно на площадь, неся свою святыню — ковчегъ съ десятью заповѣдями.

Въ Ковнѣ и по пути къ ней казаками захвачено до пяти тысячъ плѣнныхъ и двадцать одно орудіе.

Въ конечномъ результатѣ, изъ 380 тысячъ главной массы французской арміи, перешедшей 10 іюня нашу границу у Ковны, обратно перешло ту же границу всего около *тысячи вооруженныхъ людей съ 9 орудіями* и 20 тысячъ безоружныхъ.

Первые состояли исключительно изъ гвардейцевъ старой гвардіи: 400 пѣхотцевъ и 600 кавалеристовъ; молодая гвардія вся уже разсѣялась. Девять орудій были увезены Мюратомъ изъ Ковны.

Отъ прочихъ корпусовъ остались лишь нѣкоторыя знамена, охраняемая горстью офицеровъ и унтеръ-офицеровъ...

* * *

Какъ только Императоръ Александръ получилъ донесеніе о занятіи нашими войсками Вильны, онъ, въ ночь съ 6 на 7 декабря, выѣхалъ изъ Петербурга къ арміи и прибылъ въ Вильну въ 5 часовъ дня 11 декабря. Встрѣченный Кутузовымъ, Государь провелъ его въ свой кабинетъ и тамъ бесѣдовалъ съ нимъ довольно долго наединѣ.. По выходѣ оттуда, Кутузову былъ поднесенъ графомъ Толстымъ орденъ Св. Георгія 1-й степени. Это былъ первый случай такого награжденія въ нашей арміи за все время существованія этого ордена...

На слѣдующее утро 12-го числа, былъ день рожденія Государя; когда собрались во дворецъ высшіе начальствующіе чины для принесенія поздравленій, Императоръ Александръ, обратясь къ нимъ, сказалъ имъ, какъ представителямъ всей арміи:

„Вы спасли не одну Россію; вы спасли Европу“.

Этими словами дальнѣйшія намѣренія Государя были обнаружены совершенно опредѣленно.

Въ этотъ день Императоръ обѣдалъ у фельдмаршала, и во время тоста за Его Величество установленный салютъ былъ произведенъ изъ отбитыхъ непріятельскихъ пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ на балу у фельдмаршала, у входа въ бальную залу, къ стопамъ Императора были повержены отбитыя непріятельскія знамена.

Въ вышедшемъ въ тотъ же день Высочайшемъ манифестѣ объявлялось прощеніе всѣмъ тѣмъ жителямъ „прежде-бывшихъ

польскихъ, нынѣ же Россійскихъ областей“, которые оказались повинны въ измѣнѣ или пособничествѣ въ томъ или другомъ видѣ непріятелю...

Государь сталъ самъ входить въ распоряженіе арміями; въ составѣ штаба послѣдовали измѣненія. Изданъ цѣлый рядъ организационныхъ мѣръ, главнымъ образомъ по измѣненію состава конницы и инженерныхъ войскъ.

Но главное вниманіе обратилъ гуманный и мягкосердечный Императоръ на ужасающее состояніе госпиталей, переполненныхъ французскими больными и ранеными.

Еще до прибытія нашихъ войскъ эти несчастные гибли тысячами, лишеные всякаго прирѣнія. Трупы ихъ цѣлыми гудами валялись у входовъ въ госпитали..... Больные разбросаны были на голомъ полу, въ сырыхъ, нетопленныхъ комнатахъ; не было ни дровъ, ни соломы, ни воды для питья. Несчастные чуть не сгнивали заживо, рядомъ съ трупами своихъ товарищей...

По распоряженію Кутузова, трупы были вывезены за городъ, гдѣ сожжены или зарыты и засыпаны известью. Императоръ Александръ позаботился объ оставшихся въ живыхъ. „Онъ не „успѣлъ посѣтить эти ужасныя зловонныя жилища, въ которыхъ зараженный воздухъ былъ губительнымъ проводникомъ „болѣзни“, пишетъ о немъ одинъ изъ французскихъ историковъ войны... Въ этомъ дѣлѣ состязался съ нимъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который даже подвергся заразѣ тифомъ.

„Многіе французскіе офицеры вырваны его челоуѣколюбіемъ „изъ челюстей смерти“ пишетъ генералъ Воданкуръ, бывшій самъ въ числѣ таковыхъ.

На генераль-адъютанта графа Сень-При было возложено Императоромъ порученіе устроить возможно лучше всѣхъ непріятельскихъ больныхъ и раненыхъ, и это порученіе было исполнено такъ, что въ прирѣнн нашихъ и непріятельскихъ страждущихъ никакой разницы не было.

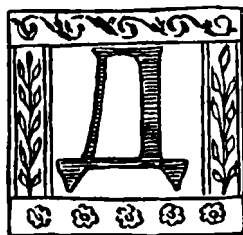

Отступленіе фланговыхъ корпусовъ „великой арміи“. Положеніе Шварценберга и Ренье. Отступленіе ихъ въ предѣлы Варшавскаго Герцогства. Перемиріе наше съ австрійцами и участь Ренье.

Отступленіе Макдональда и его преслѣдованіе. Пошерунская конвенція.

Отступленіе остатковъ корпуса Макдональда къ Ненигсбергу.

олгое время Наполеонъ скрывалъ отъ фланговыхъ корпусовъ своихъ дѣйствительное положеніе вещей.

Австро-саксонцамъ, по прибытіи ихъ 13 декабря въ Кобринъ, дано было черезъ герцога Бассано предписаніе идти какъ можно быстрѣе къ Минску. Шварценбергъ, однако, совершилъ это движеніе не особенно успѣшно, такъ что извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Березину, посланное ему 20 ноября, было имъ получено на пути между Пружанами и Слонимомъ, при чемъ извѣстіе это было представлено въ видѣ блестящаго успѣха.

По прибытіи въ Слонимъ Шварценбергъ получилъ другое извѣщеніе отъ Марэ, въ которомъ, вмѣстѣ съ подробностями о мнимой побѣдѣ французовъ на Березинѣ, ему предписывалось „слѣдить за движеніемъ арміи и маневрировать сообразно съ ея „настоящимъ положеніемъ“.

Пользуясь тѣмъ, что объ этомъ „настоящемъ положеніи“ ему ничего извѣстно не было, Шварценбергъ остался ждать у Слонима болѣе опредѣленныхъ указаній; вмѣстѣ съ тѣмъ это давало ему возможность собразовать свой образъ дѣйствій съ тѣми неопредѣленными слухами о бѣдственной участи Наполеона и его арміи, которые до него доходили и *могли совершенно измѣнить политическія взаимоотношенія державъ.*

Что касается Ренъе, то онъ 14 ноября дошелъ до Брестъ-Литовска, откуда потянулся на присоединеніе къ австрійцамъ.

Тѣмъ временемъ нашъ корпусъ Сакена оставался между Ковелемъ и Любомлемъ, неотступно слѣдя за всѣми передвиженіями австро-саксонцевъ. Выдѣленный имъ на Пинскъ корпусъ Эссена, долженствовавшій присоединиться къ Чичагову, могъ пробраться туда только кружнымъ путемъ, уже послѣ переправы.

Въ критическіе дни кампаніи на Березинѣ обѣ стороны на Волыни бездѣйствовали, при чемъ сильные морозы значительно ослабили какъ австрійскій, такъ и саксонскій корпуса. Въ обоихъ теперь едва насчитывалось тридцать тысячъ. Недостатокъ продовольствія и особенно фуража былъ весьма чувствителенъ...

По занятіи нами Вильны противъ австро-саксонцевъ были направлены слѣдующія войска: 1) корпусъ Тучкова (бывшій Эртеля) отъ Минска черезъ Несвижъ и 2) корпусъ Сакена отъ Ковеля къ Бресту. Общее начальство надъ этими войсками ввѣрено сперва Торماسову, потомъ Дохтурову, къ которому долженъ былъ присоединиться и Эссенъ. Кромѣ того сюда же направлены отъ главныхъ сихъ авангардъ генераль-адъютанта Васильчикова. Резервомъ этимъ войскамъ долженъ былъ служить Милорадовичъ, занявшій своими корпусами (II и IV пѣхотные и II кавалерійскій) Гродно.

Но уже въ это время австрійскому фельдмаршалу участь Наполеона и его арміи сдѣлалась окончательно и доподлинно извѣстна. Пользуясь полученнымъ отъ Мюрата предписаніемъ отойти къ Бѣлостоку, для прикрытія Варшавскаго герцогства, Шварценбергъ рѣшилъ уклоняться отъ всякаго столкновенія съ русскими войсками. Въ свою очередь и нашъ главнокомандующій распорядился „какъ можно ласковѣе обращаться съ австрійцами“.

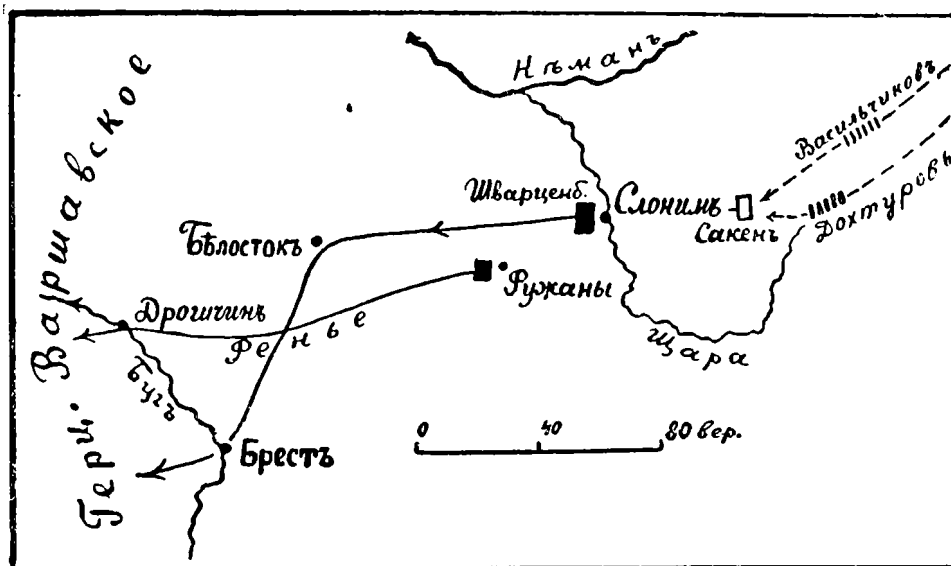
Въ концѣ концовъ дѣло дошло само собою почти до совершеннаго перемирія. Разѣзды обѣихъ сторонъ и передовые посты сходились другъ съ другомъ, офицеры и солдаты братались между

собою, а старшіе начальники относились другъ къ другу съ такою предупредительностью, которая бываетъ только у союзниковъ. Одновременно сдѣлана была попытка завязать дипломатическія сношенія съ Австріей, но Вѣнскій кабинетъ покамѣстъ еще считалъ болѣе осторожнымъ выжидать.

Въ декабрѣ оба корпуса отступили въ Варшавское герцогство, а въ январѣ очистили и его.

О томъ, что съ австрійцами было у насъ заключено тогда тайное перемиріе, свидѣтельствуеетъ и самъ Императоръ Александръ, въ собственноручномъ письмѣ къ графу Н. И. Салтыкову изъ Полоцка, отъ 30 января 1813 года.

Схема отступленія Шварценберга и Ренье.

„Благодаря Всевышняго у насъ идетъ все какъ нельзя лучше: „Варшава занята, Пиллау сдался, а Шварценбергъ отступилъ къ „Галиціи своей. Я за тайну открою Вашему Сіятельству, что мы „даже заключили съ нимъ перемиріе на безсрочное время, вслѣд- „ствіе котораго онъ намъ и оставилъ Варшаву, отдѣлясь совер- „шенно отъ французовъ, и отступилъ къ австрійскимъ границамъ“.

Что касается Ренье, то онъ впослѣдствіи отдѣлился отъ Шварценберга (направившагося къ Кракову) и потерпѣлъ вскорѣ полное пораженіе подъ Калишемъ.

* * *

Корпусъ Макдональда располагался у Митавы и Бауска. Положение этого маршала было весьма затруднительное.

Войска его на двѣ трети состояли изъ пруссаковъ, ненадежность которыхъ, при данныхъ обстоятельствахъ, была очевидна. Приказаніе же объ отступленіи, посланное изъ Вильны Мюратомъ 27 ноября, было получено въ Митавѣ только 6 декабря.

А между тѣмъ графъ Витгенштейнъ продолжалъ движеніе внизъ по теченію рѣки Вилии, въ Червонномъ-Дворѣ присоединилъ къ себѣ подкрѣпленіе въ 7 тысячъ человекъ и, узнавъ здѣсь 5 декабря, что Макдональдъ все еще въ Курляндіи, распорядился такъ:

Дибича (1600 чел.) онъ направилъ на Колтыняны, чтобы выяснитъ направленіе движенія Макдональда; генераль-адъютанта П. Кутузова послалъ усиленными переходами къ Тильзиту, въ точку пересѣченія съ рѣкою Нѣманомъ главнаго пути отъ Риги на Кенигсбергъ, чтобы задержать Макдональда на этой преградѣ, до подхода самого Витгенштейна. Авангардъ Властова шель за Кутузовымъ усиленными переходами тоже къ Тильзиту, впереди Витгенштейна.

Для преслѣдованія же Макдональда съ тыла предназначена была ббльшая часть гарнизона крѣпости Риги.

Еще въ октябрѣ на мѣсто заболѣвшаго генерала Эссена рижскимъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ генераль-адъютантъ Паулуччи.

Въ началѣ декабря Паулуччи получилъ приказаніе главнокомандующаго преслѣдовать Макдональда и немедленно направилъ 8 тысячный отрядъ генерала Левиза непосредственно за нимъ, а самъ, съ двумя съ половиною тысячами, пошелъ на Мемель...

Надо сказать, что позднее извѣщеніе Макдональда о необходимости отступленія произошло отъ того, что при движеніи отъ Березины къ Вильнѣ, Бертье и Мюратъ, озабоченные бѣдствіями и ужасами этого послѣдняго бѣгства, по-просту позабыли сообщить командиру прусскаго корпуса о своемъ дальнѣйшемъ отходѣ.

Впервые объ этомъ Макдональдъ узналъ изъ нашихъ официальныхъ извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій; но онъ не рѣшился самъ отступить, не получивъ приказанія изъ главной квартиры.

Дивизія Гранжана (не прусская) продолжала оставаться у Бауска, а прусскія войска генерала Юрка занимали Митаву.

**Генераль - губернаторъ
Ф. О. Маркизь Паулуччи.**

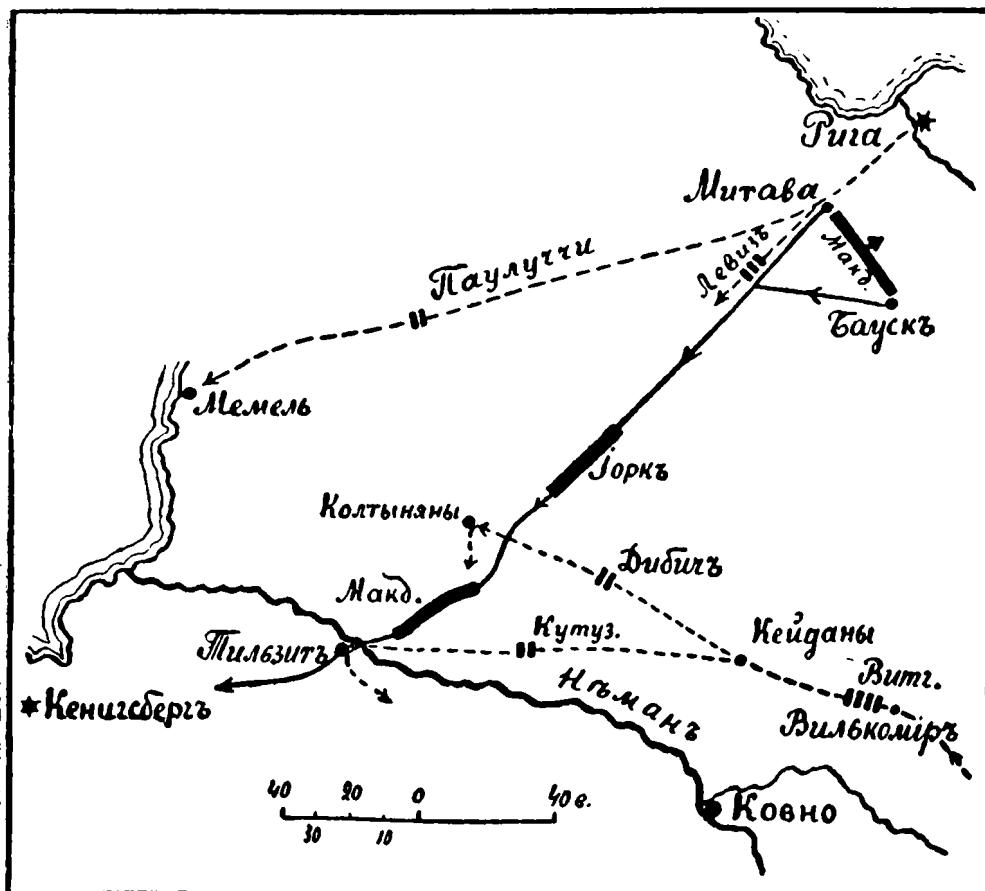
Доставка посланнаго изъ Вильны отъ имени Наполеона приказанія X корпусу отступать запоздала еще потому, что прусскій офицеръ, везшій это приказаніе, поѣхалъ кружнымъ путемъ на Олиту и Тильзитъ, гдѣ задержался на нѣсколько часовъ у родныхъ.

Когда Макдональдъ освѣдомился у посланнаго о состояніи „великой арміи“, то получилъ слѣдующій неутѣшительный отвѣтъ:

„Кавалерія безъ лошадей, артиллерія безъ пушекъ, а пѣхота „замерзла“.

Въ тотъ же день, 6 декабря, Макдональдъ отправилъ всѣ обозы по дорогамъ на Тильзитъ и Мемель, двинувъ на слѣдующій день по первой изъ этихъ дорогъ головной эшелонъ въ составѣ дивизіи Гранжана и части прусскихъ войскъ генерала Массенбаха. Другой эшелонъ состоялъ изъ прочихъ прусскихъ войскъ генера-

Схема отступленія Макдональда.

ловъ Юрка и Клейста и двинулся 8 декабря. Отъ Колтынянъ предполагалось идти на Тильзитъ двумя колоннами.

Замѣтивъ отступленіе Макдональда, Паулуччи поручилъ его преслѣдованіе Левизу, а самъ 9 декабря занялъ Митаву, вытѣснивъ изъ нея арьергардъ пруссаковъ; потомъ направился къ Мемелю, который и занялъ 15-го числа, захвативъ немало предметовъ артиллерійскаго довольствія и много судовъ, въ томъ числѣ 9 канонерскихъ лодокъ.

Тѣмъ временемъ главныя силы Витгенштейна 10-го прибыли въ Кейданы, а Дибичъ миновалъ Колтыняны; отрядъ же генераль-адъютанта Кутузова уже 9-го числа приблизился къ Тильзиту и занялъ этотъ городъ передовыми своими частями. Затѣмъ онъ выдвинулся впередъ по дорогѣ на Ригу, занявъ тѣснину у деревни Пиклупенень.

Въ свою очередь генераль Дибичъ, не имѣя свѣдѣній о направленіи, взятомъ Макдональдомъ, и предполагая, что онъ пойдетъ Мемельской дорогой на Кенигсбергъ, не ограничился перехватомъ пути Рига — Тильзитъ, а продолжалъ движеніе на перекрѣзъ Макдональду, по направленію къ Мемелю. Вслѣдствіе этого вышло, что Дибичъ миновалъ дорогу, по которой шель непріятель, такъ что первый его эшелонъ былъ уже на пути къ Тильзиту.

Свѣдѣнія, полученныя въ Колтынянахъ Дибичемъ, были такого сорта, что онъ считалъ прошедшія мимо него войска всѣми силами корпуса Макдональда и предполагалъ атаковать ихъ хвостъ; въ дѣйствительности же не подошла еще вся колонна Юрка и Клейста, числомъ болѣе десяти тысячъ человекъ, и Дибичъ легко могъ попасть въ тиски между обоими эшелонами, такъ что его менѣе чѣмъ двухтысячному отряду пришлось бы плохо, если бы не отпаденіе пруссаковъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Макдональдъ раздѣлил свой эшелонъ на двѣ колонны, изъ коихъ въ одной пошелъ со своей дивизіей Гранжанъ на Таурогень, а другая, подъ его личнымъ начальствомъ, направилась прямо къ Тильзиту.

Властовъ, задержавшійся у Пиклупененскаго дефиле, былъ потѣсненъ къ Тильзиту; прусская конница даже привела его арьергардъ въ разстройство и захватила плѣнныхъ; но подкрѣпленія, высланныя генераль-адъютантомъ Кутузовымъ, поправили дѣло.

Тѣмъ временемъ войска Юрка и Клейста были еще верстахъ въ пятидесяти позади.

**Генераль-лейтенантъ
Федоръ Федоровичъ Левизъ.**

Когда Дибичу обстановка сдѣлалась совершенно ясной, и онъ увидѣлъ, что легко можетъ очутиться между двухъ огней, онъ рѣшилъ попытаться воспользоваться обстоятельствами и попробовать завязать переговоры съ пруссаками, рассчитывая на то, что разгромъ „великой арміи“ можетъ побудить ихъ даже къ отпадению отъ союза съ Наполеономъ.

Дѣйствительно, пруссаки въ 1812 году воевали съ нами только по принужденію. Ослабленная и до-нельзя униженная разгромомъ 1806—1807 годовъ, Пруссія не смѣла и помышлять противиться волѣ своего побѣдителя; но крушеніе его замысловъ, обращенныхъ противъ Россіи, и истребленіе „великой арміи“ подавали надежду на то, что при помощи Россіи, пруссакамъ удастся освободиться отъ этой позорной зависимости...

Въ нашей арміи хорошо извѣстна была глухая ненависть къ Наполеону и французамъ, которая царила въ Пруссіи, да и въ большей части Германіи. Многие прусскіе офицеры, по заключеніи Тильзитскаго мира, перешли въ русскую службу и теперь прямо обнадеживали, что ихъ соотечественники при первомъ удобномъ случаѣ, постараются сбросить иго ненавистнаго корсиканца...

Еще въ октябрѣ, вскорѣ по назначеніи въ Ригу Паулуччи, французскій эмигрантъ Репатѣль, находившійся въ русской службѣ, пытался завязать сношенія съ Юркомъ; вслѣдъ затѣмъ Паулуччи, отвергнувъ это посредничество, установилъ самъ переписку съ Юркомъ; независимо того, графъ Витгенштейнъ командировалъ съ тою же цѣлью генералъ-маіора князя Репнина.

Эти сношенія, завязавшіяся, какъ видно, по частному почину нашихъ военачальниковъ, были потомъ одобрены Императоромъ Александромъ, которому донесъ о нихъ Паулуччи.

Послѣдній продолжалъ убѣждать генерала Юрка въ необходимости отложиться отъ французовъ, но онъ рѣшился приступить къ выполненію этого намѣренія не ранѣ изъясненія на этотъ предметъ воли короля Фридриха-Вильгельма III, къ которому генералъ Юркъ и послалъ въ Берлинъ своего адъютанта маіора Зейдлица.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Юрку, исполняя предписаніе Макдональда, пришлось двинуться по направленію къ Нѣману. 13 декабря онъ дошелъ до окрестностей Колтынянъ, въ тотъ самый день, когда Дибичъ занялъ этотъ пунктъ, по пути отступленія пруссаковъ.

Чтобы избѣгнуть очевидно грозившей ему самому большой опасности и побудить пруссаковъ къ начатію переговоровъ, Дибичъ попробовалъ послать къ генералу Клейсту извѣщеніе, что его войска отрѣзаны значительными русскими силами и что генералъ Дибичъ предлагаетъ войти съ нимъ въ сношеніе.

Клейстъ сослался на неимѣніе правъ начать переговоры до прибытія старшаго надъ нимъ Іорка, которое ожидалось только къ вечеру. Такимъ образомъ успѣхъ завязавшихся сношеній зависѣлъ исключительно отъ того, какъ поведетъ себя Іоркъ...

Генералъ Іоркъ, будучи опытнымъ и храбрымъ военачальникомъ, отличался необыкновенною силою характера. Честность и видимое прямотушіе соединялись въ немъ съ огромнымъ честолюбіемъ и крайнею скрытностью.

По желанію Наполеона, въ 1812 году командиромъ прусскаго вспомогательнаго корпуса былъ назначенъ престарѣлый генералъ Гравертъ, слабый здоровьемъ, не отличавшійся способностями, но сговорчивый, такъ что дѣйствіями его Макдональду было бы нетрудно управлять.

Но прусскій министръ Шарнгорстъ—впослѣдствіи знаменитый дѣятель освободительной войны и преобразователь прусской военной системы—посоветывалъ прямо придать къ Граверту Іорка въ качествѣ помощника; на самомъ же дѣлѣ Іорку надлежало наблюдать за Гравертомъ. Такъ какъ послѣдній вскорѣ заболѣлъ, то командованіе прусскими вспомогательными войсками фактически перешло къ Іорку и тотчасъ же между нимъ и маршаломъ Макдональдомъ пошли раздоры, о которыхъ оба жаловались въ Вильну, маршалъ—герцогу Бассано, а Іоркъ—прусскому резиденту Круземарку.

Какъ только Іоркъ присоединился къ Клейсту и узналъ о предложеніи Дибича, онъ тотчасъ же изъявилъ желаніе съ нимъ видѣться.

Около 9 часовъ вечера свиданіе это состоялось близъ передовыхъ постовъ.

Іоркъ не далъ пока опредѣленнаго отвѣта; онъ изъявилъ готовность заключить договоръ о нейтралитетѣ прусскихъ войскъ лишь *принципіально*, находя это еще несвоевременнымъ. Поэтому Дибичъ, на всякій случай, принялъ мѣры предосторожности, чтобы предотвратить всякую попытку Іорка пробиться къ Тильзиту.

На слѣдующій день Іоркъ продвинулся нѣсколько къ Тильзиту; очевидно, онъ медлилъ съ отвѣтомъ, ожидая указаній изъ

**Генераль - лейтенантъ
Баронъ Н. Н. Дибичъ 2-й.**

Берлина, но этимъ возбудилъ подозрѣнія Дибича, который опасался, что прусскій генераль введетъ его въ обманъ, а самъ присоединится къ Макдональду...

Такъ дѣло шло до 18 декабря; Юркъ маленькими переходами приближался къ Тильзиту, а Дибичъ каждый разъ становился на перерѣзъ его пути. Дѣло дошло уже до того, что между Юркомъ и Макдональдомъ оставалось не болѣе тридцати верстъ.

Тогда Дибичъ отправилъ 17-го числа къ Юрку Клаузевица, который прибылъ къ нему какъ разъ въ одно почти время съ возвращеніемъ посланнаго въ Берлинъ маіора Зейдлица.

Послѣдній, хотя не доставилъ никакого опредѣленнаго приказанія отъ короля, но все же сообщилъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился разорвать союзъ съ Наполеономъ, *какъ только разъяснятся политическія отношенія государствъ*. Проѣздомъ въ Берлинъ и обратно, Зейдлицъ, по состоянію тыловыхъ учрежденій французской арміи, убѣдился въ ея полнѣйшемъ разстройствѣ; кромѣ того, онъ узналъ объ отступленіи австрійцевъ къ границамъ Варшавскаго герцогства.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, генераль Юркъ убѣдился, что для Пруссіи наступилъ такой историческій моментъ, про который съ увѣренностью можно было сказать: „Теперь—или никогда“!

Принявъ тогда Клаузевица и убѣдившись въ томъ, что свѣдѣнія о расположеніи русскихъ, доставленныя ему, были вѣрны, Юркъ, подумавъ съ минуту, сказалъ Клаузевицу: „Я—вашъ“ и просилъ Дибича прибыть къ нему на свиданіе у Пошерунской мельницы.

Свиданіе это состоялось 18 декабря въ назначенномъ мѣстѣ. На основаніи конвенціи, составленной начальникомъ штаба прусскаго корпуса Редеромъ и Клаузевицомъ и подписанной Юркомъ и Дибичемъ, пруссаки обязались отдѣлиться отъ Макдональда и расположиться въ прусскихъ владѣніяхъ вблизи Мемеля, въ полость, признанной нейтральной.

Въ донесеніи, посланномъ своему королю въ Берлинъ, Юркъ въ заключеніе писалъ:

„Повергаю къ стопамъ Вашего Величества свою голову, если „я буду признанъ виновнымъ; я умру съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что, по крайней мѣрѣ, ничего не сдѣлалъ противнаго долгу „вѣрнопоподданнаго и сына отечества.

„Теперь — или никогда — время избавиться Вашему Величеству отъ высококомѣрныхъ притязаній союзника, виды котораго въ отношеніи Пруссіи облечены мракомъ, возбуждавшимъ справедливыя опасенія, если бы онъ дѣйствовалъ съ прежнимъ успѣхомъ. Таково было руководившее мною убѣжденіе; да послужитъ оно ко благу отечества“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Іоркъ послалъ къ Массенбаху (находившемуся въ отрядѣ самого Макдональда) предписаніе присоединиться къ конвенціи. Массенбахъ скрытно вывелъ свои войска изъ Тильзита (который былъ уже тогда занятъ Макдональдомъ) и объявилъ имъ о Пошерунскомъ договорѣ. Восторгъ солдатъ былъ неописанный.

Въ Пиклупененѣ, Массенбахъ сошелся съ Дибичемъ, а въ Таурогенѣ съ Іоркомъ.

Такимъ образомъ отпало отъ французовъ девятнадцать батальоновъ и четырнадцать эскадроновъ, а всего 16 тысячъ человекъ при 47 орудіяхъ.

Въ распоряженіи Макдональда осталась одна дивизія, всего 8 тысячъ человекъ. 19-го числа онъ былъ извѣщенъ о поступкѣ Іорка письмомъ отъ него...

Императоръ Александръ, по полученіи донесенія о договорѣ съ Іоркомъ, лично писалъ къ нему слѣдующее:

„Спѣшу, генераль, изъявить вамъ удовольствіе мое: отнынѣ — двѣ націи, взаимно соединенныя чувствами уваженія и пріязни, не будутъ истреблять одна другую въ угоду ненасытному властолюбію притѣснителя Европы. Моя преданность къ королю осталась неизмѣнной, а живое участіе къ Прусской Монархіи еще болѣе усилилось. Прилагаю письмо къ королю, которое весьма важно, и прошу васъ отправить его съ надежнымъ офицеромъ“.

Что же касается остальныхъ войскъ Макдональда, то они (дивизія Гранжана) заставили слабый отрядъ П. Кутузова очистить Тильзитъ и, узнавъ объ отпадении Іорка, 19 декабря, въ числѣ 8 тыс. чел. и 12 орудій, направились къ Кенигсбергу.

Общее заключеніе.

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить
У ней особенная статья:
Въ Россію можно только вѣрить.

Тютчевъ.

такъ, къ концу декабря, какъ разъ къ празднику Рождества Христова, русская земля была окончательно очищена отъ нашествія. Великое рѣшеніе Русскаго Царя—не влгать мечъ въ ножны, „доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется“ въ Его Царствѣ, было въ точности приведено въ исполненіе.

Отечественная война была окончена. Дальнѣйшіе подвиги нашего оружія, въ союзѣ съ другими государствами Европы, приведшіе въ концѣ концовъ къ полному крушенію власти Наполеона, должны составить предметъ особаго повѣствованія.

Отечественная война Россіи занимаетъ совершенно особое, исключительное мѣсто. Она велась въ *отечествѣ*, за *отечество* и—всѣмъ *отечествомъ*, въ дружномъ единеніи нашихъ народныхъ силъ съ Обожаемымъ Вѣнценосцемъ.

Названіе ея поэтому имѣетъ глубокой внутренней смыслъ и этотъ примѣръ, въ исторіи всѣхъ государствъ міра является единственнымъ въ своемъ родѣ.

Не останавливаясь ни передъ какими жертвами, всѣ русскіе люди, отъ Царя до послѣдняго крестьянина исполнили самоотверженно свой долгъ передъ отчизной и воздвигли этимъ своему неподражаемому патриотизму нерукотворный памятникъ на вѣчныя времена...

Но эта положительная сторона 1812 года не должна заставлять насъ закрывать глаза на совершенныя нами ошибки. Такъ, первый періодъ войны мы переживаемъ въ началѣ положеніе, близкое къ критическому, благодаря пагубному плану Фуля, который едва не поставилъ наши арміи на край гибели. Только необычайныя достоинства нашихъ доблестныхъ войскъ и частныхъ начальниковъ позволили намъ счастливо избавиться отъ крушенія, которое готовилъ намъ противникъ, подмѣтившій наши ошибки и не преминувшій ими воспользоваться...

Съ пріѣздомъ Кутузова исчезаетъ разрозненность дѣйствій; войска, чувствуя, что ими управляетъ единая твердая и опытная рука и питая полное довѣріе къ новому главнокомандующему, избраннику народа, доходятъ до наивысшаго напряженія энергіи, что и находитъ себѣ выраженіе въ безпримѣрномъ по кровопролитію боевомъ столкновеніи подъ Бородинымъ.

Бородинское сраженіе, въ общемъ ходѣ принятаго нами новаго плана дѣйствій, въ основу котораго легла идея „постепеннаго истребленія“ врага, повидимому, являлось преждевременнымъ. Но нельзя не дать было выхода накипѣвшему у всей Россіи, начиная съ ея Царя, чувству ненависти къ врагу и потребности въ отплатѣ за дерзкое вторженіе въ самое сердце Россіи. Наконецъ, народное сознаніе не допускало мысли объ отдачѣ Москвы врагу безъ искупительной жертвы и она была принесена русскимъ народомъ на Бородинскихъ поляхъ.

Но значеніе Бородина этимъ не ограничилось. Мы тамъ не только отбили страшный ударъ мощнаго противника, но самую мощь его поколебали и разстроили настолько, что уже до самаго конца войны онъ не могъ отъ этого оправиться.

Дальнѣйшій заключительный періодъ войны, съ момента оставленія нами Москвы и до конца кампаніи, являетъ собою постепенное и полное торжество Кутузовской основной идеи „постепеннаго истребленія“ непріятеля. Самое рѣшеніе отдать врагу Москву, сохранивъ армію для спасенія Россіи, будетъ всегда па-

мятнымъ примѣромъ величія духа и истиннаго гражданскаго мужества со стороны Кутузова, не побоявшагося принять на себя одного всю огромную отвѣтственность за это рѣшеніе. Послѣдствія показали, какъ велика была въ данномъ случаѣ вся прозорливость фельдмаршала.

Медаль, выбитая въ память Отечественной войны.
(Снимокъ съ подлинной медали).

Пребываніе французовъ въ Москвѣ, искусно затянутое хитростью главнокомандующаго почти на двѣ недѣли лишнѣхъ, вмѣсто ожидаемаго укрѣпленія ихъ матеріальныхъ, и духовныхъ силъ, ведетъ, наоборотъ, къ полному физическому и моральному разстройству арміи. Взрывъ народнаго негодованія отъ дерзкаго нашествія доходитъ до своего апогея, особенно послѣ святотатственныхъ поступковъ, допущенныхъ непріателемъ и возгорается небывалая въ исторіи народная война, довершающая истощеніе силъ врага. Пребываніе въ Москвѣ становится гибельнымъ для противника, который, не достигнувъ успѣха въ затѣянныхъ имъ

мирныхъ переговорахъ, вынужденъ искать какого-нибудь исхода и, въ результатъ, не находить другого доступнаго ему рѣшенія, кромѣ отступленія. Отступленіе это, подъ давленіемъ нашего искуснаго и необычайно энергичнаго преслѣдованія, на протяженіи 1000 верстъ въ теченіе 50 дней, мало-по-малу переходитъ въ полнѣйшее бѣгство.

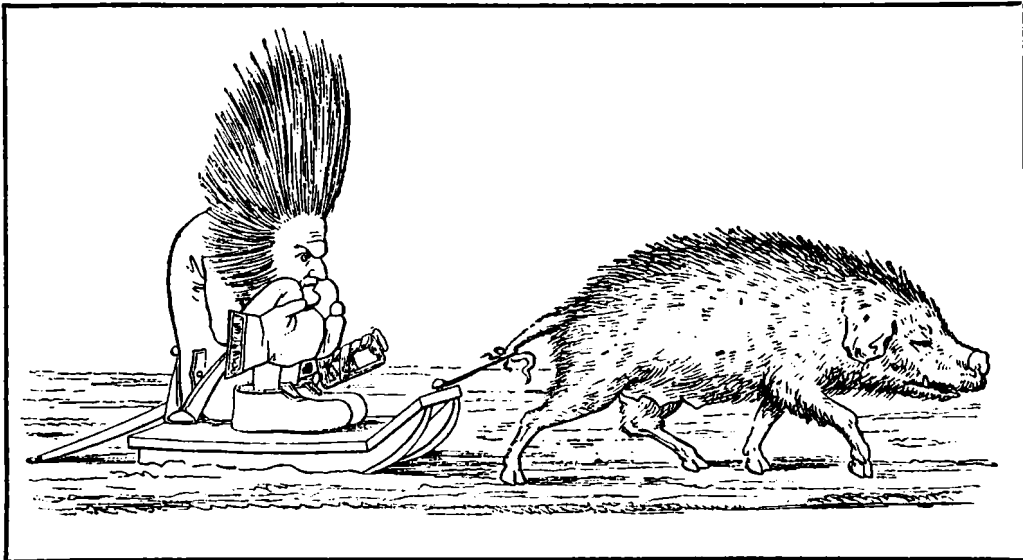
Мы не даемъ противнику въ буквальный смыслъ слова „ни отдыха, ни срока“ и, если Кутузову ставились современниками и послѣдующими изслѣдователями войны упреки въ нерѣшительности и чрезмѣрной осторожности, то только потому, что лица эти не понимали основной мысли главнокомандующаго, стремившагося достигнуть поставленной цѣли безъ всякаго риска, вѣрнымъ путемъ.

Грандіозный планъ, задуманный лично Императоромъ Александромъ и разыгравшійся на берегахъ Березины, нѣсколько отступалъ отъ этой идеи, но долженъ былъ привести къ самымъ полнымъ результатамъ, т. е. къ плѣненію Наполеона со всѣми остатками его арміи. Этотъ результатъ достигнуть не былъ, по причинамъ, разобраннымъ нами въ своемъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на наши ошибки, на проявленный нашимъ противникомъ въ полномъ блескѣ присущій ему военный геній, французская армія на берегахъ Березины перестала существовать и черезъ границу перешли, изъ 600 тысячъ всей вторгнувшейся массы, лишь жалкіе остатки...

Наполеонъ впослѣдствіи увѣрялъ, что армію его въ 1812 году сгубили морозы и это мнѣніе распространенное затѣмъ иностранными историками, къ сожалѣнію раздѣляется и до сихъ поръ, даже многими недостаточно освѣдомленными въ военной исторіи образованными русскими.

Французская армія вышла изъ Москвы 7 октября, а 10 ноября подошла къ Березинѣ, что составляетъ 35 дней. Изъ этихъ 35 дней, 21 день (по французскимъ же источникамъ) армія шла при хорошей погодѣ и не терпѣла отъ холодовъ. Морозы начались съ 28 октября и продолжались 3—5 дней, но, по свидѣтельству Жомини, не превышали 8°. Отъ Орши до Березины была даже оттепель и морозъ не былъ ни разу сильнѣе 4°. Только отъ береговъ Березины начались дѣйствительно сильныя морозы

(20—25°), которые и продолжались вплоть до обратного перехода французами границы. Но съ Березины Наполеонъ ушелъ только съ 9.000, а изъ Москвы вышелъ, имѣя болѣе ста тысячъ...

Французскій вояжеръ въ 1812 году. (Карриатура 1812 г.).

„Нѣтъ, не одинъ морозъ погубилъ французскую армію (говорить Г. А. Лееръ), а промахи Наполеона (слишкомъ продолжительное пребываніе въ Москвѣ), глубокія соображенія Кутузова и его помощниковъ, мужество и труды арміи и неусыпность и отвага „нашихъ легкихъ войскъ“. Къ этому надлежало бы прибавить и однородную съ „легкими войсками“ (казаками и партизанами) дѣятельность народныхъ дружинъ, самоотверженная работа которыхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ равнялась булавочному уколу, въ общей своей массѣ наносила, вмѣстѣ съ партизанской войной, непоправимый ущербъ противнику, поражая его въ самое больное мѣсто.

Дѣйствительно, вопросъ о снабженіи арміи,—а вовсе не морозъ,—вотъ гдѣ была ахилессова пята Наполеона, вотъ гдѣ его главный прочѣтъ и основная причина постигшей его неудачи. Собравъ огромныя небывалыя средства для борьбы, Наполеонъ увлекся грандіознымъ планомъ „ухватить Россію за сердце“, не предвидя того напряженія моральной силы, на которое оказался способенъ русскій народъ. Наполеонъ думалъ, что, какъ и вездѣ,

падєніє столиці понудить насъ униженно просить мира, послѣ чего всѣ матеріальныя средства страны будутъ къ его услугамъ и,

Казакъ, гасящій Наполеона. (Карриатура 1812 года).

слѣдовательно, рискъ предпринятаго имъ недостаточно обезпеченнаго въ продовольственномъ отношеніи столь значительнаго уда-

ленія отъ своей базы будетъ устранень. Но, оказалось, что съ занятіемъ Москвы, по понятію русскихъ людей, наступилъ не *конецъ*, а только *начало* грандіозной борьбы *всѣмъ народомъ*.

Какъ только началась эта беспощадная, дружная борьба, бившая все время неуклонно врага въ его самое больное мѣсто,— тотчасъ же начали серьезно давать себя знать и всѣ прочія, дотолѣ незамѣтныя, слабыя стороны, организациі огромной Наполеоновской арміи. Ея разноязычность, ненадежность нѣкоторыхъ союзныхъ континентовъ, неспособность отдѣльныхъ маршаловъ къ самостоятельному командованію, недостаточная стойкость дисциплины, отсутствіе прочныхъ духовныхъ идеаловъ, побуждающихъ къ борьбѣ и т. д.— все это давало себя чувствовать съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе.

На берегахъ Березины мы видимъ яркую вспышку неподражаемаго военнаго генія Наполеона, рѣдкіе примѣры доблести и самоотверженія въ его войскахъ, возбужденные его личнымъ присутствіемъ и примѣромъ; но эти отдѣльные моменты могли лишь помочь дѣлу спасенія остатковъ арміи, но не остановитъ общаго развала и крушенія, начавшихся еще съ выхода изъ Москвы и развивавшихся съ быстротою эпидемической болѣзни, разрушая тѣло арміи и превращая еѣ въ одичавшую толпу бродягъ, помышляющихъ только о томъ, чтобы утолить пожиравшей еѣ адскій голодъ...

А между тѣмъ огромные, неисчислимыя запасы собраны были французскими интендантами на базѣ и лишь по невозможности правильнаго подвоза не были использованы...

* * *

Въ наши дни, когда истекаетъ столѣтіе грандіозныхъ событій 1812 года, взволновавшихъ всю Европу и возведшихъ славу Россіи и русскаго народа на небывалую высоту, особенно поучительно вспомнить то, что пережило тогда наше Отечество и, главное, чѣмъ оно одержало верхъ надъ противникомъ, равнаго которому по силѣ и искусству не было ни въ прежнія, ни въ послѣдующія времена...

Въ наши дни повсемѣстной розни и разлада назидательно оглянуться назадъ и, обозрѣвъ подвиги прошлаго вѣка, оцѣнить главную причину той конечной удачи, которой мы достигли.

Эта причина — *дружное единеніе* всѣхъ безъ исключенія составныхъ элементовъ русскаго народа въ общемъ стремленіи освободить родную землю отъ вражескаго нашествія. Россія, по зову своего Царя, подавшаго первый примѣръ неуклонной стойкости и твердости воли.

Сплотившись вокругъ Самодержца своего дружною стѣной, русскій народъ не склонилъ передъ дерзкимъ врагомъ своей выи, а, собравшись съ духомъ и силами, далъ ему такой могучій, единодушный отпоръ, который надолго показалъ міру, какія стихійныя силы таятся въ насъ и какихъ необычайныхъ результатовъ могутъ онѣ достигъ, если будутъ вызваны изъ спокойствія...

Исторія войны 1812 года, несмотря на недавнія пережитыя неудачи, должна возбудить въ насъ снова вѣру въ себя и въ свои силы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, та же исторія учитъ насъ, что „если „хочешь мира — готовься къ войнѣ“ и, что многія опасныя для насъ положенія въ эту славную кампанію могли бы быть избѣгнуты, если бы это правило не было упускаемо изъ вида. Поэтому правило Великаго Петра: „надѣйся на миръ, не ослабѣвать въ „военномъ дѣлѣ, дабы не уподобиться Имперіи Греческой“ должно быть записано по прежнему огненными буквами въ памяти cadaго, любящаго родину, русскаго челоуѣка...

ПОРТРЕТЫ, КАРТИНЫ, СХЕМЫ, КАРРИКАТУРЫ, МЕДАЛЬ
И ВИНЬЕТКИ, ПОМЪЩЕННЫЕ ВЪ V-мъ ТОМЪ.

П О Р Т Р Е Т Ы:

	Стр.
Александръ I, Императоръ	642
Бергъ I. М., графъ	679
Воиновъ, А. А.	761
Властовъ, Е. И.	729
Дибичъ, Н. Н. 2-й, баронъ	791
Кноррингъ, О. Ф.	665
Корниловъ, П. Я., князь	709
Левизъ, Ф. Ф.	789
Ланжеронъ, графъ	667
Орурка, И. К. 1-й, графъ	691
Маркизь Паулуччи	787
Палень, П. П. 2-й, графъ	669
Сабанѣвъ, И. В.	701
Фокъ, А. Б.	744
Чернозубовъ, И. Ѳ., 4-й	775
Чаплиць, Е. И.	725
Чичаговъ, П. В.	675
Щербатовъ, А. Г. 1-й, князь	673
Яшвиль, П. М., князь	741

К А Р Т И Н Ы:

	Стр.
Отступление французской армии черезъ Вильно	777
Переправа французской армии черезъ Березину	743
„Въ штыки ура! ура!“	749
Ночной привалъ великой армии	711
Сожженіе знаменъ	646

С Х Е М Ы:

	Стр.
Схема, положенія сторонъ 10—12 ноября	656
„ боя у Лошницы 11 ноября	669
„ боя у гор. Борисова	673
„ положенія 13 ноября	699
„ боя у Студенки	713
„ боя на Березинѣ 16 ноября	737
„ преслѣдованія до Вильны	769
„ отступленія Шварценберга и Ренье	785
„ отступленія Макдональда	787

К А Р Р И К А Т У Р Ы:

	Стр.
Французскій вояжерь въ 1812 году	797
Казакъ, гасящій Наполеона	798

М Е Д А Л Ь:

	Стр.
Медаль, выбитая въ память Отечественной войны	795

ЗАСТАВКИ, КОНЦОВКИ и БУКВЫ:

	Стр.
Глава XLII. Заставка и буква „П“	641
Концовка	654
Глава XLIII. Заставка и буква „В“	655
Концовка	676
Глава XLIV. Заставка и буква „Б“	677
Концовка	688
Глава XLV. Заставка и буква „У“	689
Концовка	702
Глава XLVI. Заставка и буква „С“	703
Концовка	720

	Стр.
Глава XLVII. Заставка и буква „В“	721
Концовка	732
Глава XLVIII. Заставка и буква „К“	733
Концовка	750
Глава XLIX. Заставка и буква „П“	751
Концовка	766
Глава L. Заставка и буква „Д“	767
Концовка	782
Глава LI. Заставка и буква „Д“	783
Концовка.	792
Глава LII. Заставка и буква „И“	793
Концовка.	800

